

Объединенный институт ядерных исследований

В. М. Цупко-Ситников

СТИХИ ПОЗДНИХ ЛЕТ

Дубна
2019

ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ц86

Цупко-Ситников В. М.
Ц86 Стихи поздних лет. — Дубна: ОИЯИ, 2019. — 204 с.
ISBN 978-5-9530-0527-2

Всеволод Михайлович Цупко-Ситников (р. 1930) — физик, доктор технических наук, профессор, консультант дирекции Лаборатории ядерных проблем ОИЯИ. Работает в Дубне с 1954 г. (Институт ядерных проблем АН СССР), с 1956 г. и по настоящее время — в Лаборатории ядерных проблем ОИЯИ. Автор и соавтор более 300 научных работ, в том числе одной монографии. Несколько стихотворений опубликовано в сборнике «Физики-лирики» (Дубна: ОИЯИ, 2002).

Вниманию читателей предлагается первый поэтический сборник автора.

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Цупко-Ситников В. М., 2019

© Объединенный институт
ядерных исследований, 2019

ISBN 978-5-9530-0527-2

ВАЛДАЙ

Валдай — озера и холмы,
Леса глухие и болота.
Узнав, в тебя влюбились мы —
Теперь твои мы патриоты.

Хранишь следы ты ледников
В холмах песчаных и озерах
И ощущаешь дань веков
В пейзажа девственных узорах.

Валдай — поля и валуны,
И речек быстрых перекаты.
Зимой в мои ты входишь сны,
Твои я слышу ароматы.

Ты с первых дней меня пленил
Своим уютом и покоем.
И даже пасмурные дни
Не в тягость были нам с тобою.

Валдай — медвяный дух лугов,
Настой малинников душистых
И взгляд из диких берегов
Озер, таинственных и чистых.

Я слышал клики журавлей
В твоих загадочных болотах
И ток безумных глухарей
Во время ягодной охоты.

Валдай — закат у двух озер —
На перешейке меж щуграми.
Костер. Вечерний разговор.
Бой с дымом, схватки с комарами.

Походы в дальние леса,
Куда ведут глухие стежки.
Болот коварных чудеса,
И пьяный, винный вкус морошки.

Валдай — черника и грибы.
Брусника. Клюква на болотах —
Благословение судьбы,
Что дарит отдых нам в заботах.

В заботах легких для души,
В трудах тяжелых, но не тяжких...

И как минуты хороши,
Когда наполнишь чаем чашки,

Блаженно сядешь на пенек
Иль ствол поваленный гиганта,
Что в бурю выстоять не смог —
И лег поверженным Атлантом.

В корзинах свежие дары —
Природы северной щедроты:
Чем наградили нас боры
И дали мокрые болота.

Грибов и ягод аромат,
Незабываемые краски...
Корзины полные стоят —
Как в старой доброй русской сказке...

Валдай — особый мир озер,
Разнообразный и прекрасный:
Одно — величье и простор,
Другое — глаз среди леса ясный.

Ужйн в высоких берегах —
Совсем Байкал в миниатюре.
И жаль, что кисти нет в руках
И дара божьего в натуре.

Как все здесь просится в альбом —
Запечатлеть и любоваться.
Тут прелесть в уголке любом,
Глядишь — не можешь оторваться.

И чудо — озеро Валдай —
С холмов окрестностей глядится.
И манит вас зеленый рай
Его покоем насладиться.

Есть пара малая озер,
Что нам особо полюбились.
О них — отдельный разговор.
Мы много лет туда стремились.

Они нам дороги сейчас,
О них мы часто вспоминаем.
Но выпал мне недобрый час,
И скоро ль будем там — не знаем.

Нас в первый день очаровал
Меж двух озер увал высокий.
С тех пор там лагерь наш стоял
И вид нас радовал широкий:

На гладь спокойную озер,
Еловый лес, щугор прикрывший;
А на другом — сосновый бор,
Под ним ольшаник, доли скрывший.

А сам увал — раздолье трав,
До нас не кошенных, не мятых...
И как старик был добрый прав,
Нам это место указав
В краях и так красой богатых.

Идет дорога на увал,
Идет, петляя живописно:
То сквозь ольхи зеленый вал,
То вдоль озер участком чистым.

Налево — Нелюшка лежит,
Лежит обжито и лениво.
Ее спокойны рубежи —
Вдоль них кусты, луга и нивы.

Направо вид совсем иной —
Красиво, дико Защегорье:
То лес стоит сплошной стеной,
То из воды встает угорье.

Заливы манят заглянуть
В свои таинственные дали...
И ты прервешь невольно путь...
Да, мы подолгу там стояли,

Любуясь чистой красотой,
Еще нетронутой, зовущей...
А берег — дикий и пустой,
Уединение несущий...

Тут на увале много раз
Мы лагерь ставили с друзьями.
И ты снимал заботы с нас —
Как маг — волшебными руками.

Беспечно — день за днем в трудах —
Мы проводили тут недели...

Забыв о хворях и годах,
Артельно жили, пили-ели.

Артельно лагерь свой вели
И шли артельно на болота.
Знакомых новых обрели —
Кому такая жизнь в охоту.

По вечерам горел костер.
В тазах варение варили,
Вели несложный разговор,
Одежду мокрую сушили.

Бывало, в чей-то юбилей
Сходилось шумное застолье,
И песней юности своей
Будили сонное приволье.

И каждый раз — почти с тоской —
Тебя, Валдай, мы покидали.
И целый год, зимой глухой
С тобою новой встречи ждали.

Дорога в лес — и путь пешком:
Ухабы, рытвины, завалы...
И мы уже идем гуськом,
Невольно держим интервалы:

Стегают ветви по лицу.
И комару в тени привольно:
Да, подфартило подлецу —
И жалит дерзко он и больно.

А новый лес — загадок полн,
Надежд найти, что где-то прячет...
И мы в одной из первых волн
Идем искать свою удачу.

То вдруг откроется прогал
С кустами синей голубицы.
И ты надолго к ним припал,
Забыв о боли в пояснице.

Иль чудо вот: ручей здесь тек —
Теперь запруда и плотина.
Тут бобр прервал воды поток,
Чтоб затопить лесок осины.

Ушел он с озера сюда.
Осины мало? Беспокоят?
Погрызов свежих не видать
Вблизи от хатки над водою.

А жаль. Люблю я посмотреть,
Как за ночь ствол полуметровый
Он умудрялся одолеть,
Кладя в запас к зиме суровой.

Да, лес изрядно подтопил.
Его обходим стороною...
Где гидротехнику учил
Умелец с шубою такою?

Он начал строить в те века,
Когда наш дом был лес и вети,
Да, кроме пчел и «формика»,
Строитель первый он на свете.

И трудно верится в инстинкт...
Хотя, его в труде утратив,
Учебой — лет до тридцати —
В и так короткой жизни платим.

А он — без всяких школ — один
Всегда построит дом, плотину,
И сам себе он господин —
И на себя лишь гнет он спину...

Да, правда, шубка хороша —
И у людей в цене высокой,
За что, смиренная душа,
Тебя преследуют жестоко.

И больно видеть было мне
Следы — проигранную схватку:
Ты в плен попал, как на войне,
Через подкоп, ведущий в хатку.

Ну вот, готов забыть Валдай
И в рассуждения пуститься.
Мне в этом повод только дай —
Уж не смогу остановиться.

Но, впрочем, все это потом,
Когда вернусь и вспоминаю.

В лесу, на озере на том
Хожу, смотрю, не рассуждаю.

В ходьбе по лесу — не до дум:
Там льется пот, корзины тянут.
И мысли в ваш свободный ум
Едва ли умные заглянут.

На веслах в лодке — ты рыбак
И увлечен своей охотой:
То спиннинг бросил ты не так,
Поклевок нету долго что-то...

То ветром гонит на камыш —
Бросай блеснить и весла в руки.
То в возбуждении дрожишь —
Когда уйти позволил щуке.

Но каждый вид и каждый штрих
На пленку будто бы ложатся,
И целый год я вижу их:
Они в подробностях мне снятся.

Я помню каждый поворот
Лесной причудливой тропинки.
И укажу наперечет
Заливы, мысы — без запинки.

Валдай прекрасен в октябре,
Когда осенней позолотой,
А по утрам и в серебре,
Леса одеты и болота.

Уже все убраны поля,
Исчезли дошлые туристы.
К зиме готовится земля.
Леса позрачны. Воды чисты.

В природе грусть и тишина.
Ее порою нарушая,
Гусей гогочущих волна
Пройдет, окрестность оглашая.

И рад ты им, и невдомек:
Где в зиму им приют найдется?
А путь от родины далек...
И сколько их весной вернется?

В лесах еще найдешь грибы.
Краснеет кое-где брусника.
Дуплет охотничьей пальбы...
И снова благостно и тихо.

И мысли бродят чередой —
Осенний лес располагает.
И грусть о бренности земной
В мгновенья эти набегаёт.

Но красота, покой, простор
На светлый лад выводят чувства.
И бесконечно тешит взор
Природы вечное искусство.

Ее гармонии черты
Заметны осенью особо,
Когда душой спокоен ты,
Прошла горячка, нет озноба.

И эта осени пора
Щедра болот чудесным даром:
Морозец клюкву по утрам
Уже довел своим ударом.

Она лежит на мягком мху,
По кочкам свой узор рисует...
Но что за скрежет наверху?
Не может быть... Глухарь токует!

При полной форме по суку
Красавец ходит краснобровый.
Вторая осень петуху —
И кровь наполнена любовью.

Такой подарок — в наши дни!
Пахнуло древностью седою...
А он, чудак, слетает вниз:
Он жаждет схватки, хочет бою.

И пячусь я — ошеломлен.
А он азартно наступает.
Безумец, ты же обречен:
Вот рассержуся и поймаю!

Кричу, зову своих друзей.
Бегут Наташа, Костя, Нина.

Ведь не поверят — ей-же-ей!
Невероятная картина.

Вот так в недалгих к нам местах
Возможно было это чудо!
Мохнатый, древний, страстный птах,
С тобою встречу не забуду.

Тут в пору затяжных дождей
Мы часто осенью бывали.
Случалось, мокли до костей,
В лесу в палатках ночевали.

Однажды в деревенский дом
Пустила бабушка Наталья.
Мы заезжали к ней потом
И клюкву вместе собирали.

По вечерам в тепле избы
Ее мы слушали рассказы:
О всех превратностях судьбы,
В трудах, в заботах — до отказа:

Как замуж вышла — не любя,
О строгой и скупой свекрови.
И кормит как сама себя,
И коротает век свой вдовий.

Ушло все в прах, раззор, распыл:
Из ста домов осталось десять.
Народ в деревне крепкий был,
Кипела жизнь на этом месте.

С войны наметился распад.
Бои деревни не коснулись,
Но мало кто пришел назад.
И люди в город потянулись.

Живут, дотягивая век,
Одни упрямые старухи:
С детьми не ладит человек,
Но летом приезжают внуки:

Им жизнь в квартирах не мила,
В теснинах городских кварталов.
Да и привычные дела,
Земли извечное начало...

Но хуже тем, судьба к кому
Была безжалостно сурова
И жить велела одному, —
Бездетным, сиротам и вдовам.

Горька их доля. В бедноте,
В домах кривых и обветшалых
Живут, отверженные, те
По деревенькам нашим малым.

Картошка, ягоды, грибы,
Да зелень с жалких огородов...
И нет печальнее судьбы,
И нет обиженной народа.

Хозяйка наша — нрав весел,
Не унывает, гостям рада.
И просто с ней, и хорошо:
Ей в жизни многого не надо.

Проводит зиму у детей
В холодном, сумрачном Мурмане.
А в мае — как домой гусей —
Земля ее родная тянет.

Тут огород, покос, грибы,
Лесная ягода и клюква,
И стены старые избы,
Где все еще тепло и сухо.

О годах прошлых говоря,
Перемешает смех и слезы.
Не то, что век прожила зря, —
На жизнь ее обида гложет...

И с мужем жила — не любя;
В деревне все пришло в упадок;
Далеко дочки, сыновья,
И хлеб у них, поди, не сладок.

Чуть не с девичества ведет
С товарками былые счеты:
То в гости вечером зовет,
То даже видеть нет охоты.

И лет за семьдесят давно,
Но бодро бегаёт по дому

И живо выглянет в окно:
Не в гости ль едет кто знакомый?

Наколет дров, обкосит луг,
Картошку осенью копает.
И средь «молоденьких» подруг
По клюкве им не уступает.

Но внешний мир предельно мал:
Куженкино и Бологое,
Селений ближних ареал...
Не интересно все другое.

Оно — безумно далеко:
Совсем в другом каком-то мире.
И понимаю: нелегко
Ей зиму коротать в квартире.

Мне очень нравится она,
Крестьянка русская простая.
Судьба ей тяжкая дана —
И нет судьбе той горькой края.

Как долги в осень вечера,
Как небо темно, звезды ярки...
И у дрожащего костра
Приятен ужин, легки чарки.

И ночи осенью тихи...
Не слышно птиц, далеки люди.
И сами вяжутся стихи,
Да жаль — к утру ты их забудешь.

Лежим в палатке по мешкам.
Устали — долгая дорога.
И разговор по пустякам
Уже затих. Поспим немного...

Прекрасна свежая заря.
Пушится иней, лед в ведерке.
А беспокоились мы зря:
Тепло в брезентовой каморке.

Раздул костер, поставил чай,
Спустился к озеру с увала.
И вдруг представил невзначай,
Как ледником тут пропахало.

Соскреб песок, поднял увал.
Теперь тут озеро и дюна.
Так ты, Валдай, озерным стал,
Холмистый край. И очень юный.

Тебя покрыл дремучий лес.
Ожили реки и озера.
Но человек настырный влез —
И рубит, травит, роет споро.

Как долго выдержишь напор
Безумства нашего людского?
Мы все ведем с природой спор
И губим — зло и бестолково.

Дано с природою нам жить
В гармонии и первородном братстве?
Иль наш удел — бежать, спешить?
Самим зачем не ясно — гнаться.

Чтоб, оторвавшись от Земли,
Уйти в холодный космос Мира,
Где ЭВМ и корабли
И где молчит земная лира?

Иль на беду самим себе
Загнать в тупик наш мир несчастный,
И он и мы, в одной судьбе
Возникнув, также и погаснем?

Безумствам нашим нет конца.
Одно уняв — родим другое.
Неужто замысел Творца —
Создать наш мир как поле боя?

Кругом борение страстей,
И то же в космосе творится.
А мир азартней и быстрее
Куда-то бешено стремится.

О дух наш смутный и больной!
Бездонно наше любопытство.
Мы знать должны: что за стеной
От нас еще могло укрыться.

Да, любопытство, жажда знать,
Страсть обладать и верховодить

Способны нас извечно гнать...
Не в пропасть ль нас они заводят?
Ну а без них — покой, застой,
Племен тропических беспечность...
Что, жизни мы хотим такой —
Пусть мимо протекает вечность?
Нет! Мы хотим понять, познать,
А может, даже и вмешаться:
Движеньем Мира управлять,
Безбрежно в космосе раздаться.
Пока живем в земных делах,
Увязли в собственных проблемах:
Прямим истории зигзаг,
На запад смотрим откровенно.
Наш строй — печальный парадокс —
Благих намерений несбытность,
Где Ленин — страстный ортодокс —
Вложил жестокую наивность.
Взорвал естественный процесс,
Уклад веков в быту народов,
Пустил историю под пресс,
Пообещав взамен свободу.
Увлек утопией людей,
До основанья все разрушил.
А дело довершил злодей,
Сломав и уничтожив души.
Сейчас кладем мы руль назад:
В крутой вираж — на развороте...
И по инерции летят
Багаж и люди в самолете.
Неразбериха, свалка, гам.
Одни хватаются за стулья.
Жулье в карманы лезет к вам.
Инстинкты темные проснулись.
Внезапно рухнул идеал,
Глаза на многое открылись —
И страшен путь наш прошлый стал...
Куда теперь мы устремились?

Догнать вперед ушедший мир?
Постичь его уклад и нравы?
Уже дурные правят пир —
И нет на них у нас управы.

Ростки же доброго — слабы:
Не видно их на диком фоне...
И ждет нас долгий путь борьбы —
И жизни — при всеобщем стоне.

И нам пора кончать зигзаг:
Опять ушел, Валдай забросив.
Мы дома грезим о лесах,
А в них — заботы жизни носим.

Нас манят милые места,
Влечет таинственная сила!
Впиталась ваша красота —
И навсегда приворожили.

Дай Бог себя вам сохранить,
Минуй вас лихость человека!
Без мест таких — не нужно жить,
Не нужно славы и успеха.

Вы — первородный эталон,
Источник дум и вдохновенья.
Я приношу вам свой поклон —
За радость чудного общенья.

Но вас не минула рука
Невежд — романтиков бездарных,
Точнее, просто дурака,
Что оставляет след кошмарный:

Травил он рыбу в верховых,
Обильных некогда озерах
В надежде — приживется сиг.
Но все окончилось позором.

Скатился сиг через ручей.
И до сих пор в озерах пусто:
Исчезли раки, нет лещей.
Со щукой, окунем — не густо.

В леса оленей-рогачей
К нам завезли из гор Алтая.

Они же принесли клещей,
Энцефалит распространяя.

На трассах ЛЭП гниющий лес
Лежит в неубранных завалах.
А на полях раскинул бес
Зверью потраву в «минералах».

Еще пожары от костров
В сухих борах, сухих болотах.
Лишь яда атомных ветров
Сюда не заносило что-то.

Хотя несешь в грузовиках,
Хранишь в урочищах дремучих,
В подземных страшных тайниках
Ракет ты полчища могучих.

Твой мир войною начинен.
Она притихла, притаилась...
Дай Бог нам избежать времен,
Когда б все это пригодилось!

Похоже, разум верх берет,
И мы как будто бы очнулись,
Прервав неистовый поход,
Откуда вряд ли бы вернулись.

Но мы зашли так далеко,
Так оторвались (иль отстали),
Что нам вернуться не легко,
А мы и так уже устали.

А мир растет, живет, спешит,
Идет естественной дорогой.
Изобретает и грешит.
И не надеется на Бога.

Не вяжет догмами себя,
Дает талантам проявиться,
Одно условие блюдя:
Должно все это окупиться.

Найти в толпе надежный спрос —
Неважно, зло иль добродетель...
Хотя уже стоит вопрос:
С оглядкой надо жить на свете.

Стихия ринулась вразнос,
Перехлестнет Природы чашу,
И нам не хватит сил на взнос,
Чтоб искупить беспечность нашу.

Вот так, любезный мой Валдай!
Такие мысли подступают,
Когда озер и леса край
Вдали я, дома, вспоминаю.

Но я надеждою живу —
О непременно скорой встрече,
Надеждой видеть наяву
Твоих холмов крутые плечи,

Твоих озер манящий взгляд,
Лесов таинственные сени,
Твой долгий северный закат...
Увижу — стану на колени.

Хвалу судьбе провозглашу,
Что нам свиданье подарила,
Провозглашу и попрошу,
Чтобы она тебя хранила...

Июль-август 1990 г.

Дубна

ОТТЕПЕЛЬ

Январь, но оттепель крутая,
В воде, с разбитым льдом шоссе.
Полдня, проселками плутая,
Мы провели «на колесе».

Борки, Савелово и Кимры,
Квашенки, Талдом — «малый круг».
Россия, голая, без ширмы,
Опять ты мне открылась вдруг

Той стороной своей убогой —
Что людям некуда пойти,
Что остро чувствуешь дорогой,
В любом маршруте и пути.

Устал, голоден, чашкой чая
Себя надумал ублажить...

Но версты меришь, не встречая,
Где посидеть, поговорить,

Куда пойти, чтоб снять усталость
В простом уюте чистоты...
Нужна ведь нам такая малость!
Но дать ее не можешь ты.

Была ты славна теремами
С обильной снедью наших мест:
И пирогами, и грибами,
Что все еще растут окрест.

А духа русского — не видно.
Хотя — остались черты.
Но видеть горько и обидно:
Не с лучшим нам досталась ты.

Нет, не досталась. Мы руками
Своими — зло, десятки лет —
Тебя уродовали сами.
И удивляться смысла нет.

Да. Запустенье и убогость —
Удел твоих бескровных сел,
Откуда жизни лад и строгость
Бездушный новый строй увел.

Увел не в город, не на стройки,
А в «никуда» — искоренил.
Влетели мы на птице-тройке:
А от былого — только пни.

Не сад, не роща вековая,
А лишь захламленный пустырь.
И воронья кружится стая.
И так — во всю России ширь.

Быть может, эти грусти «стансы»
Еще возникли потому —
В пути мы слушаем романсы
С печалью — в прошлого дыму...

28 января 1990 г.

29 АПРЕЛЯ 1990 Г.

Ко дню рождения мамы Нины

Тридцать раз в конце апреля
Дарю я мамочке цветы.
По году прибавляешь ты,
Но, что стареешь, — я не верю!

Я помню первый наш апрель,
Тогда мы не были женаты.
Не думал я в тот день, поверь,
Что создадим свои Пенаты.

Что будет дом и сыновья,
Что вместе мы съедим пуд соли,
И что важней всего семья —
В превратной жизненной юдоли!

А ты опора всей семьи:
В тебе лежат ее начала,
И у семейного причала
Швартуют дети-корабли.

Сошли они «со стапелей»
И поменяли порт приписки.
И уж маршруты их не близки
В просторах жизненных морей.

Но пусть в весенний этот день
Их путь проложен будет к дому:
И под родительскую сень
Идут дорогою знакомой.

Пусть вечно светит твой маяк —
Добром, вниманьем и заботой.
Коль оживилась ты в хлопотах,
Я жду — пожалует «моряк».

Сегодня дарим мы цветы —
Как знак любви и уваженья...
И в этот светлый день рожденья —
Как никогда — мила нам ты!

29 апреля 1990 г.

Дубна

МОИМ ДОРОГИМ ЖЕНЩИНАМ

Восьмое Марта — повод нам,
Мужчинам черствым, вдруг заметить
И оценить всех наших дам:
Невесток, тещ, и жен, и мам —
И их достоинства отметить.

А в жизни, в брэнной суете,
На чувства скупы мы и ласку.
Ворчим, что кормят нас не тем,
Что много ставят нам проблем,
И недовольства носим маску.

Они ведь тоже хороши —
Хоть любят нас, но вечно пилят:
Им что-то нужно для души,
Под дудку их давай пляши,
И норвят все нас осилить.

Вот так в любви и доброте
Живем, ликуя и страдая.
Мы не всегда на высоте:
Замашки-де у нас не те.
Живем и Марта ожидаем.

И вот он, Март, сломав зиму,
Пришел со всем своим коварством,
И, в общем, рады мы ему,
Залезли в тайную суму —
И за тюльпан даем полцарства!

Мы любим вас, боготворим!
Примите наше покаянье:
Не то, бывает, говорим,
В любви — чадим, а не горим,
Себе мы сами — наказанье!

И в этот светлый день Весны
Мы от души вам всем желаем:
Пусть станут явью ваши сны
(А холодильники — тесны!)...
Мы тост за женщин поднимаем!

7 марта 1990 г.

МАРТ-1990

Садилось мартовское солнце,
Ложились тени на снега,
Реки блестящее оконце
Погасло в зимних берегах.

Иду тропинкой над рекою
С водой из чистого ручья;
Темнеет небо голубое,
Зажглася звездочка — свеча.

Иду и радуюсь покою.
Унялся ветер. Тишина.
Слегка морозит. Наст корою —
Хрустит и шепчет мне: «Весна!»

Но я не жду ее прихода.
Мне хорошо вот так брести
По снегу крепкому и воду
Кристально-чистую нести.

Я март люблю, когда ночами
При звездах ярких жжет мороз,
А утром дым стоит свечами,
И солнце слепит днем — до слез.

4 марта 1990 г.

Истра

30 ЛЕТ ВМЕСТЕ

Тридцать лет прожили вместе!
Ну а верится с трудом,
Что на девочке-невесте
Возлежит семья и дом.

Тридцать лет — не ощущаю:
Вижу их, но не пойму,
И в себе не замечаю,
Что давно уже я МУЖ!

22 июля 1990 г.

К 75-ЛЕТИЮ
АННЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ШМАКОВОЙ

Годы, как вы быстротечны!
Кажется, только вчера
Молоды были, беспечны...
Вот и Зима у двора.

Снегом виски припушила,
Чувств остудила порыв;
Холодом скована сила,
Время уходит в отрыв.

Но в эту грустную пору
Воздух прозрачен и чист,
Дали открылись взору,
Четок прошедшего лист.

Многое стало понятно.
Что-то бы надо забыть.
И ощущается внятно:
Время — суровая нить.

Рано в минор я впадаю —
Мне бы учиться у Вас,
Теща моя дорогая,
В этот торжественный час!

Вы опрокинули годы,
Вы отмахнулись от них
И одолели невзгоды,
Я бы сказал, — за троих.

Вашею доброй заботой
Дети и внуки живут.
Мало: пошли на работу —
Годы сдалися и тут.

Сколько бессонниц и хлопот
Мы обеспечили Вам:
Вы заработали опыт
И по обменным делам.

Труд Ваш и Ваше терпенье,
Ваша забота о нас
Наше вели поколенье
И выручали не раз.

Счастлив, кто в полную меру
Шел по дороге своей,
Кто исповедовал веру:
Все — для семьи и людей.

Кто ни минуты простоя
В жизни идущей не знал
И, оглянувшись в былое,
«Прожито честно», — сказал.

Все это — Ваши приметы —
Нам, молодым, образец:
Тяга к активности, свету,
Ритм беспокойных сердец...

Мы восхищаемся Вами:
Жизнь Ваша — в полный накал,
Это пример перед нами...
Мы поднимаем бокал:

В прошлом — Вам нету упрека,
В будущем — бодрости, сил.
Нам не отмечено срока:
Что посадил — то вкусил.

16-22 июня 1990 г.

ГДЕ СИЛЫ ВЗЯТЬ...

Где силы мне найти, чтоб жить —
Не прозябать, не опускаться?
Мне не дано себя любить
И только для себя стараться.

Все меньше стимулов простых:
Любви, немудрых развлечений...
И чередой дней пустых
Мне жизни видится течение.

Мне мало выжить в суете
Крушенья прежней жизни нашей
И видеть, как взамен мечте
Зеленый флаг с Востока машет.

Мне скучно жить и сознавать,
Что к нам чужой шаблон приставлен,

И тупо вдоль него шагать:
Я верой старую отравлен —

Наивной верою в добро,
Наивной верой в идеалы,
Сознанием — будто повезло,
Когда под флаг мы стали алый...

31 марта 1991 г.

НЕЗНАКОМКЕ

Прекрасной милой незнакомке!
Один лишь взгляд — и я пленен,
Еще покоя не лишен,
Но нахожусь у самой кромки.

Один лишь взгляд и пара фраз —
В бювете Истры, у плотины,
Где дуб в плену крутой быстрины
Навечно, кажется, завяз.

Как жаль, но, верно, не дано
Мне Вас узнать чуть-чуть поближе:
Вы на горе — я много ниже,
Искать Вас — поздно и смешно.

Я не искатель приключений...
Но красота и доброта —
Такое редкое стеченье,
Такая редкая черта!

На миг к ним только прикоснуться,
Понять прекрасный эталон —
И Вашей тайны скрытый фон,
Улыбкой сердца улыбнуться.

Хотел бы я такой прогулки:
Беседы легкий разговор,
Чтоб окружал нас ясный бор
И слышал сердца стук я гулкий.

Простите поздний романтизм.
Но к красоте я очень чуток,
И в строках этих — все без шуток —
Скорее, грусти желтый лист...

18 марта 1990 г.

РОДНИК

Какая сила в роднике!
Куда б ни шел — к себе ты манишь:
Устал, а все-таки заглянешь,
Чтоб свежесть ощутить в руке,

Омыть лицо, испить водицы,
Хоть пять минут, но посидеть,
Усталым взором оглядеть
Твои спокойные границы.

Из-под горы твой путь идет —
Струи хрустальное начало.
И троп проложено немало,
И каждый воду наберет.

Твоя живительная сила,
Твоя прозрачная струя
Влекут меня в твои края —
Подумать, вспомнить то, что было.

И мыслей светлых череда
Течет. И вдруг родятся строки...
Живой ты символ той эпохи,
Когда чиста была вода.

Март 1990 г.

АЛЕКСАНДРЕ ПЕТРОВНЕ НОСОВОЙ* В ДЕНЬ 80-ЛЕТИЯ

За много лет, как сесть в Ваш класс,
Частенько мне случалось
Легенды выслушать о Вас —
Я даже трусил малость!

И вот бочком вошли Вы в класс —
С загадочной улыбкой...

И с ходу начали рассказ:
Чему учить собрались нас,
Народ зеленый, хлипкий,

Детей тяжелых лет войны,
Детей дальневосточных, —
И на окраинах страны
Нельзя без знаний точных.

* Мой учитель математики в 1944–1947 гг., 14-я средняя школа, Хабаровск.

Да, я люблю тот дальний край,
Суровый и прекрасный,
Где все в природе — через край:
Простор, морозы, краски.

И Ваш характер, Ваша страсть,
Работой увлеченность
Давали Вам большую власть —
Воспитывать ученость!

Не мог прийти я утром в класс
С задачей нерешенной...
Казалось, я обижу Вас,
Увижу огорченной.

И каждый новый Ваш урок,
Живой и напряженный,
Внезапно прерывал звонок —
Не ощущал я времени поток,
Работой увлеченный.

А Вы могли и отругать,
Хоть не были суровой,
И подзатыльник в шутку дать
Детине двухметровой.

Но мы всегда любили Вас,
Хоть и бывало туго...
И ближе не было у нас
Учителя и друга.

Вся Ваша жизнь — пример для нас
Любви, самоотдачи.
И что учились мы у Вас —
Большая нам удача!

По Вам я жизнь сверял не раз,
Сверял свои поступки.
Вы стали совестью для нас,
Остерегали в трудный час
От слабостям уступки.

Хранится с памятного дня
Подарок — жизни веха,
Что Вы отметили меня
За школьные успехи.

Он дорог мне теплом тех лет,
Когда был мир прекрасен,

И нам открыт был целый свет,
И путь в него был ясен.

Да, жизнь идет, ей нет конца...
На сложном повороте
Хочу учителя — творца,
Чтоб внукам он вошел в сердца,
Как в наших Вы живете!

15–16 мая 1990 г.

Дубна

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Как жаль, оборвалась серебряная нить,
Что как-то невзначай меж нами протянулась...
И надо мне ее обрывки сохранить,
Чтоб, может, через них к нам прошлое вернулось.

Как были хороши четыре эти дня!
Хотя они для нас немного сулили.
Я с грустью уезжал, но важно для меня,
Что все-таки они для нас обоих были.

Я принял Ваш упрек — его я заслужил:
Ведь в женской я душе не очень разобрался.
Но в эти дни я встречей с вами жил
И, думая о Вас, — в душе я улыбался.

Как женская душа ранима и тонка!
Как грубость жизни ей во всем противоречит...
Но если Вас понять — то нежная рука
Нас ласкою доверчивою лечит.

Короткий жизни миг — всего четыре дня,
Но ярко он в душе моей запечатлелся...
И тем он дорог мне и важен для меня,
Что рядом с Вами я душою отогрелся.

Каких четыре дня — морозы и метель!
Гуляли сквозняки по нашим малым кельям...
И все же нас спасла холодная постель,
Где рядом мы одетыми сидели...

Уже уходят вдаль четыре эти дня —
Холодною рукой к ним время прикоснется.
Но если средь забот Вы вспомните меня,
Пусть капелькой тепла в Вас память отзовется.

1990 г., Истра

ХРАМ

*Церкви Похвалы Богородицы
в Ратмино (Дубна) посвящается*

На месте древних городищ,
Неолитических стоянок
Стоит, разрушен, гол и нищ,
Забытый Храм — судьбы подранок.

Его воздвигли на мысу,
Чтоб он стоял спокойно, строго,
Чтоб гордо нес свою красу
И звал людей молиться Богу.

Он виден был издалека,
Сиял крестами, куполами
И был построен на века
Простыми, сильными руками.

К нему стекался местный люд,
Неся заботы и печали.
Тут отпевали и венчали,
Крестили, звали Божий Суд
И грешным души облегчали.

1

Он был надеждою калек
И нес убогим утешенье.
Он украшал старухам век
И раздавал благословенье.

Его величье и убор,
Его таинственные силы,
Напевный службы разговор
Людей над жизнью возносили.

Священный Храм на стыке рек —
Тут Волга встретилась с Дубною,
Недолг был твой первый век,
И сбитый с толку человек
Попрал тебя своей рукою.

Сорвали тросами кресты,
Сожгли иконы и оклады.
Подвергся дикой казни Ты,
Как символ старого уклада.

А люди плакали вокруг,
Когда безропотно, покорно
Ты принял казнь от их же рук,
На святость поднятых позорно.

2

Так хлевом стал прекрасный храм —
Не от нужды, не в дни печали,
А просто — в нас проснулся Хам.
И кто не стал им — те молчали.

И не светилися кресты,
Не слышно было благовеста,
Где было кладбище — кусты...
И нет уже святого места.

Очаг культуры, красоты,
Народный дух в себя вобравший,
На месте был в изгнании Ты —
За Русь и Веру пострадавший.

Нельзя построить жизни Храм,
Когда поруган храм духовный...
И вот с сумой душевных травм
Стоим на паперти церковной.

Вся жизнь пошла наперекос,
Когда безжалостно и дико
Уклад столетий под откос
Пустили наши деды лихо.

Но изменились времена,
Примолк воинственный безбожник.
И встрепенулася страна,
Злой воли узник и заложник.

3

Немало душ уже давно
Терзал развал на месте редком.
Им Веры не было дано,
Но знали, что осквернено
Святое место наших предков.

И Храму облик возвращен:
На куполах кресты зажглися,
И стены словно поднялися,
И снова стал красавцем Он.

Но пустота внутри, развал.
И много дней ленивой стройки —
Чтоб сотворить концертный зал
Из богохульственной помойки.

И денег нет, хозяев нет.
Застыло все в недоуменьи...
Зачем крестов зовущий свет
И красоты пустой знаменье?

Но свет крестов зажег людей.
Они смогли объединиться
На Вере и вине пред Ней,
Начав за Храм с властями биться.

4

Был труд немалый посвящен,
Чтобы внушить власть предрержавшим,
Что Вере Храм принадлежащий
Лишь ей быть может возвращен.

Полвека минуло с тех пор,
Когда в последний раз звонили...
Молитвы пел церковный хор,
Но храм они не сохранили.

И вот Он снова освящен.
И, словно сказочная птица,
Из праха встал и ожил Он.
И потянулся люд молиться.

На стенах ликов нет святых,
Лишь отсыревший голый камень.
И пара лампочек простых —
Не пышных люстр богатый пламень.

Но замирает скорбно дух
Среди печального величья,
И годы страшного безличья
Я вспомнил в этой церкви вдруг.

Пусть стены голыми стоят,
Не надо пышного канона.
И кто пришел свершить обряд —
Пусть смотрят только на иконы.

Пусть этот Храм несет в себе
 Напоминание о веке,
 Своей поруганной судьбе
 И одичавшем человеке.

Один из тысяч ожил Ты,
 Другим лежать еще в руинах...
 Ты скорби сохрани черты —
 И будь для них живым помином.

Я Верой не был наделен.
 И не приму ее сегодня...
 Но стал терпимей и свободней —
 И Храму приношу поклон.

В твоём чертоге понял я,
 Какой-то силою согретый,
 Что в день последний для меня
 Хотел бы в Храме быть отпетым...

27 апреля 1990 г.

ИСПОВЕДЬ

В горячке жизни, в суете
 Летели дни, летели годы.
 Я изменил своей мечте —
 И отказался от свободы.

Я бросил с детства милый край —
 Амур с утесом-исполином,
 Тайги Дерсу цветущий рай,
 Просторы рек и гор долины.

Места мальчишеских охот,
 Незабываемых рыбалок
 Я променял на небосвод,
 Где сам себе кажусь я жалок.

Я в жизни многое узнал,
 Да и в науке что-то значу,
 Но слишком мало людям дал,
 Чтоб жизнь свою признать удачей.

По колее я в жизни шел,
 А не тропил свою дорогу.

И вроде было хорошо.
Подвел итог — совсем немного.
Статьи научные писал,
Бывали искорки находок,
Но, в основном, — все суета
Под нашим блеклым небосводом.

И политической возне
Отдал семь лет на склоне жизни.
Она — инфаркт ссудила мне
В дни перепутья для Отчизны.

Но в дни больничной тишины,
Дни отрешенности от мира,
Вдруг стали звуки мне слышны
Моей давно умолкшей лиры.

Звучала гневно и скорбя,
Она сложить просила в строки
И отчеканить для себя
Всю боль поруганной эпохи.

И были сладки эти дни,
Дни светлых мук и вдохновенья.
И с лирой были мы одни —
Вне жизни бурного течения.

Мы убиваем в суете
Влечение к творчеству и мысли
И хода не даем мечте,
Забросив рифмы, ритмы, кисти.

А нужно просто иногда
Уйти в себя — хоть на неделю.
Бродить неведомо куда
Иль впасть в блаженное безделье.

И просыпаются они,
Твои забытые задатки,
И озаряют светом дни,
И наполняют без остатка:

Прекрасным трепетом души,
Вкусившей чуда озаренья,
И долгим поиском в тиши,
И мукой вечного сомненья.

15–18 апреля 1990 г.

МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

Небо с грозой разметанной,
Воздух душист и певуч.
Цветом черемух обметанный,
Светится лес возле круч.

Стелются низом туманы.
Звезды в прогалы глядят.
Майские сны и обманы
Душу мою бередают.

Днями, ушедшими в прошлое,
Вдруг поднимается грусть:
Силой, беспечно изношенной,
Уж ничего не добьюсь.

Блага народу не сделаю
И не оставлю следа.
Позднею песней неспелую
Лишь изольюсь иногда.

Что же дремала ты, милая?
Что ж не рвалась на простор?
Я укрощал тебя силою —
И не тебе мой укор,

Сам в суете повседневности
Тратил себя не щадя,
Многое делал из ревности.
Жил — глубоко не глядя.

Некогда было осмыслить
Вздорность идущего дня,
Что за собой — перечислить
И углубиться в себя.

К жизни прислушаться чутко,
Странность ее ощутить...
Дожили — стало нам жутко
С прошлым разматывать нить.

Что же нам делать, беспечным,
Поздно понявшим себя?
Мучиться мукою вечной,
В жизни черту подведя?

Нет! Даже с тем, что осталось,
Опытом силы умножь,

Преодолевающая усталость
И бесконечную ложь.

Слово скажи сокровенное:
Хоть уголок освети —
Жизни величье нетленное
Людям сумеи донести.

Чтоб дорожили им даденным
И оставались собой,
Чтобы не тешились краденным —
Золотом, счастьем, судьбой...

7-8 мая 1990 г.

Дубна-Москва

К 80-ЛЕТИЮ МАМЫ — АННЫ ЭМИЛЬЕВНЫ ЦУПКО

Мама, моя дорогая!
Детства счастливого сон
Часто сейчас вспоминая,
Знаю — тобой он рожден.

Жили мы в избах холодных
И на квартирах плохих:
По гарнизонам голодным
В дебрях Приморья глухих.

Был и Хабаровск — столица
Армии и лагерей.
Он навсегда сохранится
В памяти доброй моей.

Лютые были морозы —
С ветром колючим, сухим.
Ты отводила угрозы
Добрым вниманьем своим.

Вечной твоею заботой
Я из болезней ушел.
Ты поступилась работой —
Было бы нам хорошо.

Сколько меня ты возила:
На Украину и в Крым,

Лишь материнская сила
Справиться может с таким!

Рос я в любви и доверье
И понуканий не знал.
Дома отцовского двери
С радостью я открывал.

Помню, как вместе стреляли,
Вместе ходили в кружки,
Как вы меня отпускали
В плесы Амура-реки.

Помню военные годы:
В форме стоишь ты в строю...
Наши труды — огороды,
Что выручали семью.

Как ты тогда похудела,
Хлеб отдавая нам свой.
Кажется, ты и не ела
В пору години лихой.

Детство... Счастливое детство...
Годы репрессий, войны...
Нам не пришлось уберечься
В годы несчастий страны.

В Виннице милой, далекой
Ты сохранился, наш дом...
Я побродил одиноко
В городе, с детства родном.

Горе встречали вы стоя.
Делали все, что могли, —
И в лихолетье крутое
Детство детей сберегли.

Нет! Только краскою черной
Время не выписать пасть:
Жизнь прорастала упорно —
Даже сквозь страшную власть.

Дружба была и успехи,
Верность была и любовь.
Их незабвенные вехи
Метили трудную новь.

Но, вспоминая о прошлом,
Вижу родителей я
Стойко несущими ношу...
Вам и поклон от меня.

Годы идут торопливо.
Вот и за мною — семья...
В том, что я прожил счастливо, —
Доля большая твоя.

19–20 мая 1990 г.

Поезда: Дубна–Москва–Рига

ГОДЫ

Годы — текучие воды,
Годы — рассветный туман.
Вы пронесли мимоходом,
Ваш испарился обман.

Смолоду вас мы не ценим,
Сорим, кидаем как медь.
Иль расслабляемся в лени,
Все собираясь успеть.

Но медяки — не поднимешь,
Не компенсируешь лень.
И, раздарив, — не отнимешь
Каждый утраченный день.

Жалко, отчаянно жалко
Стольких несбывшихся снов,
Мыслей, сверкавших так ярко,
И не свершившихся слов.

Сколько семейных преданий
Мы не успели узнать,
Дедовских воспоминаний
Нам не решились сказать.

Годы как мутные воды,
Годы как плотный туман.
Вы обошлись без свободы,
Ваш не исчерпан обман.

6 июня 1990 г.

ПАМЯТИ ИОСИФА ГОНЧАРОВА

Год, как из жизни ушел...
Нет, не ушел — увели.
Знал я тебя хорошо
В дальние юные дни.

Трудно поверить сейчас:
Жизнью наполнен ты был.
Стал же ты первым из нас,
Принявший жребий судьбы.

Жребий не сам ты тянул —
Случай подбросил слепой.
Вот ты навеки уснул,
Но не ушел на покой.

Нет, не покой то, не сон.
В сердце обида и боль:
Не был твой путь завершен,
Не была съедена соль.

Ждала спокойно семья,
Дети и внуки твои.
Ждали жена и друзья,
Жизни труды и бои.

Ждал юбилей — шестьдесят.
Сколько еще можно жить!
Только — подонки стоят:
Нужно кого-то убить.

Просто за деньги, часы —
Будто в сберкассе сходить.
Жизнь не кладут на весы...
Где им о жизни судить!

Чуде — сознания, души;
Детях и внуках твоих,
Планах и мыслях больших,
Горе жены и родных.

Гроном ударила весть:
Ося! Поверить нельзя...
Путь мне представился весь,
Что мы прошли как друзья.

Годы студенческих лет.
В горы Кавказа поход.

Незабываемый след
Странствий и наших охот.

Мыслей, эмоций вулкан.
Сгусток энергии, сил.
Был заводила, смутьян.
Но равнодушным — не был.

Жизнь развела нас давно.
Каждый торил в ней свой путь.
Но нам забыть не дано
Юности светлую суть.

Встречи в Москве и Дубне —
Редкими были они,
Но представлялось мне:
Мы не порвем нашу нить.

Верную, крепкую нить
Дружбы студенческих лет...
Нить удалось перебить.
Оська! Тебя уже нет.

В жизни тебе повезло:
В детях, с женой и в друзьях.
Только — случайное зло,
Лишь беспощадный замах.

В жизни оставил ты след
Яркий — в делах и любви.
В горе — надежда и свет:
В детях и внуках живи,

В памяти верной жены,
В памяти добрых друзей,
В буйном цветенье весны,
В гуле турбин кораблей!

22 августа 1990 г.

НЕ ЛЕГКО

Не легко даются мне стихи.
Их писать — мучительно и сладко.
Строф моих неровные штрихи
Вот уже заполнили тетрадку.

Поздно у меня проснулась страсть:
Рядом — шесть десятилетий.
У людей подобная напасть
Характерна только на рассвете.

У меня — уже давно закат...
Почему ты в сумерках проснулась,
А не сорок лет назад
Мне улыбкой доброй улыбнулась?

Был намек, да, верно, был не впрок:
Я его не принял и отбросил:
Чувств и мыслей не было для строк —
Не надуманных, а тех, что в сердце носишь.

Но таилась с детства к рифмам страсть.
Жизненным наполнившись потоком,
Ты внезапно бурно пролилась
В чувствах, согласованных по строкам.

И сейчас, в любой свободный час,
В тишине вечерней, на рассвете,
Вяжется рифмованный рассказ —
О себе, о всем на белом свете.

Смысла в нем не много — лишь себе
Строки эти дороги и близки.
И не отразятся на судьбе
Эти, очень личные, записки.

1 августа 1990 г.

ОКТАБРЬ ТЫ СДАЛ

Да, Горбачев, Октябрь ты сдал!
Сопротивленье — бесполезно.
Ты только прямо не сказал:
В него мы верили железно.

Слепая вера стольких лет
Наш детский разум застилала,
И нам опасен яркий свет —
Ведь он приносит бед немало.

Но без него — куда идти?
И вот мы жмуримся, страдаем...

А надо нам назад грести —
Иначе в русло опоздаем.

Мы шли протокою глухой,
Она сужалась и мелела.
И наша лодка прочно села...
Вода спадет — и путь сухой.

Нам в русле чудился застой —
И мы пустились курсом новым.
Но это был рукав слепой,
И путь нам выдался суровый.

А основной окреп поток.
Он силой свежее налился
И бурно к морю устремился,
Оставив сзади наш проток.

Обидно, горько возвращенье:
Ведь столько жертв и столько сил
Забрало ложное движенье —
В угоду тем, кто нас смутил.

Теперь мы катимся назад...
Как примет нас поток бурлящий?
Привыкли мы к воде стоящей.
И жертв потребует возврат.

Мы разучились плыть на волнах,
Идти стремниной между скал,
В своих должны мы править челнах,
Чтоб каждый свой проход искал.

Тут можно выпасть или разбиться,
Уйти на дно в водоворот,
А испугавшись, — зацепиться
И стать в залив спокойных вод.

Поток течет, бурля стремниной.
Уйдут последние челны
На гребне бешеной волны...
Ты ж смотришь вслед им с горькой миной...

Да, слабаки там не нужны!

27 июля 1990 г.

ВСТРЕЧА С БЕЛЛОЙ АХМАДУЛИНОЙ

Я с любопытством шел на встречу:
Ну, чем живет поэт сейчас?
Взывает он, как Минин, к вечу,
Подняв тревоги полный глас?

Иль прежней лирикой напевной
Чарует сердце и умы,
Чураясь темы злободневной,
В которой так погрязли мы?

Я ждал аншлага. Без билета
Пришел, признаюсь, на авось...
Но все ж известного поэта
И мне послушать удалось.

Зал полупуст. И много женщин.
Нет завсегдатаев кино.
Изыск любителям обещан.
А мода — нет ее давно.

Сейчас мы любим экономов
И политических вещал.
В эпоху мертвых гастрономов
Им обеспечен полный зал...

И вот вошла. Все с челкой той же.
И тот же голос и распев.
И все смущается, похоже,
Ничуть, ничуть не постарев.

И я поплыл на плавных волнах
Ее возвышенных стихов,
Подъема внутреннего полных,
Былинно вещей снов и слов.

Просты, бесхитростны сюжеты:
Из жизни случай, эпизод...
Но ум изысканный поэта
Им смысл значимый придает.

Как в капле, виден ей и в малом
Весь мир схлестнувшихся страстей
И наша жизнь, что стала залом
Для непродуманных затей.

Вся наша прошлая убогость,
Великих душ трагизм и боль...

Скорбит о них девичья строгость.
Но вместо слез — сухая соль.

И беззащитная отвага,
И верность вечная себе,
И непокорность — вместо флага
На незапятнанной судьбе.

Последний звук стиха растаял.
Ушла напевная волна.
Но зал, в безмолвье пребывая,
Оцепенел, застыл до дна.

Как аргонатов, песней чудной
Заворожила нас она.
Для нашей жизни, злой и скудной,
Стихи ее — глоток вина:

Глоток — замученному жаждой,
Глоток — уставшему в пути...
И ощущаешь клеткой каждой,
Что можно Мир еще спасти,

Коль есть в нем искренность и чувства
И сохранилась красота,
И бескорыстного искусства
Еще не сомкнуты уста.

24–30 декабря 1990 г.

И. С. ТУРГЕНЕВ

Мне жизнь Тургенева казалась странной:
Вдали от Родины, в плену сомнений и тоски...
Любовь его — незаживающая рана —
От зрелых лет до гробовой доски.

Казалось, брось, уедь, забудь.
И все пройдет, уляжется, отступит.
Лишь иногда в тоске сожмется грудь,
Когда волна воспоминания подступит.

С его талантом, мастерством,
С тончайшим чувством понимания природы
И очень чутким русским естеством,
Отдай себя служению народу.

Но сложен душ великих механизм.
В другом каком-то жизненном раскладе
Его таланта сложный организм
Настроился в совсем ином бы ладе.

Возможно, свет Полины Виардо
Его душе был непременно нужен.
Конечно, он писал и до,
Но Ею был талант разбужен.

Он жить не мог, Ее не видя, без забот,
Ее улыбки, слова, взгляда...
Он посещал Россию каждый год,
Но жить был должен с Нею рядом.

Быть может, даже с родиной разлука,
Уход от повседневной суеты
И жизни недостроенности мука
Лишь обостряли гения черты.

В России он почти не жил,
Отдав судьбу терзаньям и скитаньям бесконечным.
Но, как немногие, он ей служил
Прекрасным словом — словом вечным.

7 октября 1990 г.

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

На гигантском кубе циклотрона,
В нише у бетонного венца,
Вороны — не серые вороны —
Три огромных вывели птенца.

Осторожный и свободный хищник,
Падальщик, отшельник дальних мест,
В рукотворной поселился нише,
Не найдя себе скалы окрест.

Видно, нет уже в лесах могучих,
Рослых и раскидистых стволов,
Чуть ли не цепляющих за тучи, —
Все сошло от рук и топоров.

Ну а наша нищая наука
С рукотворной глыбою-скалой —

Очень привлекательная штука,
Как в лесу заброшенном — застой:

Не таскают краны установки,
Не скрежещет на станках металл,
Пусто в перестроенной столовке...
ЛЯП заглох и тихим парком стал.

И заметил ворон осторожный
Безопасный каменный карниз,
Где гнездо ему собрать несложно,
И стена идет отвесно вниз...

То ли лить мне за науку слезы:
Ведь почти заглохла под скалой!
То ли радоваться редкому курьезу:
Дикий вороненок предо мной!

Он берет, почти из рук, кусочки,
Слеток, не умеющий летать...
И не далеко совсем, в лесочке,
Слышно «крру» — его вернулась мать...

6-7 июля 2001 г.

АНГЕЛ

Наш добрый ангел, светлый дух,
Печалей наших исцелитель!
Ваш голос наш ласкает слух,
И озаряет взгляд обитель.

В партком опальный — черных дней —
Нас манит Ваше обаянье:
Сильней уставов и идей
Улыбки доброе сиянье.

Ваш добрый вкус и милый такт
Наш хмурый дом преобразили.
И держим мы живой контакт,
И души мы не остудили.

Пусть много лет струится свет
Тепла и преданности делу,
И не исчезнет светлый след,
Что жизнью вы торите смело.

10 апреля 1991 г.

ГРЯДУЩИЙ ВЕК

Что принесет грядущий век?
Рубеж его не в круглой дате:
Сегодня хрупкий человек —
Безмерной силы обладатель.

Как он ее употребит?
Куда направит страсти, разум?
Вконец природу разорит,
Планеты лик обезобразив?

Сведет последние леса
Тайги и тропиков дремучих,
И генофонда чудеса
Уйдут из нашего — в мир лучший...

И их уже не возродить.
А Мир больной, осиротевший
Еще пытаться будет жить
Печальной жизнью оскудевшей.

Без трав пахучих на лугах,
Без птиц певучих в перелесках...
Следов не будет на снегах
Зверей любимых сказок детских.

Пустынны без китов моря,
И реки скучны без лосося.
Печально небо сентября
Без птичьих стай, что сбила осень.

Мы жили тем, чтоб утвердить
Свою победу над Природой,
Пространство неба покорить
И приручить огонь и воду.

Земля — почти покорена.
Нам неподвластны только бури:
Когда дрожит вся твердь до дна
И мгла скрывает синь лазури.

Мы встали дерзко на Луне,
Мы близки к тайне мирозданья...
Но что таится в глубине
Бездонно сложного Сознанья?

Веков бесчисленных дитя,
Венец ошибок и успехов...

В себе чью волю воплотя,
Ты так подняло Человека?

Ведет тебя какой-то Дух,
Объяв собой безбрежный Космос?
И люди молят его вслух,
Чтоб в суть проникнуть удалось им.

Кто этот Дух? И как способен
Объять миллиарды светолет?
На что похож? Чему подобен?
Никто не в силах дать ответ.

Коль всемогущ — зачем играет
Страстями низкими людей?
А если только наблюдает —
То он бесчувственный злодей!

В метаморфозах мироздания
Видна Великая Рука —
Но не рассудка и сознанья,
Что людям грезится пока...

Рука извечного движенья,
Рука таинственных страстей,
Что дали Миру сотворенья
И движут судьбами людей.

О! Эти страсти роковые!
Вам нет начала и конца!
Полны вас камни неживые,
Полны горячие сердца!

Одни, ведомы вашим жаром,
Уходят в буйный жизни пир.
Другим тот пир не нужен даром —
Для них загадок полон Мир.

И бьется разум вдохновенный,
Стремясь понять себя и Мир,
И стать сознанием Вселенной
В душе рассчитываем мы...

Но даст ли нам все это счастье?
И в чем его таится суть?
Сейчас под сумраком ненастья
Мы свой оглядываем путь.

Как славно жили мы с богами —
Понять старались, ублажить...
Хотя, не брезгая деньгами,
Добро пыталися нажить.

В бурлящей жизни круговерти,
В дыму обманов и страстей
Мы жили просто — словно дети
В плену бесхитростных затей.

А в дни беды и испытаний
Молили духов и богов,
Ища поддержки мощной длани
И слова вещего волхвов.

Как хорошо за всеми ними,
Как сладко к их стопам припасть,
Грехами каяться своими,
В сомненьях им излиться всласть...

Как все надежно и спокойно,
Когда всевышний разум есть!
Им все рассчитано достойно,
Служить ему — наш долг и честь.

Ровнять к нему свои поступки,
Сверять с ним мысли и дела.
Не делай слабостям уступки —
И будет жизнь твоя светла.

Но так ли просто все и гладко?
Бунтует разум, страсти жгут...
Из благодатного порядка
Давно ушел мятежный люд.

И вот мятежник наш без веры
Один с Вселенной на один.
Ее глубины и размеры —
Без дна — открылись перед ним.

Он плоть ее — но и соперник.
Он раб ее и господин.
Он Галилей, Эйнштейн, Коперник!
Он вместе с ней. Но и — один.

Он может нас увлечь с собою,
Свой дерзкий замысел открыть.

Он вызов взял себе судьбою
И будет сам ее творить!

Он полон сил. Он хочет счастья.
Он жаждет знания глубин.
Он ищет смысла — но не власти...
Но, может, он и не один?

И мир наш полон (не по слухам!)
Других планет, других миров —
Великих разумом и духом,
Творцов всех наших грез и снов.

И, наблюдая с снисхождением
В глухом заброшенном углу
Каких-то тварей копошенье,
Они ведут свою игру.

Но в ограниченности нашей
Нам не дано пока объять
Ни разум их, ни знаний чашу
И смысл игры их не понять.

А мы все бьемся на подъеме,
Мы не застыли, не сдались,
Не ублажились в сладкой дреме,
Все так же страстно рвемся ввысь.

Мы верим, что Олимп не занят,
Что будем первыми на нем...
И разум наш вселенским станет
И озарит ее огнем.

Не всем дано понять такое.
Мы в массе проще и смирней:
Хотим успеха и покоя
Уже в пределах наших дней.

Но в чем же счастья суть таится?
Достичь желанного всего?
Оно реально — или снится?
И есть ли мера для него?

Чего достигли — то не счастье,
Уже привычка, скукота.
Блажен, кто знает силу страсти,
Кого преследует мечта.

Кто одержим самим процессом:
Любить, страдать, искать, творить.
Кто не раздавлен жизни прессом
И сам решил, как должен жить.

Кому и труд, и мука — в радость.
И жизнь сама — счастливый дар,
Где перевиты боль и сладость,
Печаль потерь, любви пожар...

Да, впрочем, это все — пустое.
Пусть каждый ищет свой удел.
И сам оценит, что простое
И что — Великий беспредел.

Июнь 1991 – январь 1992 г.

КОТОРЫЙ ГОД

Который год уже январь
Ведет себя, как март капризный:
Не видно зим, как было встарь.
Ужель по ним справлять нам тризну?

Шумят ученые мужи,
В тревоге бабки и поэты...
Ослабил Бог свои гужи?
Иль мы ответственны за это?

В пещерах темных жгли костры,
Топили печи, бани, домны.
Но мы настырны и хитры —
И жжет бензин мотор огромный —

Залили светом шар земной.
Снуют машины и ракеты.
И Мир наш мечется, больной,
Еще не поняв толком это.

Мы миллионов лет запас,
Что щедро Солнце нам дарило,
Готовы сжечь в какой-то час
В безумстве, что нас охватило.

В своей воинственной вражде,
Непримиримости убогой

Мы верим голосу вождей
И блеску золота — как Богу.

Мы погоняем тройку-жизнь,
И мчим к какой-то цели смутной...
И чтоб не вылететь — держись
И содрогайся поминутно.

Что раньше нас угомонит:
Потоп планеты перегретой
Иль холод ядерной зимы,
Нам навсегда закрывший лето?

Иль хватит разума у нас
В последний миг остановиться,
Одуматься, угомониться,
Чтоб стебель жизни не угас?

Как верить в это я хочу!
Но жизнь замешана на страсти:
От ней — и счастье, и напасти...
И зря покоя я ищу!

16 января 1991 г.

МАРТ 1991 ГОДА

Прекрасен март при небе голубом,
Чуть затуманенном белесой дымкой.
Мороз еще владеет льдом,
Но стал уже он невидимкой.

В нем нет напора зимних стуж,
Он не навязчив и приятен.
Асфальт уже в потеках луж,
И воздух свеж и ароматен.

Нет, не пришла еще весна.
Но нет уже зимы докучной.
Поднялось солнце, даль ясна...
С весной надежда неразлучна:

Неясной силою она
Печаль заботы вытесняет,
Лишает рано утром сна
И веру смутную вселяет.

Природа обновляет мир.
И, может, это нас коснется,
И жизнь нам снова улыбнется,
И мы ее разделим пир.

11 марта 1991 г.

К МОЛОДЕЖИ

Ищите, люди молодые,
Ищите, пробуйте среду,
Ищите вольную стихию —
С которой будете в ладу,

Где распрямятся ваши крылья,
Где ощутите вы полет,
И где жестокое бессилье
Ваш дух и волю не убьет.

Где вами помыкать не смогут,
Где вы сумеете творить,
Где вам самим ясна дорога
И как вам новый путь торить.

Пусть будут сбои и ошибки —
Жила бы только Вера в вас...
Упрямы будьте, в меру гибки —
И ваш настанет звездный час!

Пусть это будет озаренье,
Итог тяжелого труда —
К себе чтоб не было презренья
За зря прожитые года.

Пусть все глубинные задатки,
Но не пороки и не зло,
Себя проявят в жизни краткой...
Но ждать нельзя — чтоб повезло.

Боритесь, бейтесь и держайте!
Любите долгий тяжкий труд.
Лишь только совесть не теряйте —
Чтоб жизнь свою не зачеркнуть.

Призвание требует геройства,
Чтоб воплотить его в дела.

Оно — таинственное свойство,
Что мать-природа нам дала.

Так берегите и лелейте,
Коль в вас заложен Божий дар,
Добро и свет — их всюду сейте
И излучайте щедро жар.

Но дар быть может и не бросок:
В труде крестьянском пастуха,
Каменотеса и матроса —
На ком держалась жизнь века.

Ведь дар — любить, уметь и делать.
Дар — это чистая любовь.
Дар — благородным быть и смелым.
Иметь мечту. Лелеять новь.

Не забывать веков традиций.
Понять попавшего в беду.
Жить — просто, честно, без амбиций,
Не подвергать людей суду.

В нас каждом спрятан дар от Бога.
Найти его и проявить —
Вот жизни лучшая дорога.
И мы должны ее торить.

19–24 января 1991 г.

Истра

ОДИНОКИЕ ПРОГУЛКИ

Люблю я в одиночестве прогулки.
Идешь неведомо куда...
Пусть будет поле, лес, вода —
И мостик над потоком гулким.

Все чувства тут обострены,
И не рассеяно вниманье.
Ясно-раскованно сознание,
И мысли свежие слышны.

Ложится в память каждый куст,
Изгиб потока и тропинки,
И ствол трепещущей осинки,
И даже ломкой ветки хруст.

Весной и летом аромат
Душистых трав, полей и луга,
Еще не тронутого плугом,
Зовут и в даль меня манят.

Красив осенний пестрый лес.
В полях — стерня, стога и озимь...
Сюда мы груз забот привозим,
Пройдешься — будто бы воскрес.

Зимой стерильной белизной
Укрыты кочки и овраги,
В низинах нету больше влаги,
И путь открыт тебе сквозной.

Спокоен, светел зимний лес,
Укрыт глубокими снегами,
Простеган свежими следами...
Но нету летних в нем чудес.

Всегда живительна природа.
Она и лечит, и бодрит,
И мысли новые дарит...
И так — в любое время года.

Дождя осеннего ненастье
Пугает только из окна:
В лесу душа оживлена —
Ведь жизнь, в любую пору, — счастье.

И с обновленную душой,
И светлой внутренней улыбкой,
И с мыслью свежей, хоть и зыбкой,
Идешь, ободренный, домой.

24 января 1991 г.

ВАЛЬС

Я не забуду бурный вальс,
Что в старом зале мы кружили,
И буду долго помнить Вас —
Как Вы меня обворожили.

Я написал тогда стихи
Еще под свежим впечатленьем:
Как милы Вы и как легки,
Как были хороши мгновенья!

Я Вас чуть-чуть приревновал,
Что это глупо — понимаю,
Но кружит жизни карнавал,
И в нем мы голову теряем.

Боялся: дерзкою строкой
Я Вас задену иль обижу,
Испорчу все своей рукой,
Улыбки Вашей не увижу.

Но белый танец — щедрый дар,
И ваше милое признание
Мое мне скрасило «изгнание»
И то, что я изрядно стар.

Но что-то к Вам меня влечет —
В душе у Вас искра таится.
И жаль, что время не дает
Нам «просто так» разговориться.

Я рад, что в жизни встретил Вас,
Что Вы во мне струну задели...
И долго буду слышать вальс
И помнить зимние недели.

27 января 1991 г.

Истра

ОТ ИДЕАЛА К БЛАГОДАТИ

От идеала к благодати
Идти по жизни сквозь века —
Нам путь указывал Создатель
Из дохристова далека.

Но идеал добра и правды,
Смиренье кроткое души,
Увы, Создатель, но не прав ты —
Они не многим хороши.

И, понимая их величье,
Несчетных грешников число
Рядилось лишь под их обличье,
Творя разбой и сея зло.

Соблазн богатства, власти, славы
Для большинства неотразим.

Благочестивые забавы —
Чтоб скрыть разбой, служили им.

Пока нужда, болезни, голод
Терзают жизни естество,
В ней правит силы тяжкий молот
И — отступает Божество.

И Мир идет своей дорогой,
Греша, достаток свой кует...
Но не судите грешных строго —
К ним благодать еще сойдет.

Мы блага обретем земные,
Начнем тянуться к красоте,
И мысли к нам придут иные,
И чище станем мы в мечте.

И христианства идеалы,
Что ждут еще своей поры,
Расчислят дикости завалы,
Зальют враждебности костры.

Но так ли все светло и благо
И безмятежен наш удел?
Уже идут с зеленым флагом,
Готова миру передел...

И ждут нас новые пороки,
Нагрянет новая беда —
Плоды в свои созреют сроки,
И будет Мир бурлить всегда.

Но, может, мы уйдем от крови,
От дикой злобы и вражды,
И Миру лучшее здоровье
Даруют мудрые вожди?

14–17 апреля 1991 г.

ОПОРА

В чем в жизни нам искать опору,
Когда колеблется земля,
Когда границы нету спорам
И курс потерян корабля?

Когда разрушено бывшее,
И нет в грядущем маяка,
И скудость жизненного слоя
Грозит продлиться на века!

Когда душа и жизнь народа
Обманом, злом замутнены,
Не видно ясного исхода
И гложет стыд и боль вины:

За нашу веру — без сомнений,
За ложь и розовый туман,
За гибель целых поколений,
Отдавших жизни за обман...

Забывать про все и гнать сомненья,
Устроить жизнь на новый лад,
Уйти от долга искупленья —
Как будто ты не виноват?

Но что сомненья и терзанья
И комплекс собственной вины!
Чтоб выйти нам из прозябанья —
Дела весомые нужны.

Упорно, яростно трудиться,
Забыв привычку все просить...
Трудом Россия возродится,
Любовью к жизни, жаждой жить!

Собрать в себе остатки воли,
Все то, что лучшим было в нас,
И выйти в жизненное поле,
Лелея каждый миг и час!

Но если мало этой жажды,
С годами зов ее угас,
За нами — недоживший каждый,
И дети наши — после нас.

Остатки чести, воли, силы
Мы все должны собрать в кулак.
Любовь к растоптанной России
Пусть будет наш незримый флаг!

Май 1991 г.

ВАДИКУ

Мой строгий, упрямый сын,
Из юности вышел ты вдруг.
И времени дальнего синь —
Хочу разглядеть я вокруг.

Вот детство твоё вдали.
Веселый, настырный малыш.
Мы любим песни твои
И даже — как ты шалишь.

Ты весел, открыт и смел.
Но слово твоё — закон.
Ты капли лишней не съел,
И мамы напрасен стон.

Как нас развлекал ты в пути
Своим «репортажем» лихим!
И детским задором светил
В лесу по стоянкам глухим.

Бивуачных костров кочегар,
Озерных рыбалок гребец.
Ты помнишь, как щук поддевал
Подсачника маленький спец!

Как весело было нам
«Грибочки-сыночки» искать...
Березки, что были там,
Успели уж лесом стать.

Замки, реактивы, ключи.
Копейкам — точный учет.
Невинной хитринки лучи.
Порядку, ранжиру — почет.

В машины ты просто влюблен.
Любимое место — гараж.
И в химии ты силен.
Имеешь и токаря стаж.

Ты в деле — какое б ни взял —
Дока, педант и артист.
В руках твоих мягок металл,
И почерк работы твой чист.

Ты тверд. Строг и точен твой ум.
И ретро — любимый твой стиль:

Часы таковы и костюм,
Романсы и автомобиль.

Ты нежность скрываешь, дичась,
Ты строг и бываешь упрям,
Ругаешься, разгорячась,
С презреньем чураешься дам.

Твой голос из ванной звучит —
И детство я вспомнил ваше...
Зачем же время так мчит
И жизни пустеет чаша?

Ты мой вдохновитель в делах.
Я быстро уже устаю.
Но искры в твоих глазах
Держат меня в строю.

Пусть все возродится в тебе,
Что было счастьем для нас.
Пусть будет в твоей судьбе
Согласья и радости час.

Пусть дома дети пищат,
Бывает, ворчит жена.
Мы очень хотим внучат...
Нам горька уже тишина.

Пусть будут с успехом труд,
Победы в честном бою.
Сомнений коварных спрут
Пусть жизнь не повяжет твою.

Не будь на улыбку скуп.
На доброе слово — глух,
Чтоб в жесткой складке губ
Добра огонек не потух.

Чтоб нужен ты был всегда,
Чтоб жизнь и людей любил,
Чтоб мудрость несли года —
И не убавлялося сил!

Октябрь 1991 г.

ОГОРОД ПЕРЕСТРОЙКИ

Опять копаем огороды —
Как в дни далекие войны.
Вкушаем прелести свободы
И пот соленый целины.

Кто на песке, а кто в болоте.
Пустует рядом чернозем.
Уйти от голода в заботе —
С сохою по полю ползем.

Земля, надежда и отрада,
Ты не обманешь, не предашь.
Тебе душа людская рада,
Тебе поклон глубокий наш.

К тебе с годами чую тягу,
Устав от жизни суеты.
И, может, скоро вовсе лягу...
И вновь сольемся — я и ты.

Ну а пока копаем грядки.
Над нами жаворонка трель.
И аромат черемух сладкий
Земли перебивает прель.

Тут луг роскошный был дотоле.
Теперь вдоль берега Дубны

Клочки картофельного поля
Мы обрабатывать должны...

Чтоб зиму пережить глухую,
Чтоб за картошкой не стоять
И в пору мрачную, лихую
Себя заботами занять.

Там кто-то делит власть и землю,
Спешит сорвать скорее куш.
А я такое не приемлю:
Я не хочу растленья душ.

Но и не надо мне застоя —
Неумной власти, вечных пут.
И нет мне места и покоя:
Меня сомнения гнетут.

Наш прошлый путь нас вывел в поле,
На эти жалкие клочки,
Где нету жаворонков боле,
А только колышки-значки...

Да плоть земли со снятой кожей,
И в кучах — люди-муравьи...
И каждый свой участок гложет,
Забыв профессии свои...

Что впереди? Свободный рынок
С разгулом низменных страстей,
И Русь в развалах и руинах
Крушат рвачи от всех мастей!

И нуворишей скороспелых,
И бывших козырных тузов...
А заодно — умелых, смелых...
Мы не усвоили азав

И снова к бунту тянем в раже:
Мы только слушаем себя,
А все чужое мажем сажей,
Безумно свой же сук рубя.

Как примирить нам лед и пламень?
Как их запрячь в локомотив?
Не сразу мы дельцами станем,
В себе гордыню укротив...

Гордыню спеси величавой,
Презренье к хватке деловой...
Мы, опоенные отравой,
Бредем с поникшей головой.

И этот хмель, дурной и стойкий,
Иллюзий радужных творец,
Несем в себе с большой попойки...
Но ей уже пришел конец.

А наш клочок — отрада наша —
Поможет вытравить нам хмель,
С него не будет полной чаши:
Отвлечь — пред ним, скорее, цель.

Отвлечь озлобленных, усталых,
Втянуть в почти напрасный труд —
На огородах этих малых
Душою люди отдохнут,

Коль не озлобятся надрывом,
Коль дождь в низинах не зальет...
И будет этому порыву
Земли — наградою — приплод...
8 июня 1991 г.

НЕ ЖАЛЕЮ

О прежней жизни не жалею
И не хочу ее вернуть.
В ней было много, что не смею
Я добрым словом помянуть.
Была в ней фальшь и зло обмана,
Была в ней скованность души —
Она саднит сейчас, как рана,
Терзает думами в тиши...
Нет! Жили мы и знали счастье.
Детей мы нажили в любви,
Не знали горя и ненастья...
А все ведь было на крови:
Сограждан наших, дедов, братьев,
Отцов, погибших в лагерях.
Мы их не слышали проклятья,
Не знали, где почил их прах.
Мы веселились и трудились.
Беспечно наши дни текли.
В деревнях рядом слезы лились —
Там вымирали старики.
Мы тупо верили вещавшим,
Сулившим в будущем нам рай.
А в нашем доме одичавшем
Беда хлестала через край —
Беда порока и развала,
Беда бездумья, пир в чуме...
Но совесть наша не восстала —
И жили мы в грехе и зле.
22 апреля 1991 г.

НЕЛЬЗЯ БРОСАТЬ СЕЙЧАС РОССИЮ

Нельзя бросать сейчас Россию,
В ее тяжелый, смутный час.
В ней бродят страсти роковые,
И разум, кажется, погас...

Твой путь, о Русь, тернист и ломок.
В который раз, взорвав застой,
Тебя к прогрессу из потемок
Ведут злодейскою рукой

Через безумные затеи?
Твоё величье и своё
Творят жестокие злодеи,
Но множат горе и жульё.

Недаром часто предки наши,
Устав от князя и царя,
Испив до дна насилья чаши,
Бежали в дальние края:

К морям студеным, в лес и степи,
В Сибирь, на вольное житье,
Куда не протянулись цепи,
Где все вокруг — еще твое.

Там жизнь вольна, но и сурова.
В них видя пользу без оков,
Еще до времени Петрова
Их обратили в казаков.

Но вновь бегут — уж в наше время.
Бежит под Запада щиты
Детей израилевых племя,
И молодежь бежит от бремя
Бесправья, смуты, нищеты.

Спешим мы все. Хотим скорее
Перековать, переучить,
И, душ и крови не жалея,
К прогрессу мира приобщить.

Стираем наций самобытность,
Терзаем ширь лесов, полей.
Руси безбрежность и открытость
Разор и боль несут лишь ей.

Нам все навязывали свыше,
За нас решали, как нам жить,
И, стона русского не слыша,
Учили сеять и любить:

Что, где, когда, кого и сколько,
Что можно делать, что нельзя.
И в войны страшные — лишь только
Народу кланялись князья.

И этот недуг наш российский
Несем с собой через века.
И революций бунт стихийный
Свободы не дал нам пока.

Нужна спокойная реформа,
С умом, без крика и страстей.
Без сокрушительного шторма
Под громкий стон и хруст костей.

Пусть кто как хочет, кто как может
Живет и выразит себя,
Свое и общее умножит,
Чужое только не губя.

Была в нас честь великороссов
И уважение к себе:
За бездну поднятых вопросов,
За стойкость, мужество в борьбе.

За уваженье к инородцам,
За добрый нрав, что даден нам.
За то, что в наших песнях льется
Печаль — с весельем пополам.

За нашу удадь и просторы,
За золотой наш прошлый век,
Когда прорвался сквозь заторы
Сынов российских интеллект.

А кем сейчас стоим пред миром,
В недавнем прошлом гордецы,
Что править собирались пиром?
Теперь же нищие слепцы.

В своем запутались богатстве,
Убили вкус и страсть к труду.
И в бесшабашном общем братстве
Россию предали суду.

Ее историю и нравы,
Святых и тех, кто торговал.
Лишь те из предков были правы,
Кто нам пределы раздвигал.

И растеклись в просторах вольных,
Полцарства в ссылку обратив.
Но дух отверженцев крамольных
Дурмана жизнь не осветил.

Всем верховодят воеводы.
На все нужон царя указ.
И дремлют земли и народы,
Мы ждем, когда разбудят нас.

И вот жестокое похмелье:
Проснулись — начали гулять.
Свободы дикое веселье
Бедой закончилось опять.

Нам вреден пьяный дух свободы.
Не зная меры и черты,
Забывшись, пьем его как воду,
А во хмелю творим бунты.

Нельзя бросать сейчас Россию,
В ее тяжелый, смутный час.
В минуты эти роковые
Ее надежда — только в нас.

Ноябрь 1990 – январь 1991 г.

МОСКВА. ФЕВРАЛЬ 1991 Г.

Москва печальна и грязна,
Зияют пусто магазины,
Тоской пропитаны до дна,
Снуют по ней простолюдины

И ищут фрукты, молоко —
Ну, в общем, что-нибудь съестное...
Поверить просто нелегко,
Что с ней могло стрястись такое.

Десятки лет моя страна
Ее безропотно кормила.
Сейчас она уязвлена:
Ушла ее былая сила.

За сотни верст стекался люд
К ее бездонному достатку,
Чтоб тут купить, что ей дают,
Для жизни суетной, несладкой.

На пышных дармовых хлебах
Она безумно разрослася:
Россия, жить устав в рабах,
В столицу подалася.

Зловещий город-великан —
Без мира и достатка...
Схватил жильцов ты, как капкан,
Голодной злою хваткой.

Я знаю — впереди исход:
Из городов и из столицы
Пойдет измученный народ
В деревни мертвые селиться.

И, может, только этот путь
Дает нам шанс на возрожденье:
Земле уснувшей — пробужденье,
А русским — души их вернуть...

20 декабря 1991 г.

ТАНЦЫ В ИСТРЕ

В Ваш первый вечер в старом зале,
Где пляшет «Истры» молодежь,
Вы скромно танцы наблюдали,
Но Вас еще не приглашали —
Законов танцев не поймешь!

О! Я поклонник милых женщин...
Не надо яркой красоты —
Их образ мягкостью увенчан,
Открытым сердцем взор отмечен
И выраженьем доброты.

Я как-то сразу Вас заметил,
Но не решился подойти.
Но был Ваш взгляд и добр и светел —
Не устоял я и ответил...
Хотя не мне Ваш взгляд светил.

Какая гибкость и послушность,
И целомудренный задор,
В движеньях мягкость и воздушность,
В ответ — старательная скучность:
Увы, нет сил на разговор.

Не часто встретишь в танце фею!
Но, если все же повезет,
Себя уже я не жалею,
Смелею, хоть и не наглею...
Да нынче я уже не тот.

С моим я возрастом не спорю.
И от иллюзий я далек.
Но я надеялся, что вскоре
Удастся с Вами в этом холле
Пройтись мне в вальсе — хоть разок.

И снова парком зимним, серым
На танцы в старый зал спешим...
Но Вы сегодня с кавалером.
Красив, хоть скован он в манерах.
И Вы танцуете лишь с ним.

Вы вся открыта. Вы — цветете.
Вы стали как-то красивей.
И в танце Вы его ведете,
Вы вся теперь в одной заботе,
И нет для Вас других людей.

Я позавидовал счастливцу.
А Вам желаю я добра,
Чтоб не изведали Вы зла,
Чтоб увлеклись Вы не спесивцем,
Чтоб жизнь была для Вас светла.

Тут каждый с тайною своею.
За нами — жизнь, любовь, друзья...
Но упрекнуть я не посмею —
Не все от жизни мы имеем.
С годами стал терпимей я.

Но грустно все-таки чуть-чуть.
Уходят годы, силы, страсти...
Но Вам еще далекий путь:
Ведь можно все перевернуть,
Ведь все еще у Вас во власти!

Иль это кажется все нам?
И мы — рабы своей привычки,
Верны мы роли пап и мам,
Привыкли к женам и мужьям
И гаснем скоро, словно спички.

Но даже вспышки миг короткий
Обжечь способен, ослепить...
Но вот уж снова «за решетку»,
И надо добрым быть и кротким
И снова прежней жизнью жить.

Январь 1991 г.

Истра

ЗАЧЕМ ЖЕ ТЫ...

Зачем же ты всегда отводишь
При встрече взгляд свой от меня,
В себя с холодностью уходишь,
Лишь только «здравствуй» оброня?

Ведь сколько лет уже минуло
С последней встречи! Столько лет!
Нет. Ты меня не упрекнула,
На встречи наложив запрет:

Не надо больше. Мы привыкнем...
Привычку будет трудно рвать...
И, в правоту твою проникнув,
Я попросил поцеловать.

Я помню поцелуй прощальный —
Конец нечастых наших встреч,
И взгляд твой строгий и печальный,
И убедительную речь.

Я принял твой упрек. Смирился:
Раз нет любви — не нужно встреч.
А я любви желал, стремился,
И чувства к ней хотел сберечь.

Любовь меня не обманула,
Святым, земным не обошла.
Но и всего не зачеркнула,
Что жизнь когда-то мне дала.

Меня, увы, ты сторонишься.
Румянцем бьет при встречах кровь —
Мужской нескромности боишься,
Способной высмеять любовь?

Но нет! Мне наши встречи святы:
Во мне всегда тепло к тебе.
И те далекие закаты
Горят с тех пор в моей судьбе.

И мысль подспудная таится:
А может, то же и с тобой?
В душе тепло еще хранится,
Не остуженное судьбой?

1991 г.

РУССКИЙ РОМАНС

За что люблю романс я русский?
Чем душу мне он бередит?
Наивной верой? Правдой грустной?
Тоской, что часто в нем звучит?

Нет. Не в тоске и грусти сила.
И не в печали скрыта суть.
И не разлука иль могила
Нас крепко за душу берут.

Тут в глубине и страсти дело,
В слияньи музыки и слов.
Нас в нем гармония согрела,
И чувство в небо вознесло.

Где твой исток, твоя основа?
Как ты поднялся, воспарил?
Из песни вышел ты и слова,
Народ душой тебя творил.

Ты жизнь, униженную властью,
Свой быт суровый и простой
Излил возвышенною страстью
И несказанной красотой.

Когда я слышу звук романса —
В бескрайнем небе я парю.
Я вижу русское пространство,
Я со звездой говорю.

Во мне стоят восторг и слезы,
Я ощущаю звон небес,
Я вижу степи и березы,
Я слышу дивный русский лес.

Я ощущаю, что я — русский.
Души народа слышу суть.
И верю: новой перетрусской
Ее не смогут обмануть.

Народ растоптанный, распятый,
Лишенный веры и земли,
Чтоб дух воспрял твой — древний, святой,
Искусству вечному внемли.

Через него найдешь ты силы,
И красоту, что создал ты
И вылил в звук живой и милый,
В труде и жизни воплотил.

3 января 1992 г.

ДИКИЕ ГУСИ

Меня волнует с детства крик гусей —
Пролетных птиц, идущих стройным клином.
Куда они спешат, ночной приют покинув
На скудной сжатой полосе?
О чем их разговор в бескрайнем вольном небе?
Призыв ведущего не отставать?
Мольба уставшего об отдыхе и хлебе?
Иль просто им неважно молчать?

Я с детства слышал в небе крик гусей,
Идущих над Уссури и Амуром.
И в ясном небе видел их, и в хмуром,
Но им всегда завидовал в душе.
Завидовал порядку их и строю,
Уверенности, силе вожака,
Их жизни гордых странников, судьбою
Над миром вознесенных в облака.

Я не завидовал орлам, что пададь ищут,
Бесформенным волнам утиных стай,
Что осенью спешат уйти в Китай,
Крикливым чайкам, что повсюду рыщут.

Я слышал на пролете лебедей —
Красавцев долгошеих, осторожных —
И жалобы печальных журавлей,
Что слушать равнодушно невозможно.

О, странники пернатые небес!
Я вашей рад волне весеннего прилива,
Когда вы шумно, говорливо
Несете над землей волну ее чудес!
А осенью откатную волну
Я провожаю светлым, грустным взглядом.
Мою вы покидаете страну,
Что так была весной вам рада...

И, провожая вас, желаю вам добра:
Окрепнуть молодым и старикам вернуться,
Опять душой ожившей встрепенуться,
Когда придет весенняя пора.
Но с каждым годом вижу я —
Скудеет ваш поток, редуют ваши стаи.
Не всякую весну услышу журавля
И лебедей давно я не встречаю.

Преследует, теснит вас человек
В сегодняшней утехе и заботе.
Не думает, что, если вы уйдете,
Он сам же обделит свой век:
Не будет больше тихих, мягких зорь
Со свистом крыльев налетевших уток,
И не услышать нам гусиный разговор
И сокола в пике, идущем круто.

Зато плодится воронье,
Размножились чайки на отбросах —
И стали птицами не камышей и плесов,
А постоянным свалочным ворьем.
И голубь — туineaдец городской,
Закапавший уступы и карнизы,
Размножился по глупости людской...
Но редким предок стал его — лесной красавец сизый.

В Европе на полях живет фазан.
Гуляет стаями красавец — не таится
И человека вовсе не боится...
И пашне польза, и душе — бальзам.
Я видел в Риге, в парке лебедей,

На озере спокойно отдыхавших.
Они не испугались людей,
Поллюбоваться чудом пожелавших.

Нам надо с Индии мудрейшей брать пример,
Где испокон веков теснятся не в обиде
И звери дикие, и люди... В лучшем виде
Являя нам единство жизни сфер.
Ведь можно жить в гармонии такой,
Ведь можно обрести доверие и дружбу,
И братьев меньших уважать покой,
Несущих, как и мы, таинства Жизни службу.

Апрель-июль 1992 г.

ЖЕСТОКАЯ ОХОТА

В лесу затишье, духота.
Идет засушливое лето.
От мух нахальных маета.
Малинник есть — малины нету.

И так ее неурожай,
А тут прошлись, валя, ломая...
Теперь куда ни выезжай —
Везде прошлась орда Мамаю.

Очнулся житель городской
И в лес рванул на заготовку.
Смотрю на след его с тоской,
На вороватую сноровку...

Везде проник, повсюду влез,
Нет недоступных мест, угодий:
Давно уже прочесан лес —
Лютует хищник на свободе.

Нас столько собрано в Москве,
Мы так вокруг нее скопились!
Теперь свободы — как трески,
Что в кошель невода набилась.

Но как-то что-то наскребли —
В кустах, в крапиве на коленях...
Частицу леса унесли,
Чтоб сохранить к зиме в вареньях.

Чтоб вспомнить леса аромат,
Настой малинников душистых...
И будешь дару лета рад
Зимою белой и пушистой.

Зимой голодной, может быть,
Зимой холодной, долгой, скудной.
Мы пережили две зимы —
Пока терпимо, хоть и трудно.

Я ждал давно, что будет крах,
Что обезумет «люди голодный»
И в бунт пойдет, забыв про страх,
Привитый нам в «стране свободной».

Но в нас невиданный запас
Какой-то прочности, терпенья.
Инстинкт спасает древний нас
От неизбежного крушенья.

На власть давно надежды нет —
На себялюбцев неумелых,
Сломавших все за пару лет,
Дорогу давших беспределу.

Догнали женщин по пути.
Идут, шатаются — устали.
Весь лес успели обойти,
А ягод толком не набрали.

Костят Бориса грубо, зло —
«Любимца», парня «из народа».
Всегда России не везло:
Дубы, злодеи в воеводах.

Теперь надежда на себя:
Участки, реки, лес, болота.
Берем помалу, все губя, —
Идет жестокая охота.

1–2 августа 1992 г.

ОЛЕ КОРНЮШКО

Спасибо за стихи — с теплом и пониманьем.
Впервые я увидел интерес.
Не знал еще я большего вниманья...
Пишу лишь потому, что радуется процесс.

Стихи — таинство сил души,
Играют чувства, мысли, слово...
Люблю мгновения в тиши —
Мучений сладких, поиска живого.

Стихи напоминают мне кристалл —
Огранкой, блеском, совершенством формы.
В них — сгусток чувств, вина бокал,
Искрящийся своим живым фосфором.

Но вырастить кристалл — искусство и талант
(Возможны в нем и примесь, и дефекты!).
А я лишь скромный дилетант,
Рифмующий свои «конспекты».

В стихах твоих я вижу мастерство,
Природный дар и опыта огранку,
И искреннего чувства естество,
И совершенства гордую осанку.

Ты мечена, наверное, судьбой.
Тебе отпущены высокие таланты —
В прекрасных музах, дружных меж собой,
Согласных, как в квартете музыканты.

Пусть льются песни и стихи,
Звучат послушных струн аккорды.
Живи среди радостных стихий!
А мы тобою будем горды.

Сентябрь 1992 г.

ЗИМА В ОКТЯБРЕ

Березы сыпят желтый лист
На белый ранний снег...
И небосвод прохладно чист
В бездонной синеве.

Пылают лиственниц костер
На фоне голубом.

И поля выбелен простор.
И дым стоит столбом.
Какая тишь, какой покой...
И красок новизна:
Мир — бело-желто-голубой —
Явился, как из сна.

Застыли холод и краса
В величии на миг...
Природа дарит чудеса
Из рукавов своих.

Жаль, все же осень оборвал
Зимы лихой налет —
Своих я ягод не собрал,
Не исходил болот.

Не сбылись давние мечты
В глухом краю пожить...
Но миг волшебной красоты
Уже мне не забыть.

Октябрь 1992 г.

ЖЕНСКИЕ СТИХИИ

Святые женские стихи
Прошли чредой передо мной —
Не в годы юности лихие,
А в годы с грустной сединой.

Стихии эти — Чистота —
Святое молодости свойство,
В нем суеты нет, беспокойства,
А вера есть и высота.

И высота — от совершенства,
От чистых дум в ночной тиши,
И рядом с нею быть — блаженство
И очищение души.

Способна женщина хранить —
И пронести сквозь брак и роды —
И чистоту не уронить,
И с нею быть в седые годы.

Стихии — женской Красоте —
Мир поклоняется извечно.
Она в сердцах живет, в мечте —
И будет жить там бесконечно.

Но, как сверкающий алмаз,
Как звон и блеск серебра и злата,
Красавиц стройность, взгляд их глаз
В несчастьях вечных — виноваты...

Красы холодной — не люблю,
Красу надменную — тем паче,
О злобной я не говорю:
Она — уродство, не иначе.

Но, освященная добром,
Она мила мне бесконечно.
Хотя мой волос с сединой —
За ней готов идти я вечно.

Под солнцем доброй красоты
Душа светлеет, сердце тает...
И только чистые мечты
Она мне смолоду внушает.

И это свойство красоты —
Рожденный ей священный трепет
Пугал меня: мужчина ль ты?
Как станешь жить на белом свете?

Но жизнь мудра и учит нас,
Что все становится на место:
И, охлаждая в первый час,
Желанной станет вам красавица невеста.

Стихия — женский Интеллект —
Неоднозначное явление.
В нем отразился весь комплект —
Природы женщин, их мышленья.

Не часто встретить нам дано
Его без комплексов, свободным:
Чтоб быт не влек его на дно
И он играл умом природным.

Но если встретил — повезло,
И одарен его вниманьем,

Какое б время ни прошло —
Живут в душе воспоминанья:

Очарование бесед,
Непринужденных и свободных,
Игра ума и знаний свет,
И росчерк шуток благородных...

О, с умной женщиной гулять —
Когда она еще красива —
Соблазн — не сможешь устоять:
Его неотразима сила.

Вот так прошли передо мной
Святые женские стихи.
Мне осветили путь земной —
И вот о них сложил стихи я.

Но женский мир — не только в них.
Он много шире и богаче:
Я не узнал стихий лихих,
Способных довести до плача.

Коварство, мстительности яд,
Безумство ревности и страсти —
Они блаженства не сулят...
Минуйте эти нас напасти!

Но есть другой, не броский мир,
Который мы, увы, не ценим.
Ведь скромной преданности пир
Нас редко ставит на колени.

А состраданье, доброта?
Они милы нам и приятны,
Но яркость, броскость в них — не та!
А мы тщеславны и развратны.

О женский мир, мир ста стихий,
Их бесконечных вариаций,
И уложить тебя в стихи —
Нам непосильная задача!

Что я узнал — о том сказал,
Но вряд ли больше я узнаю.
Прошли года, не тем я стал —
И вот уж страсти утихают.

1993–1995 гг.

ПРОГУЛКА

Бесцветное, пустое небо
В голубовато-серой мгле.
Ни птиц, ни облака...
И снега осталось мало на земле:

Еще лежит в межах полями,
Сидит сугробами в лесу.
Но первоцветы на поляне
Раскрыли бледную красу.

Совсем унылая прогулка:
Мечтал увидеться с весной,
Гусей услышать гогот гулкий
И птахи пение лесной.

Увы... Бесцветно, серо, пусто.
Лишь бьется вздутая Дубна,
Да чайки вьются с криком грустным:
«Куда ты делася, весна?»

Наверно, все пока таится
По гнездам, норам и лугам,
Но скоро бурно пробудится —
И разольется шум и гам.

13-14 апреля 1999 г.

ДОРОГИЕ ГИЗЕЛА И ДИТМАР

Опять прощаемся. Возможно, навсегда.
Как быстро пронеслись три бурных года.
Померкла и скатилась красная звезда,
Взамен вошла суровая «свобода».

Да, многое пришлось нам пережить:
Крушение идеалов и догматов,
Которым честно мы пытались служить
И верили в которые мы свято.

Но верили, скорее, в идеал
И видели пороки воплощенья:
Как мир наш безнадежно отставал
От общего вселенского движенья.

Теперь у нас расходятся пути:
У вас — борьба за жизнь в земле обетованной,

А нам еще впотьмах десятки лет идти
К земле своей — неведомой, туманной.

Знакомы мы уже пятнадцать лет.
Нас сблизило людское притяжение,
В котором ни игры и ни корысти нет,
А есть симпатия и уважение.

Мы чувствуем открытость, доброту,
Сердечное вниманье и участие.
И то, что цените вы жизни простоту
С ее проблемами и счастьем.

За эти годы, Дитмар, вырос ты:
Был теоретик просто, стал директор-вице.
И мог вполне от шумной суеты
И возомнить, и возгордиться.

Но ты по-прежнему философ и мудрец.
И я люблю с тобой прогулки и беседы
И споры жаркие под стук больных сердец,
Так близко принимавших наши беды.

Ты рано уезжаешь из Дубны.
В том хаосе, что тут сейчас творится,
Твоя порядочность и честность нам нужны —
На них могли б мы положиться!

Расстаться с Гизелой для нас — большой удар!
Она, как солнышко, нас греет и ласкает.
И обаяния ее волшебный дар
Сердца бесповоротно покоряет.

Мы будем помнить ваш гостеприимный дом,
Радушие и искренность хозяев.
Беседы вольные за праздничным столом...
Но вот, друзья, мы вас и провожаем.

Пусть в новой жизни будет вам успех,
Найдут признание таланты и заслуги...
Но помните Россию вы и всех,
Кто БЫЛИ, ЕСТЬ и БУДУТ ваши ДРУГИ.

Надеемся, что трудная пора
Когда-нибудь минует: время лечит.
И мы, забыв кошмарное «вчера»,
Сойдемся за столом — уже при новой встрече!

2 марта 1992 г.

ЯНВАРЬ 1991 ГОДА

И этот год скатился быстро:
В стихах, раздумьях, суете...
Я вновь в твоей долине, Истра,
Судьбой придавленный к черте.

Своих печалей я достоин.
Мои успехи — где они?
Но я сейчас почти спокоен:
Минула жизнь — к закату дни.

Но что-то все же протестует:
Уйти в себя и доживать?
Признать, что жил почти впустую,
Свои ошибки вспоминать?

Да за себя уже спокоен —
Мне лично большего не взять.
Но мир наш сложен и расстроен:
На нем проклятия печать.

Нет, не хочу и не могу я
Признать бессилие свое.
Смотреть, как в бездну роковую
Идет отечество мое.

Не тешу я себя надеждой,
Что «поднимусь я и спасу».
Но страшно мне, что я невеждой
В могилу душу унесу.

Без озаренья и просвета,
Без осознания пути,
Где наше место в мире этом
И как Руси его найти...

Иль ролью жалкой, но полезной —
Дать миру ложный вариант
И устоять пред самой бездной —
Исчерпан дух наш и талант?

Есть путь другой — идти за миром,
Себя одев в его кафтан.
Да только нам в чужом мундире,
Пока привыкнешь, — маета.

Ведь был свой путь уже разведан.
Российский был размах и дух.
Да сбили с толку наших дедов —
Погнали в сторону не ту.

Трудяг и умных перебили,
Остались волки и овцы,
Ну и бараны — в полной силе,
Маршрута нового «творцы».

Дерутся волки и бараны:
Всяк хочет сам пасти овец...
Пока на овцах — только раны...
Не виден драке той конец.

Да, этот образ злой, но верный,
Как всякий образ — примитив.
А в ситуации прескверной
Нам нужно истину найти.

Не может легкой быть дороги:
Нельзя без пота и труда.
Закон на страже нужен строгий.
И чтобы выбор был всегда.

Но как все это обеспечить?
Как сохранить нам связь времен?
Как страшно всех перекалечить —
И так уже в народе стон.

Оставшись без святых традиций,
На стыке множества страстей,
Мы стали жертвами амбиций
И политических затей.

И нет покоя мне. И тщетно
Вопросы ставлю. Тщусь понять...
А время — зло и неприветно —
Твердит одно: искать, искать.

8–9 января 1991 г.

Истра

НАТАШЕ

Что мне сказать Вам в этот юбилей?
Тут неуместны цифры, факты, даты.
И дружбе нашей не пристал елей —
Она не им, не фразами богата.

Вы щедро одарены судьбой —
Талантом, статью, женским обаяньем,
Детей и мужа дружною гурьбой,
Где в центре Вы — с любовью и вниманьем.

Ваш дом любим друзьями с давних лет.
Ваш ум и такт известны за кордоном.
Мы ценим Ваше мнение, совет
И то, что истине Вы верны непреклонно.

Но время нас грозитя разлучить,
Сломав устои жизни, ритм, привычки,
И ваучеры прошлого вручить —
Бездушные, коварные странички...

Где нет имен и нет прожитых лет,
Романтики наивной, но прекрасной.
Где дружбы бескорыстной след
Уходит к краю пропасти опасной.

Нас могут разделить, как те клочки
Живого луга с жаворонком звонким...
Мы бросились, хватая пяточки,
А хитрые смеются нам вдогонку.

Я не хочу, чтоб прошлым был Валдай,
Хочу, чтоб Волково, Ахтуба повторились...
Чтоб горизонта уходящий край
Был наяву... Не только чтобы снилось...

Вы не смирились. Боретесь с судьбой.
Ваш вольный дух противится покою.
Готовы Вы в поход, как воин в бой.
И рады видеть Вас всегда мы молодою.

В суетности разорванных времен
Храните вольный дух и гордую осанку.
От всей души глубокий Вам поклон.
Не опускайте Вашу Планку!

11-12 декабря 1992 г.

НЕ ПОНЯЛ Я ТЕБЯ ТОГДА

Не понял я тебя тогда,
Не оценил тоски и чувства,
Не знал, что в дом вошла беда,
Сломав семью грехом беспутства.

Что не позволило тебе
Признаться в этом горьком крахе?
В своей надломленной судьбе
И пустоты грядущем страхе?

Я другом был. А вот — любил?
Хотя понять и дружбу сложно...
И я по грани проходил
Всегда предельно осторожно.

Твое внимание ко мне
Воспринимал лишь дружбой школьной.
Я не хотел бросать камней,
Я не хотел, чтоб было больно.

Не понял я твоей тоски,
Смотрел спокойной дружбы взглядом.
А жизни сломанной куски
Побыть меня просили рядом.

Хотя б на миг... Чтоб завершить
Беседу школьной перемены...
И, может, в тайне сохранить —
И быть отмщенной за измену.

А может, чувств была волна,
Любви неутоленной голод...
А тут вдруг я возник из сна,
Но вместо жара — легкий холод.

Не знал. Жалею, что не знал.
А если б знал? Как все сложилось?
Всего себя бы не отдал...
А ты на крохи б согласилась?

Что нам ценней: не потерять,
Не поступиться чем-то важным
Иль крохи сладкие собрать
В пакетик розовый бумажный?

Но были мы не наравне:
Я бодр, вполне благополучен...

И не далось представить мне,
Как путь твой труден, дух измучен.

Немного счастья и тепла,
Немного — но необходимо,
И ты б душою ожила...
А я прошел, не дав их, мимо!

Остался пепел от костра.
Не пишешь писем: дети, внуки,
Моя подруга и сестра...
А путь наш — к вечности разлуки.

Я вспоминаю Ереван,
Тогда, увы, не южный, снежный.
И наш неначатый роман —
Любви суровой, дружбы нежной.

Пишу тебе — не жду ответа.
Пишу, хоть остывает кровь...
И мысль поведать должен свету:
Сильнее дружба — не любовь.

Казнюсь я тупостью своей,
На вещи старомодным взором...
Не мог войти я в дом друзей —
И оказаться тут же вором...

1–2 февраля 1993 г.

АПРЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Апрельский вечер напоен
Весны призывным ароматом.
Щебечет лес со всех сторон,
Уже простившийся с закатом.

У птиц веселая возня:
Идут разборки, свадьбы, драки —
Теплом сегодняшнего дня
Приободрились забияки.

И я сегодня бодр и легок,
О чем давно уже забыл!
И надо мне совсем немного —
Чтоб лет на пять хватило сил...

Но не влачить себя устало
По жизни, в хворях и без дел:
А чтоб на поле, лес хватало
И разум чтоб не оскудел.

И, аромат весны вдыхая,
Я вспоминаю те края,
Где лес тайги, благоухая,
Так в детстве радовал меня.

Где по весне — веселой, звонкой —
Шумят ручьи, крушится лед.
И в небе — паутиной тонкой —
Спешит на север перелет.

Где быстроводную Уссури
Пленяет сдержанный Амур.
А летом — после зимней бури —
Украсит лотос вод лазурь.

Где после комаров и зноя
В тайге созреет виноград.
По осень небо голубое
И сопки золотом горят.

Там с детства полюбил просторы
И первую узнал любовь.
Там величавы реки, горы...
Туда б хотел вернуться вновь.

Апрель 1993 г.

НЕ УЗНАЛ

Случилось — не узнал я Вас,
Так горе Вас внезапно изменило,
Как ветвь цветущую, что буря надломила:
И лист поник, и цвет живой угас.

Нас давит боль непроходящая потеря,
Бессилие, униженность пред роком.
Так Вечность мрачная сурово и жестоко
Нам иногда приоткрывает дверь...

Но жизнь мудра, полна живых чудес:
Надломы лечит, оживляет соки.
Воспрянет лист. И цветку выйдут сроки
Ожить и обрести свой блеск.

И я увидел первые следы:
Болезнь утраты медленно уходит,
Она вокруг еще печально бродит,
Но потеряла власть беды.

Я скорое сулю выздоровленье.
Помогут Вам любовь и доброта,
И Ваша главная черта —
Нести с собой тепло и вдохновенье.

Еще я в Вас ценю ту родственность души,
Что нам сегодня омрачает жизнь тревогой:
Какою и куда толкают Русь дорогой?
Ведь для нее не все дороги хороши.

Пусть будет много добрых лет.
Пусть согревает Вас любовь друзей и близких.
И пелена из туч нависших, низких
Недолго закрывает свет.

4 апреля 1992 г.

СОН

Опять я видел Вас во сне.
И были Вы отзывчивы и нежны...
Вы, наконец, открылись мне,
Забыв о сдержанности прежней,

И в Вас любовь жила давно,
И Вы ее давно скрывали...
Но счастье лишь во сне дано,
А наяву — едва ли.

Я не герой, тем более для Вас.
Я это понимал. И все же жил надеждой.
И вот во сне пробил мой час...
Не отзвук ли он Вашей мысли нежной?

Иллюзий и надежд самообман...
Зачем он нас несбыточным терзает?
И в розовый, обманчивый туман,
Дразня и разжигая, погружает?

Всплывает тайное во сне
(Что гоним наяву, мечтаем иль боимся):
И мы блаженствуем, горим в огне...
Проснувшись — сожалеем. Иль стыдимся.

17 мая 1993 г.

НАШ ПРЕЗИДЕНТ

Увы! Живем без президента —
На рельсах голову сложил.
Не ждал позорного момента:
Стыдливым он и честным был!

Он понял тяжесть заблужденья,
Хмельных речей зловещий бред,
Игру лихую окруженья...
Не вынес. И оставил свет.

Да он был праведник — поклялся
И слово вещее сдержал!
И поезд бешено промчался,
Когда на рельсах он лежал.

И вот живем без президента...
Посажен в Кремль его двойник.
Он служит верным инструментом
Для тех, кто тащит нас в тупик.

Ворам, грабителям циничным,
Кому плевать на весь народ,
И этой прихвостне столичной,
Что за подачки смотрит в рот.

Да президент им и не нужен —
Вполне устроит манекен:
Он представителен (снаружи),
Чем взял когда-то женщин в плен.

И держит их в плену поныне,
Что окружению с руки:
Страцают женщин без гордыни,
Что, мол, придут большевики...

По христианству — власть от Бога,
И наши дамы ей верны —
Не осуждали власти строго
Во всю историю страны.

А мужики? Перевелися!
Одни воруют и кутят,
Другие уж давно спились,
А третьи — думать не хотят.

Что нам уроки из загранки:
«Герой залива» был смещен,

Лишь показалось гордым янки,
Что жизнь чуть-чуть ухудшил он.

А впрочем, я уже спокоен:
Давно известен тот закон:
Народ правительством доволен,
Когда терпеть согласен он.

28 апреля 1993 г.

ОТЦОВСКИЕ СЛЕЗЫ

Я вижу отцовские слезы,
О них рассказала мне мать...
Той осенью долго березы
Листву не хотели ронять.

Наверное, скорой кончины
Предчувствовал сердцем тоску:
Нечасто роняют мужчины
Скупую слезу на веку.

Все ждали меня к юбилею,
Отцу в ноябре — пятьдесят.
А я над дипломом корпею:
Защита и выпуск висят.

Послал телеграмму — сердечно
Успехов, здоровья желал.
Я не был спокоен, конечно,
Но как-то себя извинял.

Как мог не понять я печали,
Что старший отсутствует сын!
Обидой в нем нервы кричали,
Жестокое тоскою мужчин:

Что он не любим и не нужен,
Что Севчик холоден, жесток:
В заботы земные погружен,
Его захлестнул их поток.

Больного отца не уважил
Сыновним вниманьем своим...
Минули года. Но не зажил
Источник вины перед ним.

Средь горьких поступков на тризне
Времен и ушедшего дня,
Что нас настигают при жизни,
Он тяжко терзает меня.

Мы виделись в марте. А в мае,
Одевшем березы листвою,
Я страшную весть получаю —
Меня вызывают домой.

Оркестра военного трубы
Рыдают. Рвут душу мою.
И, сжав непослушные губы,
Иду в погребальном строю.

Мне кажется, солнце не светит
И больше не станет светить...
Как больно и тягостно детям
Отцов молодых хоронить!

Не верю, что он не проснется —
Так живы, спокойны черты,
И сдержанно не улыбнется —
Ну что пригорюнился ты?

Салют — неожиданный, хлесткий.
Ударились комья о гроб.
Подумал — как бедному жестко...
И душу пронизал озноб.

Как ясно сегодня мне видно,
Отцу дорогих сыновей,
Что можно бездумной обидой
Любой отравить юбилей.

Чувствительны мы и ранимы
Пред вечности темной чертой —
И жизнь, проходящая мимо,
Не манит уже суетой.

Нам добрая память дороже...
При жизни — немного тепла.
И чтоб по морщинистой коже
Обиды слеза не текла.

25–29 августа 1993 г.

Терзаюсь, что в последние я годы
Не скрасил матери тяжелых дней...
В плену моей извечной несвободы —
У дорогих и близких мне людей.

Быть добрым — мало. Надо быть и сильным:
Чтоб доброту свою до дела довести,
Чтоб совесть перед холодом могильным
Не стала вас раскаяньем трясти.

1993 г.

ЖУРАВЛИ

Сегодня пролетели журавли.
Ушли на юг, оставив нашу осень
В печали увядающей земли,
Ее и нас опять надолго бросив.

В апреле, а по осень в сентябре
Ищу глазами и прислушиваюсь чутко:
Увидеть их, плывущих на заре, —
Счастливая, прекрасная минута...

Спокоен и размерен их полет.
Несутся с высоты волнующие трели:
Труба печальная и нежная зовет,
Чтоб, бросив все, вы с ними улетели.

И землю оглядели с высоты —
С безбрежным, но уже скупым простором,
Где мало мест ушло от суеты
И предстают нетронутыми взорам.

На крыльях с детства я уйти хочу,
Оставив в стороне дороги и печали,
И чувствовать, что птицею лечу
И мне доступны все земные дали.

Завидую я вольным журавлям,
Полет их провожаю долгим взглядом.
Счастливо долететь! И вновь вернуться вам...
И вашу песнь опять услышать рядом.

10–16 сентября 1993 г.

ГАЛЕ СОЛОВЬЕВОЙ

Твое сердце большое и щедрое —
Есть в нем место родным и друзьям:
Ты живешь, одаряя и жертвуя,
Не любить тебя просто нельзя.

Где ты силы берешь, наша Галочка?
Твоя жизнь — это подвиг души!
Твои руки — волшебная палочка:
Все деяния их хороши.

Дом — музей, но с уютным радушием:
В нем и память, и стол для друзей.
Мы Вадима и видим, и слушаем —
Неустанной заботой твоей...

Ты собрала, учила и пестуешь
Всю родню, как великая Мать...
Мудрой речью конгрессы приветствуешь,
Честь решившие мужу воздать.

Дни проходят и в годы слагаются.
Ты верна и семье, и друзьям.
Видя все, и Вадим улыбается:
Сделать большее — просто нельзя!

4 октября 2003 г.

ОСЕНЬ ЖЕЛТО-ГОЛУБАЯ

Осень желто-голубая!
Как люблю я твой покой,
У притихших вод шагая,
Птиц пролетных провожая
В бледном небе над собой!

Лес еще не обнажился,
Светит золотом листвы,
По полям покой разлился,
Луг как будто бы раскрылся
Средь поникнувшей травы.

Солнце мягкое. Не жарко.
В дымке скрылся горизонт.
Купол церкви светит ярко...
Ждал такого я подарка —
И теперь получен он.

Ты, изменчивая осень,
Часто сыпала дождем,
Даже снег успела бросить,
Землю желтый лист заносит...
Лета бабьего мы ждем.

Наконец, его улыбка.
И с души сбежала тень.
В нашей жизни, злой и зыбкой,
Прозвучал поющей скрипкой
Этот мягкий, светлый день.

И величие природы
Заслонило суету...
Разлились лазурью воды,
Свет царит под небосводом...
Мир являет красоту!

Осень желто-голубая!
Как люблю я твой покой,
Лесом замершим шагая,
Аромат листвы вдыхая —
Терпкий осени настой...

10 октября 1993 г.

ПАМЯТИ КОСТИ НЕКРАСОВА

Скорбит природа по тебе,
Печальную встречая годовщину,
Любезному и верному себе,
Безвременно скончавшемуся сыну.

Ты так ее возвышенно любил!
И, забывая слабость и страданья,
Ты шел на встречи из последних сил,
Продляя жизнь минутами свиданья.

Не знал души я большей чистоты,
Добрее сердца. И надежней друга.
Далекого от жизни суеты,
Но знатока ее живого круга.

С твоим уходом я осиротел...
Жестокий рок опять распорядился,
Чтоб мудрой доброты светильник не горел
И гавани маяк, надежной, не светился.

Меня всегда влекло к тебе.
Хотя, случалось, жизнь и разводила.
И благодарен я судьбе,
Что дружбу нашу подарила.

Но чувствую с щемящей остротой,
Что наших встреч, походов было мало,
Что в жизни, поглощенной суетой,
Мне времени порой не доставало.

Мне не забыть рыбалок и болот,
Грибных полян, осеннего Валдая...
Ведь, уходя порою от забот,
Старели мы — душой не увядая.

Сегодня минул год. Уже не будет слез.
Но скорбь жены и дочери безмерна.
Спокойно спи под сеньми берез.
Тебе любовь и память наша верна!

20 сентября 1993 г.

УХОДЯЩИМ ДРУЗЬЯМ

Памяти Наташи Гончаровой

Рвутся с прошлым связей нити:
Мы друзей своих хороним...
Ну зачем же вы спешите,
Кто же вас отсюда гонит?

Там, в неведомых просторах,
Где, возможно, дух витает,
Бестелесность жизни скоро
Грешным нам надоедает.

Без вина пирушки дружной,
Без улыбок женщин милых
Дух покажется ненужным,
Вечность — каторгой унылой.

Без восходов и закатов,
Без побед и поражений
Мы не можем, мы — солдаты,
Мы ржавеем без сражений.

Жить — чтоб спорилась работа,
Чтобы лес встречал грибами...

А иначе — неохота,
Лучше мне податься с вами.

Без друзей мне неуютно.
Ведь и вы такого толка:
Пиво горько, небо мутно,
Хоть куда, но с вами только.

Так зачем же вы спешите
В неизбежность перебраться?
Погодите! Погодите!
Мне тоскливо оставаться.

29 декабря 1993 г.

ИРИНЕ ГРИГОРЬЕВНЕ

Прости рассеянность мою...
За суетой и за печалью,
Бывает, дат не примечаю
И роз роскошных не дарю.

А ведь совсем немного нас,
Кто связан долгими годами
Спокойной дружбы... И рядами
Приметных дат, чей пробил час.

Я чту прекрасную черту
Души твоей живой и чуткой:
Улыбкой мягкой, тонкой шуткой
Несешь ты людям красоту.

Пусть будут долгими года!
Пусть обаяние струится,
Что в глубине души рождается
И нас влечет к тебе всегда!

24 мая 1994 г.

НА АМУРЕ ОСЕННИЙ РАЗЛИВ

На Амуре осенний разлив,
Левый берег блестит серебром,
Я, мальчишка, сегодня счастлив,
Хоть и знаю: разлив не с добром.

Крутит воду, ударив в утес,
Тащит сено, деревья, дома...

Я с волнением смотрю под откос:
Мне явилась стихия сама!

Прячут в заводь с верховьев плоты
(Будет место касаток ловить!).
Да, вода принесла суеты...
Я люблю на утес приходиться.

Предо мною Хехцир и Амур:
Две стихии — гора и вода.
Кряж — в спокойном величии хмур,
А река — беспокойна всегда.

Ей не видно сегодня границ —
С горизонтом сливается блеск,
И утеса напрягся гранит,
Отбивая неистовый плеск.

Тут Уссури стремительной вклад:
С гор Алиня собрала поток,
От Имана привет принесла
И ириса болотный цветок.

Развернулась во всю Сунгари,
Свои желтые воды несет.
И «Маньчжурского вальса» мотив
Кружит медленный водоворот.

На быстрине недвижим буксир —
Не осилить могучий поток:
Реки силу ему принесли,
И не справится с нею никто!

Смоет косы, протоки пробьет,
Заливные потопит луга,
Унесет непривязанный плот,
Украдет у хозяев стога.

По разливу на лодках — простор:
Гладь и солнце, да ивы ажур...
Но во взглядах у встречных — укор:
Сколько хлопот прибавил Амур!

Мы на лодках идем на руках,
По заливам стреляем чирков,
Спим на рёлках в душистых стогах,
Мы одни — без забот и оков.

Наши вылазки в водный простор,
Золотые беспечные дни
Я запомнил с мальчишеских пор
И как лучшее в жизни хранил.

Запах дыма и скошенных трав,
Меткий выстрел и ночь в шалаше
Вспоминаю, от жизни устав,
И теплей у меня на душе.

На Амуре — муссонный разлив:
Над Приморьем и Зеей дожди...
Не шути, под поток угодив, —
От стихии пощады не жди!

На Амуре бескрайний разлив —
Только сопки вдали и вода...
Я с Амуром был в детстве счастлив
И запомнил его навсегда.

2 августа 1994 г.

Дубна

МОЛОДЕЖИ

Займися тем, что никогда не надоест,
К чему влечет неодолимо, против воли,
Что делать ты готов, забыв о сне и боли,
И что свершить влечет в один присест.

Найди в себе пылающую страсть
И не глуши ее тупым благоразумьем.
Подняться сможешь лишь безумьем...
Испей его. И насладись им всласть.

Прекрасен этот путь. Но может стать и роком.
К вершинам привести, к гармонии души.
И к мукам вечным. Жизни на гроши.
И заурядным стать пороком.

Ленивого покоя не найдешь.
И прозябанья в страхе и сомненьи.
Но — жизнь с тревогой и волненьем...
И бытия живого дрожь.

30 декабря 1994 г.

МНЕ С АМУРА ПРИВЕТ ПРИНЕСЛИ

На просторы равнинной Руси,
В край ольховых низин и болот,
Мне с Амура привет принесли —
Из страны моих детских охот.

Из страны необузданных рек,
Из страны неистоптанных гор,
Где в соседстве кедровый орех
И «шерхановой» шкуры узор.

Где ползет винограда лоза
По стволам уссурийской тайги,
Где потоки чисты, как слеза,
А тайфунов коварны шаги.

Там вскипает лососем река
И рябят от гусей небеса,
Там природы могучей рука
Разбросала кругом чудеса.

Из взорвавшейся глади реки
Вдруг бросается в лодку максун
(Мне не верят друзья-рыбаки —
Мол, рыбацкую байку несу!).

Там на тихих озерах цветок —
Бледно-розовый лотос-гигант...
А на галечных косах проток
Черепahi на солнце лежат.

Но зимою метровые льды
Мертвым панцирем воды скуют
И пурга замечает следы,
Песни жуткие вьюги поют.

Там разносят в мешках молоко —
Глыбы белого звонкого льда.
И икра, да еще с балыком, —
Не закуска, а просто еда.

Но судьба далеко увела —
Я оставил Амур и восток...
Захлестнули заботы, дела,
Жизни сложной бурлящий поток.

Я равнины Руси полюбил
С их неброской, чуть грустной красой,

Перелески горящих рябин,
Светлых боров сосновый настой.

Белизною березовых рощ —
Редким даром природы живой —
Восхищаюсь я в летнюю ночь,
По дороге идя полевой.

Полюбил я озерный Валдай
И тверскую болотную глушь —
Верхней Волги заброшенный край,
Край ее обездоленных душ.

Но во мне поселилась тоска:
Снятся горы, потоки, леса...
И Амур — голубая река,
А на ней золотая коса...

Снится дикий суровый простор,
Перепады высот и долин,
Синева затуманенных гор
И Амур — богатырь-исполин.

В тесноте Подмосковья скупой,
В разоренной глубинке Руси
Мне все грезится берег крутой
И на плесе — с плотами буксир.

А вокруг — непроглядная даль,
Горизонта зовущая нить
И рубеж, что еще не видал
И что манит его посетить.

Это в мыслях. А что наяву?
Уж полвека минуло с тех пор,
Как вдали от Амура живу —
И его принимаю укор:

Что покинул его навсегда,
Не отдал ему душу и труд,
Что другая земля и вода
Меня в море житейском несут.

Что, простор и свободу любя,
Погрузился, увы, в тесноту,
Что не слушался чутко себя
И стезю пролагаю не ту.

Ну а ты изменился, иссяк?
Оскудели протоки твои?
Тянет сети пустые рыбаки?
Переметов недвижны буи?
Не заходит в Уссури кета?
Не резвится на плесах максун?
Как и тут — на воде суета:
Злые «Вихри» моторки несут?

Оскудел величавый простор...
Истоптали твои берега,
Без тайменя стремительный Хор,
Без изюбря — пустая тайга...

Я не верю в такую судьбу —
Ты не должен скудеть и стареть!
И пока я на свете живу,
Я хочу на тебя посмотреть...

Февраль 1995 г.

Дубна

РОССИЯ

Как ты поругана, Россия,
Уже в какой несчетный раз!
И кем? Кого сама носила
И кто предал тебя сейчас...

За что? За деньги. Не за славу.
Как всякий корыстный подлец,
Он сладострастно льет отраву,
Предвидя буйство и конец.

Как ты, ослепшая горячка,
Сумела вырастить детей,
Чья совесть — гнойная болячка,
А кредо — корысть без затей?

10 января 1995 г.

НИНЕ 23 ИЮЛЯ 1995 ГОДА

Тридцать пять — как это много!
Тридцать пять — и очень мало!
Тридцать пять — одна дорога,
Мы уже у перевала...

Нежной девочкою чистой
Ты моей женою стала,
А сейчас кружатся листья —
Нашей осени начало.

Не хочу с ненастьем осень!
Убежим-ка снова в лето —
Все обыденное бросим,
Что любовью не согрето.

Было ясно. Были тучи.
Были радость и печали...
Только не было нам скучно,
Только дней не замечали.

Дети годы отмеряют.
Сыновья уже мужчины —
Не мальчишки на Валдае...
Мне бы лет пятнадцать скинуть!

Но к тебе — все та же нежность,
Ты, как в юности, прекрасна!
Пусть не скоро ляжет снежность,
Чувства сдерживая властно.

Тридцать пять — совсем не много,
До смешного это мало:
Пусть продолжится дорога,
И сегодня ей начало!

22 июля 1995 г.

ВЕЧНОСТЬ

Печальная открылась пора —
Друзья уходят, зубры и коллеги...
Да, Вечность, так далекая вчера,
Настигла нас в неутомимом беге.

Я чувствую по множеству примет
Присутствие ее — не за спиною.
И шансов оторваться больше нет:
Догнала, поравнялася со мною.

Нам тягостно сходить в ее предел.
Сознание невольно протестует:
Зачем я этот мир, возникнув, оглядел,
Увидел что-то, понял — и впустую?

Протесту этому — бессчетные века.
Наш дух религии и суеверья
Пускали в ад, вздымали в облака,
Переселяли в камни или зверя...

Так Вечность открывалась для него,
Бессмертие желанное... Обмана
Не вижу я. И, выдумав богов,
Тем просто врачевалась наша рана.

Блажен, кто верою щадящей наделен,
Такою, что сильнее разума и чувства:
Им кажется, что путь, идущий под уклон,
Не завершится пропастью, где — пусто.

А нам, еретикам, как Вечность принимать?
Как с нею, неизбежной, примириться?
Грядущего пути уже нам не узнать,
Исчезнувшей душе, увы, не возродиться.

Затопчут на земле остывшие следы,
Наивности ушедших улыбнутся.
Лишь гениев великие труды
Заставят, может быть, живущих оглянуться.

Но многие из них не будут даже знать:
Что, чтимы их труды? Иль преданы забвенью?
В терзаниях души пришлось им умирать:
Как примут их другие поколенья?

Уходим мы — лишь плодородный слой
Останется от нашего горенья...
А может, он отравлен суетой,
Что стало времени знаменьем?

Зловещей суетой кипения страстей,
Что алчность родила, умножившись прогрессом.
Как справится Земля с нашествием затей,
Как выживет под их безумным прессом?

А молодость живет, довольная судьбой.
Ей некогда подумать о грядущем.
И, видно, в этом смысл — быть занятым собой,
Пока еще силен, лишь думая о сущном.

Сменяет нас зеленая трава.
Ей под ноги засохшая ложится.

До осени она цветуща и права.
Так все заведено. И это вечно длится.

О, Вечность, Вечность! Ты не дашь ответ!
В непредсказуемости ты загадочно прекрасна!
А мы лишь твой, увы, мгновенный стертый след...
И в этом лишь одним мной понята и ясна.

20 июня 1996 г.

УЛЫБКА ЯНВАРЯ

Улыбку дарит нам январь:
Вдруг солнце ярко засияло,
Раскрылось неба покрывало,
К весне склонился календарь.

Морозно. Тихо. Снег искрится.
Светило будто родилось —
Веселым блеском налилось,
И оживились даже птицы.

Январь еще застудит нас,
Красой холодною уважит,
И снег в полях глубокий ляжет,
И дня еще не долгод час.

Еще завьюжит нас февраль,
И март изменчивый обидит...
Но всё весны надежду видит
Сквозь прояснившуюся даль.

7 января 1996 г.

СВОБОДА

Несвобода — спрессованный дух.
Под личиной покорности — злость.
Разум тлеет иль вовсе потух.
В горле истины острая кость.

Несвобода — крутые тиски.
Неподвижность. И вечная боль.
У меня побелели виски,
Но в свободе ли только вся соль?

Ведь свобода без рамок — разгул
Злых, нахальных и просто воров.

Лицемеров подкормленных гул.
Постоянно текущая кровь.

Есть ли мера свободе — баланс:
Духу — крылья, разбойнику — клеть?
Опьяненная, впавшая в транс,
Ты, свобода, и пряник, и плеть.

Только пряник — не многим к рукам.
Большинству же придется удар.
Наверху торжествующий хам,
Заплативший за слепость суда.

Несвобода — томительный плен,
Рабство духа и злая тоска.
Нас свобода подняла с колен,
Обнажив свой звериный оскал.

Да, свобода нужна нам, как вдох,
Как восход после долгой ночи:
Свежий воздух — не яда глоток,
Жизни свет, а не злые лучи.

Над Россией сорвали озон,
Беспощадно свобода разит.
По России униженных стон,
Ну а совесть свободы молчит.

Несвобода — наживе на лжи,
Воровскому разбою среди дня.
Не затем мне дарована жизнь,
Чтобы мерзость душила меня.

Март 1996 г.

29 АПРЕЛЯ 1996 ГОДА

Нам еще одна весна
Улыбнулась апрелем.
Дома стала жизнь тесна —
В поле манят птичьи трели...

Снова слышен «зов земли» —
Руки тянутся к лопате.
А когда-то мы могли
На прогулки время тратить...

Покупаем мы навоз,
Перекапываем грядки...
В жизни вышел перекоп —
Что-то с нами не в порядке.

Утомившись в суете,
Отдыхаем на природе:
В коммунальной тесноте,
Во «Сатурне», в огороде.

Именинница моя,
Женушка любимая:
Ехал в дальние края —
Не проехал мимо я.

На камнях тебя нашел
Юную и смелую...
И зажили хорошо:
Сыновей наделали!

Очень я люблю апрель —
Дни весны нежаркие,
Как услышу птичью трель,
Вспомню о подарке я.

Пусть порадует нас жизнь
Новыми апрелями.
Так что, матушка, держись!
Чтоб мы долго сеяли!

29 апреля 1996 г.

УХОДЯЩЕМУ ГОДУ

(Последнее заседание Клуба избирателей Дубны)

Улетает петушок...
Был горластый он и бойкий.
Пили мы на посошок
Капли горькие настойки.

Нас клевал ты, не щадя...
Вот и кончился сегодня.
Чем помянем мы тебя
Ночью новогодней?

Средь печалей и забот
Скучной с жизнью сделки

Я отмечу в «Петин» год
Наши посиделки.

Как-то вышло невзначай,
Уж не вспомним сами:
Из «Устава» вытек чай
Вместе со стихами.

Разговоры и стихи —
Что быть может лучше!
Жизни яркие штрихи:
Радости и тучи...

Мне глубокая душа —
Яркая, живая —
Открывалась, не спеша,
Средь стихов и чая.

Вы одобрили стихи,
Тихо мне внимая,
Жрица песенных стихий,
Строгая, прямая.

Пусть же будет светлый год
Голубой собаки,
Пусть душа у Вас поет,
Светится, как факел.

Я на Ваш огонь явлюсь
С новыми стихами.
Будет радость, будет грусть
И тепло — меж нами.

31 декабря 1993 г.

РОМАНС

Увидел Вас — и снова всплыли
Мои несбывшиеся сны
И дни, когда мы близко были,
Но в чувствах не были вольны.

Увидел Вас, и зазвенела
В душе затихшая струна,
Продолжив песнь, что недопела
Она в былые времена.

Зачем несбыточные грезы
Опять смущают мой покой
И чувства вянущие розы
Тревожат дерзкою рукой?

Я к Вам еще неравнодушен.
Хотя спокоен и смирен.
Покой полезен мне, но скучен.
И жизни явь как долгий сон.

Проходят дни, ушли надежды —
Души спасительный маяк.
И нас привычка в жизни держит
На ненадежных якорях...

19 мая 1996 г.

КЛОЧОК

Когда наскучили окрестные прогулки
И в лес вошли поселочки-сады,
Заняв любимые глухие закоулки, —
Не распознали мы еще беды.

Нас новые маршруты выручали:
Валдай, грибные и болотные места —
Глухими остающиеся дали,
Их первозданная немая красота.

Но время и болезни силы точат,
Маршруты дальние приходится забыть,
А тяга в лес оставить нас не хочет,
И сад в лесу решили мы разбить.

Заброшенный клочок — никто им не прельстился:
Болото, пни, гигантские стволы.
Там даже трактор провалился...
А мы пахали как волю!

Никто сначала этому не верил,
Что можно все преобразить...
Сожгли полсотни пней, достали сто деревьев,
Песок и глину начали возить.

И как-то постепенно все сложилось.
И даже Нина полюбила наш клочок.

Колодец, парничок, бытовка появилась
И конусный вигвам — отхожий пятачок.

Периметр кустами обсадили,
Достали сливы, облепиху, барбарис...
И жизнью новою зажили:
С апреля по октябрь — трудись и не ленись.

И как-то привязались... И не мыслим
Без нашего клочка мы нашу жизнь,
А летом в нем — весь труд и даже мысли:
Пришла пора — костями ложись...

Мы радуемся ягодам клубники,
Переживаем заморозков дни,
Жестоко режемся кустами ежевики...
И мы такие не одни:

Вокруг нас добрые соседи,
С кем делим часто воду и вино...
А женщины, что в городе как леди,
С мужьями «пашут» заодно.

Мы погрузились в этот мир природы,
Мы беспокоимся о грядках, устаем,
И нас сближает эта несвобода,
Мы там не одиноки — мы вдвоем...

Попав сюда, мы мигом забываем
Проблемы-страсти жизни суеты —
Копаем, полем, поливаем...
Тут все прекрасно: зелень и цветы.

Покуда хватит сил, мы будем здесь трудиться
И эту землю пестовать любя...
Но жаль, родных детей нам дорогие лица
Мы редко видим около себя.

1997 – март 2003 г.

НАТАШЕ 75

Меняет нас течение Время:
Кого-то гнет, кого-то мнет,
Один бредет, держась за стремя,
Другой сидит уже и ждет.

Но есть и гордые натуры,
Кто сам свою судьбу творит,
Ваяет сам свою скульптуру
И путь свой собственный торит.

Когда при этом он и чуток:
Понять умеет и принять
Другого горькую минуту,
Не сокрушаться, не пенять,

Когда и времени движенье
Его не в силах укротить —
Мы платим данью уваженья
За стойкость и умение жить.

13 декабря 2002 г.

ГЕРПЕС

Лежу уже десятый день.
Смотрю на мир лишь левым глазом.
Днем много сплю, терзает лень
И непонятная зараза.

Откуда герпес у меня?
Дремал, сказали, от ветрянки.
Дождался своего он дня
И вспыхнул от пустячной ранки.

Я не читаю десять дней.
Такого вроде не бывало:
Инфаркта давящая тень
Мне к чтиву вкус не отбивала.

А тут — назойливая боль...
Набухло веко, бровь раздулась,
Ушла в мученье жизни соль,
В овчинку небо обернулось.

И выручает лишь сосед:
Веселой шуткой, разговором,
Воспоминаям прежних лет,
Пыхтеньем дружным над кроссвордом...

15 марта 1998 г.

ДОРОГОЙ НИНУЛЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Годы лихо набегают,
Стаж супружеский идет.
Мы с тобою, дорогая,
По ночам недосыпая,
Свой вскопали огород.

В нем поднялися два сына:
Старший за морем живет.
Вразумительный детина —
Бесколесая машина
От него нам письма шлет.

Младший — химик оборзельный
(Тоже ранний кандидат),
Расторопный и умелый,
Нам дерзит довольно смело,
Но в любом он деле хват.

Ты на этом огороде
Яркой розою цветешь:
Бригадиром стала вроде,
Выступаешь при народе,
Вразумляешь молодежь...

Так цветы, не увядая,
Пусть прохожие косят...
Ты, Нинуля, молодая,
Из себя вполне «такая»,
И еще — не шестьдесят!

29 апреля 1998 г.

МЕТЕТ

Метет сухие листья ветер,
Бегут поспешно облака.
Печаль осенняя на свете
И — непонятная тоска.

Август 1998 г.

«ФРАНЦУЗУ»

Рубль упал — как шарик в лузу,
Обанкротился совсем...
Нынче нашему «француз»
Отвалило двадцать семь.

В странах он бывал неближних,
Пересек материки.
Он в восторге от Парижа,
А вот Штаты — не с руки.

Там жара, другое время,
Лишь о деньгах явь и сны.
Ограниченное племя —
Слишком жирны и скучны.

Вот Париж — другое дело:
Праздник сердца и души,
Пище радуется тело,
Ну и вина хороши!

И французы остроумны.
И в провинции краса.
Города живы и шумны.
В меру знойны небеса.

Жаль, что хуже там с наукой —
Штаты в этом впереди!
А в России — злая скука.
И надолго ведь, поди...

Развернулся ты отлично:
Молод, холост, кандидат.
В химкругах известен лично,
Многих писем адресат.

Это много или мало
Для такого молодца?
Нет, не мало для начала,
Но не много — для венца!

В жизни — твердого успеха,
Чтоб в делах своих расти,
Чтоб твоя стояла вежа —
На людском пути.

20 октября 1998 г.

МИШЕ 35!

За морями, за горами —
И, похоже, вверх ногами —
Наш Мишуля с верной Леной
На другом конце Вселенной
Проживают ныне в Штатах
Круто-звездно-полосатых.

Наш лазутчик — шустрый Вадик —
Летом к ним маршрут наладил.
Доложил он нам подробно,
Что живут вполне удобно,
Что встречали его с лаской
И катали на колясках.

Что жара там выше меры —
Убегают в Кордильеры,
Много толстых — ведь не ходят,
Все в машинах хороводят.
Баксы только там в ходу,
Мнут готовую еду.

Пьют, но меру в этом знают.
По Америке летают.
Им живется вроде вольно,
И, похоже, всем довольны.
Небольшой у них оброк,
А зарплату платят в срок.

Мы в России, все живущей,
Но вдали от райских кущей,
Как-то тянем: без беды,
Не без пива и еды.
Но простой народ страдает:
От воров Россия тает.
Воры крепко нажились.
Правит нами царь Борис.

Нам, родителям, отрада,
Если часто звонят чада.
Иль с за тридевять земель
Вдруг пришлет машина mail.

Наш наказ Мишуле-сыну:
Не жалея свою машину —

Чаще ты дави на газ
И посланьем радуй нас.
И еще одна отрада:
Вспоминать, как наши чада
В нежном возрасте своем
В одиночку и вдвоем
Были ласковы, забавны
И в занятиях исправны.
Той поры минувших дней
Нет нам более родней.
Вам — чтоб тоже не тужить —
Стоит это пережить!
Проведя весь год в заботах,
Занеможился я что-то:
От трудов и прочих дел,
Видно, малость оборзел,
И сейчас, забот не зная,
В терапии отдыхаю.
Знать, с годами нам негоже
Мнить, что мы себя моложе!
Накануне славной даты —
Чтобы были вы богаты,
Дело спорилось у вас —
И показывали класс!
Чтоб здоровье и силы
Не грешило, не косило.
До побаченья — у нас
Будем ждать вас в добрый час!
12 января 1999 г.

НЕ БОЮСЬ...

Я смерти не боюсь. Но — не хочу...
Унылая рутина похорон.
И я уже навек молчу.
И близких мне невысказанный стон.
Мне этот мир покинуть нелегко.
Я свыкся с ним и даже полюбил.

Я в жизни не вознесся высоко
И знал предел своих реальных сил.

Мне жаль оставить милых мне сынов
И верную, любящую жену...
И полных леса и походов снов,
Клочок земли, где рьяно спину гну.

Я кое-что доделать не успел:
Не собраны и мысли, и стихи,
Что иногда себе же сам и пел,
А часть из них — не так уж и плохи...

Работа без меня и так пойдет.
Я не был в ней совсем незаменим.
Не найденное мной другой найдет.
Жизнь дальше потечет, меня похоронив.

Есть в жизни смысл: пока ты ей несешь
Хлеб, радость людям, правду или мир.
А все, что от нее берешь, —
Вернешь стократ — продолжить жизни пир.

27 февраля – 1 марта 1999 г.

КРЕДО

Я верующий человек,
И вера моя проста...
В наш дикий, безумный век
Еще почитают Христа.

Еще вездесущий Аллах
И верный ему Магомет
У тысяч людей на устах,
Что чтут аравийский завет.

О, сколько их было и есть,
Могучих и грозных богов!
Имен их не перечесть —
Всех идолов, будд, иегов...

Нам столько открылось завес
И столько неведомо нам,
Что все в этом мире чудес
Всесильным отдали богам.

Одни постоянно здесь,
Им ведом наш каждый миг.

Другие смотрят с небес,
И счет получаем мы.

За каждый поступок — счет:
За то, что не молимся им,
Что солнце еще печет,
А мы не поем им гимн.

Они награждают людей
Желанным бессмертьем в раю,
Но в ад попадает злодей,
Судьбу проклиная свою.

На это ушли века,
И логика в этом есть:
Бессмысленна жизнь, коротка...
Зачем оказались мы здесь?

Зачем наши муки? Восторг
Пред миром, вскормившим нас?
Спокойно взирает Восток
И ждет неизбежный час...

А Запад пытливый шустрит,
Христа почитая, — не ждет,
Когда он на штрассы и стрит
Свою благодать низведет.

Я верующий человек,
Но верю — в пытливость ума.
Его несомненен успех —
С ним с мира раздвинулась тьма.

Открылась нам бездна времен
И космоса жуткая даль,
Проникли мы в жизни закон
И в малую вещи деталь.

Но сколько еще впереди!
Ищи, не боясь ничего...
Неведомы мира пути —
И в этом вся прелесть его.

Мы верой унизили жизнь,
Навесили рабский закон:
Покорствуй, склонившись, молись —
Быть может, услышат твой стон.

Я жизни такой не хочу,
Под богом мне скучно ходить.

И дань лишь науке плачу —
Ей вычислить все и открыть...

Не нужно всемогущих богов,
Их кары и милости их,
Навязанных ими оков,
Молитвы бессмысленный стих.

Но разные мы все — от веков
Нам разная вера дана:
Одни не приемлют оков,
Другим эта вера нужна.

Не надо костров, лагерей,
Анафемы, сбитых крестов,
Истерзанных душ и церквей,
Навязанных духу оков.

И пусть продолжается жизнь —
В неверии, с верой — как есть.
Своим про себя лишь гордись,
Другим не выказывай спесь.

От веры беру идеал.
Христову я заповедь чту:
Религий духовный запал
Людей воплощает мечту.

Что ценного в культурах Земли?
Традиции, храмы, обряд.
Они за столетья смогли
Культуры создать концентрат.

Нам праздники в жизни нужны
И вера в великую цель.
Природою мы сложены
Вкушать опьяняющий хмель...

Не каждый способен идти
По компасу трезвых наук.
Кому-то не видно пути
Без верой навязанных мук...

Да, вера прекрасна! Увы...
А если она лишь туман?
И мы преклоняем главы
Пред тем, что мираж и обман?

Плывя на фальшивый маяк,
Куда же мы можем прийти?
Не стоит ли в наших морях
Другие наметить пути?

Пусть вера живет как обряд —
Глубинных традиций завет:
Столетий бесчисленных ряд
Оставил внушительный след.

Пусть жизнь и ее чудеса,
Величье природы и ум
На наши взойдут небеса
И станут предметами дум...

Но чаще сжигает нас страсть,
Влекущая к злату, вину,
Любви опьяненье и власть
Возносят — иль тянут ко дну.

В дурмане могучих страстей
Не видим ни зла, ни добра,
Безумством нелепых затей
Великое сводим во прах...

Январь–февраль 1999 г.

КЛАН

Грущу, что я не создал клана:
Живого круга сыновей,
Невесток, внуков — «знак ислама»,
Как жизни след земной моей.

Но клан — оседлость, многодетность.
Совместный труд, большой огонь,
Где все равны: в успех и в бедность
И где чужой — моих не тронь...

Так жили все сыны Адама.
Но все равно, щепился клан:
Вражда и войны — злая драма —
Крушили идеальный план.

Еще лет сто, как кланы были,
Но разметал их новый век

Среди земной воды и пыли...
И обездомел человек.

Семья из трех иль больших душ
Живет лет 20, 25,
А дальше юных узость душит
И рвутся новый век начать.

Еще трудней — отцы уходят:
И вот — неполная семья,
Где дети часто колобродят
И бьется мать, себя губя.

Родно не очень привечаем,
Стремимся мы спокойней жить,
И редко за вечерним чаем
Мы можем гостя ублажить.

Наш мир раздался: кто-то где-то...
Европа, Штаты и Восток.
И письма-мейлы с края света
Несет нам спутник-молоток.

Еще людей сближают деньги,
Но с ними зависть и вражда.
И страх объявленных претензий,
А там — тюрьма или нужда.

Мне мнится, дружба оскудела,
Что заменяла кланы нам.
Иль кровь с годами охладела
К когда-то близким именам?

Печально — все быть это может
С высот уже немалых лет,
Когда тоска порою гложет
И жизнь мне выдала ответ:

Твой след оставленный ничтожен,
И, может, только в сыновьях
Он будет снова вдаль проложен
Иль оборвется, выйдя в прах.

Но жизнь идет — множатся люди,
И трудно нам предугадать,
Что с ними всеми скоро будет:
Великий мор иль благодать.

31 июля 1999 г.

МУРАВЬИ

Мы, может быть, как муравьи,
Что копошатся у дороги,
Спеша решать дела свои,
Не понимая суть тревоги, —

Когда беспечною ногой
Мы давим их, крушим проходы,
Вершим бездумно их судьбой,
Детей загадочной Природы.

Хотя у нас иной размер,
Но также мы в том мире малы,
Что не понять его нам сфер
И шаг стопы его усталый.

Май 2000 г.

ИТОГ

Я всех благодарю, с кем жизнь меня свела.
Упреков нет. Проблемам — сам обязан.
Мне щедро жизнь возможности дала,
Но лучше был бы я к одной привязан.

Я, видно, заблудился в тех путях.
Свою натуру не осмыслил верно,
Не поднял свой неповторимый стяг,
С которым дальше бы прошел, наверно.

Я многое от жизни получил:
Любовь, друзей, какое-то признание...
Но весь запас дарованных мне сил
Не воплотил в значимое деянье.

Был страстью обделен,
Заметной, яркой, всемогущей —
Чтоб след оставить. И земной поклон
Заслужен был — от поросли грядущей.

29–30 июня 2000 г.

ИТАЛИЯ. АВГУСТ 1999 Г.

Венеция

Венеция, сказка былого,
Беглянка от смуты земли.
Тебя не исчерпает слово,
Бессильны и строки мои.

Не верится: сон воплотился —
Мы вышли из моря к тебе,
И сказочный град появился,
Как вызов векам и судьбе.

Ты всплыла полночной гирляндой
Огней на своих островах,
Толпою заполнена жадной,
Водою в немых рукавах.

Из мрака в прожекторном свете
Сияли твои кружева,
А мы, пораженные дети,
Ловили рассказа слова.

Вот дождей дворец мавританский,
Вот Марка-хранителя храм
С колонной-звонницей гигантской —
Свидетели славы и драм.

Шумят рестораны, эстрады,
Толпится вокруг гидов народ,
И мы изумленны и рады —
Нас чудо взяло в оборот...

Бесчисленны сполохи блицев,
В экстазе снимает толпа —
Всем хочется запечатлеться
На фоне дворцов и стекла.

И мы, как и все, — не умнее...
В Венеции — в ночь карнавал,
И мы очарованы ею,
И нас захлестнул этот бал.

А утром — каналы, музеи
И роскошь цветного стекла.
С толпою коллег-ротозеев
И наша бригада прошла.

Нашли заблудившего в ночи,
Проспавшего как-то в челне...
В нас радость познания клокочет
(С сомнением: не грезится ль мне?).

В гондоле скользим по каналу,
Навстречу другая — с певцом.
И тенор с годами к финалу,
И лодка не с юным гребцом.

Все дивно... Но как-то и грустно:
Не выглядит город жилым,
В домах, представляется, пусто,
И веет прошедшим, былым...

В пиццерии шумно и тесно,
Поставили с пивом сосуд,
Катают кудесники тесто,
Огромные пиццы несут...

И снова мосты и каналы,
Старинная бронза статуй:
Герои, купцы, адмиралы,
И мягкий волны поцелуй...

Отчаянье, смелость, удача
Тебя основали в веках.
Ты крепостью стала, не дачей
На низких лагун берегах.

С далеких окраин Средземья
Спешили с товаром купцы,
Твое непокорное племя
Возглавили дожи-отцы.

Вершили тут суд и расправу,
Копили богатства, казну
И городу гордую славу,
Врагов опускали ко дну.

Пронесятся мысли, виденья,
Всплывают истории дни,
Проходят твои поколенья —
Да, были отважны они...

На гиблых наносах лагуны,
На гребнях осиновых свай
Построили город-коммуна,
Свободный и красочный край...

Прощанье, последние взгляды,
И мы покидаем тебя.
Не выдумать лучше награды.
Прощай. Уезжаем любя...

9–11 ноября 1999 г.

Тоскана–Флоренция

Болонья, горы и туннели,
За перевалом та страна,
Где всё росло, где всё умели,
Звалась Цветущею она.

И я давно мечтал увидеть
Плодоносящий, древний край,
Где страсть — любить иль ненавидеть —
Всегда хлестала через край.

Кругом — цветущая долина...
В горах карьеры, замки, лес —
Живая мирная картина
Под сводом ласковых небес.

Тоскана: Данте, Леонардо
И Микеланджело — столпы:
Из бесконечного миллиарда
Всечеловеческой толпы.

Да, ты, Флоренция, сумела
Взрастить великих сыновей
И сохранить их дух и дело
В счастливой памяти своей.

Тут перед ратушей старинной,
Из глыбы высечен, стоит,
Пропорции исполнен дивной,
В веках прославленный Давид.

Мы прикоснулись к теплой плоти
Твоих музеев и церквей
И вечной искренней заботе
К делам ушедших сыновей.

Времен былых сюжеты, лица,
Полотна старых мастеров,
Благословенный зал Уффици —
Вам не найти достойных слов.

Шумит Флоренция толпою,
Многоязычен гомон групп...
Свиданье краткое с тобою:
Лимит часов предельно скуп.

В дороге, к морю уходящей,
Близ лигурийских берегов
Нас Пиза ждет с наклонной башней,
Что простояла пять веков.

22 ноября 1999 г.

Рим

Дорога в Рим — от славной башни,
Что принялся весь мир спасать...
Там вдоль морей луга и пашни
И виадуков стройных стать.

По холмам рощицы оливы,
Кудрявой пинии пески,
Сестры российской горделивой,
Несут прозрачные лески.

Наш милый гид — о нас в заботе:
Нашла уютный пляж, и мы
Омыли в южном море плоти,
Такие бледные с зимы.

Шоссе, мосты, колонки — мимо...
Слегка укачивает нас...
А гид ведет неутомимо
О Вечном городе рассказ.

Я благодарен ей — впервые
Все стало в строгий, стройный ряд:
Из глубины веков — живые —
Рабы и консулы стоят.

Да, демократия с рабами
И покоренный Древний мир...
Ведь были люди перед нами
И грандиозный жизни пир!

Шоссе ушло в холмы от моря.
Предместья Рима пронеслись.
И мы, с поговоркой не споря,
В столицу древнюю влились.

За долгий век ее обжили:
Машины, люди, теснота.
Да, латиняне тут блажили...
Какие вещи места!

Отель шикарный, ужин с кьянти.
Но по деньгам — мы не горим:
Ведь не сезон. Меняем платье.
Ночной осматриваем Рим.

Сбылось — добрались к центру мира:
Забит спящею толпой...
(Не справлюсь я: бессильна лира,
Не водит слабою рукой...)

Нам гид святой по Божьей воле
Достался промыслом его.
Спокойной, мудрой, милой Оле
Для нас не жалко ничего.

Холмы святые и фонтаны,
Размах центральных площадей,
Землетрясений древних раны,
Гигантский контур — Колизей.

Одно проявлено подсветкой,
Другое скрыто в темноте...
Волчица-мать вскормила деток,
И заложили город те.

Он знал пожары и разруху,
Он правил миром, был в плену...
Язычник внял Святому Духу
И приютил Его страну.

Спешим толпой средь темных зданий
К кумиру фильмов и молвы,
К фонтану сказки и свиданий
На перекрестке — де Треви.

Опять бесчисленные вспышки.
Летят монеты без конца.
Тут все — девчонки и мальчишки,
Нет равнодушного лица.

Здесь не один трудился гений,
Объятый творческим огнем...

Устали. Полны впечатлений.
В душе волнение и подъем.

И снова день. И снова ходим...
С Капитолийского холма
Глазами древний Рим обводим,
Где были храмы и дома,

Где красовались знати виллы...
Под Аркой — Аппиевый путь,
Теперь — развалины, могилы.
И в этом времени вся суть:

Смело безжалостной рукою,
Но — не без помощи людей,
Лишив достойного покоя
И величавый Колизей...

Когда-то в нем кипели страсти.
(Еще неведом был футбол!)
Рабов бросали зверям в пасти,
И обагрялся кровью пол.

Нет, наши зрелища гуманней...
Но кровь болельщиков кипит:
И бьет болельщик Коля Ваню,
И бьет британца Сэма Смит.

Рим бесконечен в трех пространствах:
Не охватить, не обойти
За двое суток наших странствий
Его музеи и пути.

И все же мы спешим и тщимся
Везде поспеть, все посмотреть.
Пешком, в автобусе кружимся
Сквозь толчею и улиц сеть.

Вот Пантеон, заговоренный,
Он пережил стихий удар.
Однако, Папой разоренный,
Петру фронтон отдал свой в дар.

Мне Рим — театр Микеланджело...
Десятки лет его труда,
Неутомимый дух и тело
И память мира — навсегда.

Тут Моисей, там Храм и Пьета,
И купол царственный Петра.
Капелла Сикста — чудо света —
Убранство папского двора.

Дворцы и лестницы, надгробья...
Все через муки и вражду,
Интриги пап и преподобья,
При жизни славу и нужду.

Еще любовь воспел в сонетах.
Любил Флоренцию свою,
Рожденный ею и согретый,
Он защищал ее в бою.

В кафе на площади Навона
Мы сели дух перевести.
Гарсон не вынес денег звона
И нас пытался провести...

Спешим, собравшись всей компаньей,
К одной из красочных затей:
Фонтану площади Испанья —
Святому месту всех гостей.

И снова в путь. Теряем силы —
Едва осилили подъем.
С холма открылся вид красивый
На Рим безбрежный ясным днем.

Короткий отдых. Вечер скоро.
И ужин мнится кой-кому...
Бредем от Пьяццы дель Пополо
К Капитолийскому холму.

Опять в компании потеря —
Нам беспокойства дух знаком...
Что заблудилися — не верим:
Должны добраться — с языком.

Уже темно. По Риму кружим.
Устали за день. Вот отель.
Теперь вина немного, ужин,
А дальше — отдых, душ, постель.

Наутро снова мы в движеньи.
Автобус — наш летучий стан.

За Рим последнее сражение:
Штурмуем ныне Ватикан.

Сначала рекогносцировка:
Мы смотрим с площади Петра.
Но жаль, фасад закрыт: обновка
Идет под куполом Шатра.

Но стены взяты — мы пробились...
Толпа густая, давка, гул.
И вдруг в саду мы очутились,
Минуя строгий караул.

Нас местный гид взял под опеку...
Дворцы, музеи. Лаокоон.
Образчик древний человеку:
Античный мрамор — Аполлон.

А дальше стансы Рафаэля —
Красавца, баловня судьбы...
Портрет сидящего Микеля
На фоне греческой толпы.

И вот Сикстинская капелла.
Без Микеланджело — сарай...
Рука великая воспела
Этапы жизни, ад и рай.

Присели. Смотрим восхищенно
На вдохновенный труд творца:
Не заурядная икона,
А кисть философа, борца.

Финал — Великий Храм Христовый.
Не ожидал в его стенах,
Смотря от площади-подковы,
Найти гармонию, размах...

Он грандиозен, но не давит.
Он светел, ясен, величав.
Петра и Бога разом славит
В искусством сказанных речах.

Я — атеист. В житейской драме
Я не ищу святую нить.
Но я готов в Великом Храме
Колена молча преклонить...

Кому? Чему? Наверяд ли Богу...
Я просто полон добрых чувств:
К великолепному чертогу
И — собирателю искусств...

Сан-Марино

Опять идут предместья Рима
И древний тот водопровод,
«Сработанный весомо, грубо, зримо»
Еще в до новой эры год.

Холмы, долины. Близко горы.
Когда-то тут селилась знать...
Плела интриги, заговоры...
Шла легионов римских рать.

Велись роскошные охоты:
Со всей Европы били птиц,
Валивших валом в дни пролета
От зим губительных границ.

А вот «Белок» — великий камень
Или Гран-Сассо, в нем туннель,
И десять верст лишь фары пламень
В граните освещает щель.

Тут под скалой километровой
Нейтрино Солнца весть дают
О странной смеси двухволновой,
В которой якобы живут.

И снова в легкой дымке море.
Ждет лета, детских голосов
И яхт, плывущих на просторе
В сияньи белых парусов.

Вдоль побережья — сплошь курорты
И небольшие городки.
По устьям рек — рыбацьи порты,
И редко в море — рыбаки.

Под вечер Римини минули
(Откуда родом Рафаэль)
И в Бона Виста повернули,
Где нам заказан был отель.

У моря... Пляж через дорогу,
Лагуна с буной из камней.

Тут всюду так: порядок строгий
И — безопасно для детей.

Резвимся: смелый лезет в воду.
Снимаем море, пляжный вид.
Тут летом в жаркую погоду
Жизнь отдыхающих кипит.

Веселый ужин опечален:
Пропали деньги у людей.
Пошуровал среди наших спален
Какой-то подленький злодей.

Испорчен вечер. Даже танцы
Наш не улучшили настрой.
Плясали лихо итальянцы
Под звуки музыки простой.

Но, чтоб исправить положение
Всех пострадавших от воров,
Наш гид собрала вспоможение,
Что каждый выдать был готов.

Наутро — склады-магазины.
Пылает взор, живее речь...
Скупаем полки и витрины:
На что сумели уберечь.

В далекой дымке видно Гору...
Когда-то сам Наполеон
Прошел, не ввязываясь в ссору:
Уважил так свободу он.

А на Горе давно и чинно,
В достатке, мире пять веков
Живет от старца Сан-Марино —
Страна веселых пастухов.

На пике — замок. Ниже — шопы,
Набиты всякой ерундой,
Что любят гости из Европы
Тащить из странствия домой.

Автобус круто лезет в гору,
Порой захватывает дух.
Просторный вид открылся взору,
И гда речь ласкает слух.

Стоянка: скопище гигантов...
Со всей Европы шофера
Железных ставят элевантов
В порядке тесном — мастера!

А рядом винный шоп: штурмуем!
Толпимся, пробуем, шумим.
На лиры скудные шикуюм:
Конец пути — конец и им.

Освободившись от валюты,
Уже свободно, без забот
Берем туристские маршруты:
Осмотр, действительно, красот.

Вот плац с гвардейцем на прицеле.
Снимаем дам, дворец, музей.
Разговорившись с офицером,
Находим общих с ним друзей!

Мир тесен... Улочки тут круты.
Кафе, витрины, кругозор.
Летят последние минуты...
И все вокруг ласкает взор.

Прощай, свободная частица
И вся прекрасная земля...
Автобус наш на север мчится,
Сады мелькают и поля,

И рощи саженцев осины,
Что через много, много лет
Свои питомники покинут,
Ложась Венеции в скелет...

Долина По, Триест и горы —
Уже Словении холмы.
Дорога въет свои узоры,
К ночлегу двигаемся мы.

За полночь стали вдруг: сломались!
Коньяк и виски нам несут —
Наш дух поднять, чтоб не боялись.
Так фирмы свой престиж блюдут.

Но вот и новый бас подали.
В отеле — завтрак, не постой.

Слегка потрепаны — не спали.
И снова в путь — нагнать простой.

Последний шопинг: маркет в Буде
(Откуда деньги, не пойму!).
Коль повезет, то в Чопе будем!
И сядем в поезд на Москву.

Прощай, Италия, Европа!
Мы долго будем вспоминать
Минуты нашего «галопа»,
Твою ухоженную статью,

Твои роскошные витрины,
Твои музеи и дворцы...
Спешим туда, тебя покинув,
Где подарили жизнь отцы...

В страну ученых и героев,
В страну воров и дураков,
Где власти заняты разбоем,
Что повелось от веков.

Где жить еще мы не умеем,
Где то воюем, то сидим,
В своем покое скудном млеем,
А давят соки — не кричим.

Россия наша! Ты привольна,
Богата недрами, землей...
Но как порой бывает больно
При возвращении домой...

Декабрь 1999 – январь 2000 г.

НИТЬ

Если все мне уже «все равно»,
То зачем я тяну эту нить?
Не цепляюсь за жизнь я давно —
Просто близких мне жаль огорчить.

Иссякает волнующий жар,
Что меня согревает в пути.
Жизнь любить — восхитительный дар,
Что нельзя ни купить, ни найти...

Я ввязался в крутой оборот,
Думал — новые силы придут:
Снова радость труда и забот,
И свобода от немощи пут.

Но одних не достаточно сил,
Чтоб тащить по земле свою плоть...
Душу, видно, свою износил —
Превратил в обветшалую шмоть.

4 сентября 2000 г.

ЮБИЛЕИ

Да, наши годы скоротечны...
Минули молодости дни.
Мы были счастливы, беспечны...
Казались вечными они.

Но вот и сорок. Не сдаемся.
На все еще хватает сил:
В семье, в науке, в жизни бьемся,
Растим детей и — колесим.

Вдруг пятьдесят! Не ожидали!
Плавней движенья: юбилей...
Уже не так нам ясны дали
За горизонтами полей...

Вот шестьдесят. Потери, раны.
Заботы с взрослыми детьми...
По РВУ мы ветераны
И жизни стеганы плетьюми.

А семь десятков — нам подарок,
Коль при уме и на ногах.
Уже не факел, а огарок,
Река в болотных берегах.

Август 2000 г.

ОЛЕ, ИСПАНИЯ! ОЛЕ!
Испания-2000 (мельком)

1

Оле, Испания! Оле!
Прими мои слова приветов:
Я знал тебя тогда, в огне,
Почти с другого края света...

Я помню вечер и костер,
Евпаторийский санаторий:
Поет детей испанских хор,
И тихо рядом плещет море...

И через 10 лет момент:
Другая памятная встреча —
Альбино Ариас, студент
Из тех детей в тот южный вечер.

Делили вместе мы харчи
В общаге Авиамоторной...
Слова испанские учил —
Был любопытным и упорным.

Мечтал в Испанию попасть —
В твое далекое Овьедо.
А вам — домой, чтоб не пропасть...
И я потом уже приеду.

Но время разлучило нас.
Не долго я учил испанский...
И жив ли ты уже сейчас,
Когда мне выпал шанс для странствий?

Оле, Испания! Оле!
Промчались годы. В жизни — вечер.
Я на твоей стою земле.
Чего я жду от этой встречи?

С толпою праздною ходить,
Внимать заученным рассказам?
Порядок всюду находить...
Так день за днем и раз за разом.

Опять смотреть, опять вникать:
Рядить эпохи, стиль, народы...
Опять лишь только брать и брать —
И у людей, и у природы!

Зачем теперь все это мне?
Уйдут со мной воспоминанья.
И воплотятся лишь во сне
Мои заветные желанья...

Банальный старческий туризм.
Доход расчетливым испанцам —
За то, что радость нам дарят,
Заезжим русским, иностранцам.

Так в этом — невеликий прок:
Страна лишь долго будет сниться...
И, может быть, что пара строк
В моих тетрадах сохранится.

Оле, Испания! Оле!
Сухие горы Арагона...
Но скрыты соки в их земле —
И виноградники на склонах!

И бесконечные ряды
Олив стоят до горизонта,
Плывут навстречу нам сады —
Шеренги сомкнутого фронта.

Ни капли влаги на земле:
Сухие русла и долины?
Остатки замков на скале?
Быка рекламы исполины.

Ландшафт холмов, олив и лоз?
Обилен неодушевленно:
Не слышен смех, не видно слез —
Сиеста тут, определенно.

Оле, Испания! Оле!
Но где же люди? Кто тут пашет?
Везде порядок на земле,
Но пустота: ни стад, ни пташек.

Как можно все это взрастить?
Посеять, сжать, переработать?
Зовут рабочих погостить,
Решают так свои заботы.

Да только в этом вижу риск:
Ведь расплодятся сарадины

И свой уже предъявят иск
Христовым братьям-капуцинам.

Вдали мелькают городки —
Сплошные белые постройки.
Вблизи ни пруда, ни реки,
Лишь рестораны для попойки.

Но что за прелесть города!
Тут старина в соседстве с новью:
Южан открытая среда —
Весельем пышет и любовью.

Да, города тут концентрат
Сухих, возвышенных просторов,
Где бродит сладкий виноград
И темперамент матадоров.

2

Испанцы строить — молодцы!
Со вкусом, выдумкой — на диво,
Жилье, фонтаны и дворцы —
Все совершенно и красиво.

Как я завидую творцам —
Их щедрой и умелой длани,
Их монументам и дворцам
И откровениям дерзаний!

О храмах я не говорю:
Они вписали часть в мечети,
Создали готику свою —
Пожалуй, лучшую на свете:

Тут нет давящей высоты
И строгой узости Европы.
Попав вовнутрь, раскован ты,
И восхищенья рвутся строфы.

Оле, Испания! Оле!
Ты любишь памятники ставить,
Язык твой — третий на земле...
Тебе есть что любить и славить!

Изгой своей земли Колумб
Нашел в тебе мечты опору
И проложил свой верный румб,
Дав Свету Старому просторы.

Но был забыт и обнищал.
Не хоронить в земле испанской
Свой прах потомкам завещал
Сей командор американский.

Покочевав, несчастный прах
Стоит теперь в севильском храме:
Земле не предан — на столпах...
Финал достойный бурной драме.

«От Севильи до Гренады,
В тихом сумраке ночей»?
Нет, не слышны серенады,
Нет, не слышен звон мечей...

Присмирели, может, нравы?
Охладило время пыл?
Но, скорее, мы не правы:
Я ведь ночью не бродил!

Разве можно углубиться
И понять за восемь дней,
Что там истинно творится
Средь дворцов и площадей?

3

Да, Альгамбра и Гранада
Лягут в памяти моей
Образцом людского взгляда
На моменты прошлых дней:

Не в преданиях, не в сказке,
А живые, «на ходу»,
Словно дети в нежной ласке,
Все творенья на виду!

Но вот испанское Приморье.
Отели, порты, пальмы, пляж...
Вдали остались нагорья:
Иной настрой, другой пейзаж.

На променаде в Аликанте
Шумит курортная толпа.
Жаль, что прибыли на закате —
Пока отель, еда пока...

Но все ж прошлись. Уже не людно:
Сейчас в отелях жизнь кипит.
Стоит в порту у пирса судно.
Мы тут втроем, а Галя спит.

Бросок дневной на Барселону
Вдоль по приморской полосе.
Сечем совсем другую зону:
Богаче жизнь вокруг шоссе.

За Барселоной зелень тучна,
В горах леса, нет пустырей.
Природы жизнь бодра и звучна:
Что значит близость Пиреней!

Последний вечер. Мы на пляже.
Средиземноморская вода.
Два раза в море лезем даже.
И пляжных кадров череда...

Оле, Испания! Оле!
Концерт в отеле — группа танца,
Чечетку бьет под кастаньет
Шестерка страстная испанцев.

А Барселона — чудо-град:
Средиземноморская столица,
Архитектуры дивный сад...
Сегодня праздник — веселится.

Толпа, концерты, балаган.
Мы бродим, колесим, снимаем.
И храм Гауди — великан —
Смущенным взглядом обнимаем...

4

Его фантазий кружева
Одели готику сухую,
Его скульптуры и дома
Ни с чем сравнить я не рискую...

В порту Колумб встречает вас,
На Запад свой уставив палец,
Где от Испании сейчас
Колена новые поднялись.

Оле, Испания! Оле!
Ты дышишь миром и покоем,

Живя опять при короле...
И я увиделся с тобою!

Мы снова в небе. Грустно. Ночь.
Я шлю привет земле, народу...
И я уже назад не прочь,
Свою используя свободу!

Всех благ земных твоей земле!
Оле, Испания! Оле!

Октябрь 2000 г.

ЛЮДИ

Людей бесчисленны породы...
Но я хочу отметить две —
По отношению к невзгодам,
К своим проблемам и судьбе.

Одни во всем виновных ищут,
Им все всегда мешают жить.
Любой сюжет дает им пищу
Понять, кого-то обвинить...

В самих себе изъян не видят,
Собой довольны и горды.
Другого с легкостью обидят,
Раздув скандал из ерунды...

Иной же тип в своих проблемах
Всегда найдет свою вину:
Ему не нужен некий демон,
Что вечно рвет его струну.

Такой поддержит и поможет,
Сумеет выход сам найти.
Себя обидами не гложет...
Он — добрый спутник на пути.

30 декабря 2000 г.

ВОЯЖ В АМЕРИКУ

Не верилось долго, но все же летим,
Получены визы, билеты.
Мы даже здоровы... Всего же пути —
Лишь четверть окружности Света.

А кажется, больше: Земля велика —
Европа, Атлантика, Штаты...
Но путь через полюс пустила рука:
Тут Чкалов пробился когда-то.

Летим высоко, над ковром облаков,
В огромном, холодном просторе...
Я с кем-то поспорил: понять нелегко,
Что тундра под нами иль море?

В сгустившейся ночи на севере свет —
Как зарево в легком тумане...
Там нет городов — и приходит ответ:
Мы в зоне полярных сияний.

Но в тягостной дреме затих самолет,
И не с кем об этом поспорить...
Тяжелый, тягучий ночной перелет
В безбрежном и темном просторе.

Мы режем пространство и время сечем:
Уже устремились к югу,
Где день пробивается слабым лучом
Сквозь серую сумерек вьюгу.

Под нами Канада в безмолвии льда
Раскинулась — необозрима...
Ее укрывает сухая вода
Всю злую холодную зиму.

И снова внизу лишь одни облака.
Ныржаем вслепую к Сиэтлу.
Ведет невидимка — радара рука
Огромную нашу ракету.

Аквариум зала. Снаружи борты
Взлетают в безбрежие спейса...
Полиция ищет Востока черты
Средь лиц, ожидающих рейса.

Осталось недолго — лишь пара часов.
Нас ждут во Сан-Франциско ребята...

Неведомый край — среди гор и лесов,
И к морю открытые врата.

И вот мелькнул залив и море,
Идем над россыпью жилья,
Пройдя хребет или предгорье...
Удар касания — земля.

Узнать нам эту землю надо:
Здесь наши дети как живут?
(Я был мельком: Нью-Йорк–Канада.)
Теперь проводим отпуск тут.

Попали в лето из России,
Причем России в декабре,
Где вещи теплые носили,
Где снег и слякоть на дворе.

А тут во всей красе природа:
Все зеленеет и цветет.
И лишь береза время года,
Как и в России, признает.

Она как будто бы случайно —
В своей осенней желтизне —
Зашла на Юг, смущаясь тайно,
Что так не кстати — вся в огне...

Как описать мне месяц этот
В кругу заботливых детей,
В земле другого края Света,
Других привычек и страстей?!

Нам близки тут размах, пространство...
Просторы леса и земли,
Где три недели наших странствий
На восхищении прошли.

Да, поселенцы в алчном раже,
Чтоб земли новые найти,
Шли через степи, через кряжи,
Тесня индейцев на пути.

И развернулись нынче Штаты,
Разрезав целый материк,
На землях теплых и богатых...
Так Новый Старый Свет возник.

Собрал он беженцев отважных,
Лихих, свободных, полных сил.

Рабов привез из тропик влажных...
И новый этнос замесил:

Страну раскованного духа,
Страну рискованных идей,
Страну дельцов, чья совесть глуха,
Собрав в себя весь мир затей

И гениальных самоучек,
Их ныне знает мир в лицо,
Науки гениев могучих...
И мафиозных подлецов.

Живет, вбирая соки мира —
От нефти, фруктов до умов...
И всей планеты правит пиром,
Ее ресурс перемолов.

Да, есть тут новая закваска:
Во всем кипучий динамизм,
Финансов мира перетряска,
Ну и циничный реализм.

Пирог взошел роскошный, пышный,
Богата сказочно страна...
Нажмет: кусок подарят лишний —
Так миром властвует она...

А что внутри? Теперь заглянем.
Об этом разный толк идет...
Одних она богатством манит.
Другим отрады не дает.

Одни спешат включиться смело
В ее живую суету,
Найти себя, заняться делом
И воплотить свою мечту.

Другим суетность эта претит:
Убого нация живет —
Зеленый доллар ей лишь светит,
Весь интерес — один доход.

Но разве месяца нам хватит,
Чтоб все понять и оценить:
На что она богатство тратит
И в чем ее живая нить?

И нас катают вкруг залива
По Силиконовой земле...

Здесь благодатно и красиво,
И солнце греет в декабре.

Тут Лондон жил у океана,
Писал о Севере, бродил.
Немало юнг и капитанов
Из Сан-Франциско проводил...

Когда-то порт был знаменитым:
Из разных стран несла вода
К причалам гавани закрытой
Добром набитые суда.

Сейчас он пуст. Одни лишь яхты,
Музея — прошлого — суда...
Несут суда экскурсий вахту,
Зайдет торговец иногда.

Таится база тут подлодок,
Вдали есть танкерный причал,
Да Алькатрас почти у входа
На вечный якорь в бухте встал...

Мосты гигантские ажурно
Соединили берега,
По ним всегда несется бурно
Автомобильная река.

Ее поток, как кровью в теле,
Собой питает жизнь страны —
Людьми и прочим нужным в деле.
И жизни страсти в нем видны...

И в непрерывной карусели
Кружатся в воздухе борты.
И мы, бездельники, тут сели
И влились в русло суеты.

Внизу у Фриско гордо, важно
Растут высотные дома,
А дальше — все одноэтажно,
От силы в три, а чаще — в два.

А по долине и тем боле
Коттеджи, виллы и сады
Расположились на воле —
Дешевле, дальше от беды:

Ведь тут трясет, да и нередко.
И прост строителей секрет:

Каркас — конструкций легких клетка,
По ним — обшив и марафет.

Отдел под камень — все удобно.
И обязательный камин.
Цветы и зелень бесподобны.
Не раз завидовали мы

Садам у домиков нехитрых,
Где апельсины и хурма,
Цветы немыслимой палитры,
А ведь по времени зима!

Да, в благодати и просторе
Живет в долине пришлый люд.
Тут горы есть, залив и море,
Раздолье есть, есть и уют.

Но все названья — по-испански.
Завоевали край, но чтут
Уклад столетий мексиканских
И новых прозвищ не дают.

Тут в мягкой южной благодати
Зимуют утки, кулики,
Лысуха, старый мой приятель,
В горах заняла озерки.

Бывает, где-то и стреляют:
С залива выстрелы слышны...
Но каждый свой участок знает:
Спокойны птицы до весны.

В горах олени, пумы, рыси.
Тут уйма белок всех пород.
Орлы оглядывают с выси,
Что им сегодня Бог пошлет.

И, словно в сказке великаны,
В горах секвойные леса!
Тысячелетий ветераны
Собой являют чудеса...

В восторге полном мы ходили
Среди немыслимых стволов.
Для этой сказки — сказки-были
Мне не найти достойных слов.

И рядом мир другой — Пацифик —
Бескрайний, шумный океан

Неумолимо гложет рифы
И треплет пляжи, хулиган...

На скалах — птичье базары,
Тюленьи лежбища... Киты
Вдали пускают струи пара,
Мелькают спины и хвосты.

В укромных бухточках каланы
На спинах, вплавь, грызут обед...
Дежурят группами бакланы,
Что весь обжить сумели Свет.

На кручах берега, в долинах
Поместья, виллы и дворцы...
Там, мира суетность отринув,
Живут богатые дельцы.

И шум прибоя неумолчный,
И океана вечный вид
Гипнозом вас питает мощным
И притяжение таит...

Вообще, Великая дорога —
Трансокеанское шоссе —
Расскажет и покажет много
Вам о приморской полосе.

От мыса Горн и до Аляски
Почти пятнадцать тысяч верст —
Вам всех широт предъявит краски
Соединяющий их мост.

За триста миль, что мы узнали:
От мыса Сюр до форта Росс —
Размах пути, его детали
Нам тур неспешный преподнес.

Богата сказочно природа,
Благословенная земля —
В руках активного народа
Питают Мир твои поля.

И обделенные народы
Живую дань несут тебе —
За бодрый дух и за свободу,
На долю лучшую в судьбе...

Что я могу сказать сегодня,
Увидев мало и мельком
За малый срок предновогодний,
Сюда приехав стариком?

Сказал давнишний мой приятель —
Иначе надо жизнь начать:
Лет пять на странствия потратить,
Чтоб мир подлунный изучать.

Узнав его и выбрав место
И дело — явно по душе,
Осесть, где будет интересно,
И сделать жизнь не по клише.

Кому-то это удается:
Страна свободная, доход...
Душа гулять по миру рвется —
Матросом сел на пароход.

Места и люди, Юг и Север,
Тайга, пустыни, острова...
Покочевал, себя проверил,
Чтоб жить — пощупал Мир сперва...

Но много всяческих заклятий
На этом правильном пути:
И пенсион в конце нам платят,
И трудно с мест родных сойти.

У многих жизни на исходе —
Растет гнетущая тоска
По тем местам, где в детстве бродим,
Где корни врыты на века.

Что это — признак неудачи?
Ошибка в месте и труде?
И у родных могил заплачет,
Придя на родину к себе...

Но Мир бурлит, народ кочует:
Совсем другие времена...
И что кочевники почуют,
И будет их манить страна,

Где родились и где учились,
Где ощутили, что сильны...

Где все и всё переменялось
И их услуги не нужны...

Дай Бог вам счастья и удачи
Врасти в прекрасную страну...
Ну а родители поплачут,
Что вас в Россию не вернуть!

Ноябрь 2000 – июль 2001 г.

НИНЕ

Еще один прибавлен год.
Две трети мы прожили вместе.
Прошли Застой, Переворот...
Но нам Застой был интересней.

Мы были молоды тогда.
Детей растили и трудились.
Живые, бодрые всегда,
В края прекрасные носились...

И был под каждым нам кустом —
В своей стране — и стол, и дом.

Теперь рассыпалась Страна,
Народ ограблен и обманут,
И полог Лжи, как пелена,
Над нами надолго растянут.

Сыны не вынесли развал
И на чужбине ищут счастье.
И край иной им милым стал —
Когда на родине ненастье...

Легка их младость на подъем:
Чужой язык, иные нравы
Их юным душам — нипочем...
Пусть будут счастливы и правы!

А наш удел — терпеть, тянуть,
В науке нищенской копать...
На огороде спину гнуть —
Чтоб меньше думать и терзаться.

Бывают праздники у нас:
Поездки к детям, их визиты...

В грибном лесу счастливый час,
Плоды земли, трудом добыты.

Пусть бережет Судьба тебя,
И дни твои не омрачатся!
Любя друг друга и щадя,
По жизни этой нам — домчаться...

29 апреля 2001 г.

ЗАРЯ ВОСТОКА

На Востоке желтая заря
Незаметно силу набирает,
И светило новое, горя,
Свой восход над Миром ожидает.

Тлел огонь в светиле сто веков,
Но недавно ярко разгорелся,
Путы сжег мистических оков,
Желто-красным пламенем зарделся.

Не взошло... Но мощь его видна:
Мир теплом неслышно заполняет.
Пропечет его оно до дна
И непоправимо поменяет.

Вялый Запад все еще силен:
Мир своим достатком будоражит...
Но Восток уже берет разгон
И свое он непременно скажет.

Есть отсрочка: сложен сам Восток.
Трудно ему слиться воедино...
Лотос и Бенгалии цветок
Не волнуют сердце сарацина.

Но Восток уже давно разбух:
Тесны ему собственные земли...
Тихо, убаюкивая слух,
Побрело по свету его племя.

Ждет культуру Запада обвал:
Мир обьяв и женщину возвысив,
Он иссяк, инстинкты потерял
И свои возможности превысил.

И каков итог? Коктейль, увы,
Станет перспективой неизбежной...
А пропорций доли таковы:
Весь Восток... и чуть Европы нежной.
Что несет с собой такой исход?
Не нашлись средь нас бы только лица,
Мир готовые пустить в расход —
Ради Веры и других амбиций.
23 января 2001 г.

СТРОКИ

Я снова жму по каплям строки,
Пытаясь что-то написать...
Был против я такой мороки,
Да тянет, черт возьми, опять!
4 июля 2003 г.

Что нас ведет по жизни? Страсть!
Еще — инстинкт боязни смерти...
И в бездне Вечности пропасть,
Увы, печально мне, поверьте.
Июнь 2000 г.

В своей гордыне превосходства
Над предками далеких дней
Мы не улавливаем сходства —
И мним, что много их умней...
Но дали мира — без границы,
А глубина его — без дна...
Потомков улыбнутся лица,
Коль вспомнят наши имена.
Февраль 1999 г.

ДОРОГОЙ НИНЕ

Пишу сейчас не к круглой дате,
Ведь надо многое успеть:
Вся жизнь — борьба, а мы — солдаты,
Пока в строю — обязан петь!

Огромный год стоит за нами.
Печально начали весной:
Болезнь, безжалостное пламя
И урна матери родной...

Но жизнь не терпит остановки.
Ударный по теплу апрель...
И неожиданно путевки:
Сечем Европы параллель.

Неугомонная Европа!
Во всем опережает нас:
И на границах нету «стопа»,
И очень обжитой пейзаж...

Но до Берлина все известно,
А дальше — ты там не бывал:
Антверпен в праздник — шумный, тесный —
И буйный водный карнавал...

Брюссель мелькнул, но мы у Писса!
Паром в Кале, «Канал» — и вот
Тот Альбион, который снился,
Обрывом белым встал из вод.

Ах, Лондон! Сколько мы читали...
И все, признаться, — негатив...
А ты прекрасен — мы узнали,
Твои просторы посетив.

Обратный путь. Три дня с Вадюшей:
Париж, Версаль и тишь Орсе —
Совсем смягчились наши души,
И отвели печали все.

Жарища. Тягостное лето:
Мы без грибов и без воды.
Земля сухая перегрета
И дарит скудные плоды.

А тут наследство и квартира:
Сплетенье тягостных забот...
И ты одна — сыны по миру,
А непричастный муж не в счет.

И бесконечные бумаги,
И на пределе силы дух...

Лишь материнская отвага
Ведет тебя средь этих мук.

Сомненья, страхи (и давление)...
Совсем измотана... Но вот
Долгожданное решенье
И дела нужный поворот.

Финал. Свободна и довольна:
Все у детей и где-то там...
От этих мук уже ты вольна,
И Вадик едет в гости к нам.

Зима же — с придурью, как лето:
Мороз без снега в ноябре,
Замерзли корнеплоды где-то
В холодной яме во дворе...

Весна — и новая забота:
Вадиму сделать паспорта...
Опять бумаги и хлопоты,
Звонки, поездки — суета.

Но все проходит. Вышли в поле.
В колодце новом есть вода!
Рыхлим, сажаем — мы на воле...
Да жаль, вернулись холода.

Закончен год. Нелегкий самый.
Тебе досталось, как всегда:
Заботы дочери и мамы
На фоне тяжелого труда:

В борьбе с ленивым аспирантом,
Статьи, доклады и пучки...
И недовольство новым «крантом»,
Да и давления скачки...

Тебе бы чуть поменьше нервов,
И к сердцу все не близко брать,
В работе быть, как прежде, первой...
И на участке процветать...

29 апреля 2003 г.

ДОРОГАЯ АЛЛА!

Подружила нас природа
И нехитрая возня
На участках-огородах,
Где мы начали от пня.

Где сейчас заметны грядки
И бытовочки-дворцы,
Где под пленкою в достатке
Вызревают огурцы.

Где роятся корнеплоды...
Где приличные грибы
От оставшейся природы
Вылезают из травы.

Ваш задор и смех веселый
Оживляет всех вокруг...
И стремятся новоселы
К пирогам из Ваших рук.

На отшибе, на участках
В нашей тихой стороне
Пусть застолья будут часты —
Ясным днем и при луне.

Запорожца укротила,
Лихо носитесь в садах...
В Вас бурлит живая сила,
Жизнелюбия размах.

Юбилей совсем не горький:
Вы в расцвете, как земля!
Ведь всего-то две пятерки,
Между нами говоря.

Поздравляем, обнимаем,
Пусть Вас радует семья!
И всегда готовы в мае
За здоровье пить друзья!

21 мая 2001 г.

В. Б. ФЛЯГИНУ

Полсотни лет — Дубне, Науке и Искусству!
Какая верность! И какая благодать:
Души богатством, искренностью чувства
Тебе дано, Володя, обладать...

Я вспомнил молодость твою
И наши общие походы...
И мы еще с тобой в строю,
Одoleвая наши годы.

И даже более того —
С годами руки «наторели»
И укрепилось мастерство:
Твои прекрасны акварели!

С картин, рисунков смотрит мир,
Такой нам близкий и любимый...
Его душой впитали мы,
А не прошли спокойно мимо.

Пусть будет много лет пути:
Картины, музыка, частицы...
И радость в них тебе найти!
И нам к ней — тоже приобщиться.

6 июня 2001 г.

ИНЕРЦИЯ

Я живу на инерции
Всех доставшихся лет,
И науки-коммерции
Мне не радостен свет.

Все идеи и стимулы
Как-то вдруг отошли.
Не мечтаю о прибыли —
Отдаю лишь долги.

Увядают желания,
Не трепещет душа.
Не томят ожидания —
Их пора отошла...

И ведь грустно: безвременно,
Ведь еще-то живешь

И сознания бременем
Это все сознаешь.

Лучше в силе и радости,
Полноценная жизнь,
Ты без старческой слабости
Как-то вдруг оборвись...

10 ноября 2001 г.

МЕЧТАТЕЛИ

О чем мы думаем в пути,
Когда не заняты дорогой?
Когда не тяжкий труд вести?
Когда других забот немного?

Тогда всплывает наша Суть:
Души сокрытые порывы,
Загадки Жизни, просто муть —
Богатым стать или красивым.

Один плетет интриги нить —
Отмстить грызущую обиду;
Другому сладко соблазнить
Ту, недоступную по виду...

Младенцу грезится игра;
Девнице — принц, герой из сказки;
Парнишку мучает пора,
Когда нужней нет женской ласки...

Мы все обучены мечтать.
Но смысл мечты широк и разен:
Один героем хочет стать,
Другой в мечтах жесток и грязен.

Мать — вся в заботах о семье,
И прежде детях, меньше — прочих,
И, забывая о себе,
О них в мечтах своих хлопочет.

Опасна праздность для одних:
Плодит злодейство и пороки,
Другим дает бессмертный стих —
Слепцом написанные строки.

Но часть натур поглощена
Природы вечною загадкой,
Лишь пробуждаясь ото сна,
Встают на путь, отнюдь не гладкий:

В чем связь и суть вещей видна,
Как Мир возник и Кто им правит?
И Кем Свобода нам дана?
И прав ли тот, кто Бога славит?

Кто наши предки? И когда
Возникла Жизнь? Творец — Природа?
Иль ждать нам Страшного суда
После греховного исхода?

Один в полуночной степи,
Другой в принявшей ночь пустыне,
Когда Земля, весь зной испив,
Затихнет и слегка остынет.

На звездном небе, среди светил
Найдут скитальцев сиротливых,
Что по вине небесных сил
Меж звезд гуляют прихотливо...

Кто ими правит? Знак какой
Их положение являет?
Как это связано с Судьбой
Тех, кто под ними обитает?

Мы знаем гениев Земли,
Кто, озадачившись загадкой,
Ее решение нашли,
Пройдя свой путь мучений сладких.

Но сколько их в дали веков
Явилось и ушло бесследно,
Вкусив не славы, а оков —
За путь, усиленный победно!

От в огне заостренной палки
До микроскопа и ракет —
Умом, вниманием, смекалкой
Мечтатель свой оставил След...

Август 2000 г.

МНЕ 70 ЛЕТ

Есть что сравнить, осмыслить Время,
Себя спокойно оценить.

Прикинуть: нынешнее племя
Куда пойдет? Как будет жить?

Для пессимизма есть основа,
Готовы даже побрюзжать —
Сия позиция не нова:
Не с нас пошла, не нам кончать.

И тут лишь только два канала:
Отдаться страсти и идти,
Коль жизнь совсем не доконала
И страсть сумели обрести.

Иль просто радоваться жизни,
Ее вкушая, как вино,
Тогда добром почтут на тризне.
Иного вроде не дано.

Я благодарен юбилеям:
Друзей собрать есть повод вновь.
Но «жертву» не кропить елеем,
А вспомнить дружбу и любовь!

4 августа 2000 г.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

Илье Пригожину

Мы сидим на Времени Стреле,
Безвозвратно удаляясь от бывшего.
Плыли в прошлом мы на корабле,
Где не видно берега другого.

Но Стрела-корабль паруса
Заменила мощною машиной
И всплыла на крыльях в небеса,
Твердь и гладь спокойную покинув.

Все быстрее наш полет в Стреле:
Реактивные взрели сопла...
Атом крошится в урановом котле,
И испуга мы не слышим вопля!

Всем и все расскажет Интернет.
Все продаст: взрывчатку, бомбу, яды —
Дилер, разворотливый агент,
Или генералы-казнокрады.

Да, Стрела нарушила покой,
Негу и владычества Востока.
Оскорбленный, злобною рукой
Мстит Стреле он Времени жестоко.

Усидим? Собьют ли на пути?
Или сдуют Ветры Перемены?
Но Стреле по Времени идти...
В странной и загадочной Вселенной.

И еще. Такое может быть:
Вдруг мы — острие Стрелы летящей —
Призваны Дорогу осветить
Разумом своим всевосходящим?!

24 августа 2000 г.

СКОВАННЫЕ СТРАСТИ

Страшны скованные страсти!
То, что порох, то, что яд.
Их всегда боятся власти
Пуще вражеской напасти...
И заботливо хранят:

За стенами, за замками,
За колючей городьбой,
Чтоб не встретились с нами,
Не прошлись, как цунами,
Все смывая за собой.

Страсти! Сколько вас на свете?
Вы прекрасны и страшны...
Вы почти невинны в детях —
Там в заботах и конфетах,
Где пороки не слышны.

Но уже в бесчинствах юных,
Видя вас, хватается дрожь:
Как с жестокостью безумных
В кутежах и драках шумных
Вы хватаетесь за нож.

Страсть — униженная прихоть,
Только зреет под замком.
Не найдя разумный выход,
Будет глеть и злобно пыхать,
Ждать свободы за звонком.

Страсти зрелые — опасны,
Если в зло обращены.
Изворотливы и властны,
Растлевают мир прекрасный,
Сеют боль и зло войны.

Страсти зла — всегда живучи,
Хитрость зверя в них живет.
Жертву зло и долго мучат,
Ненавидеть себя учат...
Но не скоро зреет плод.

Сотворив беду, разруху,
Растлевая и губя,
Вопреки Святому Духу,
Ставя ширму-показуху,
Губит злая страсть себя.

Страсть прекрасная — спокойна,
Не обидит, не возьмет.
Цель преследует достойно,
Редко выпренна и знойна...
Только медленно идет.

Дарит людям свет и разум,
Красоту и доброту...
Но нельзя прийти к ним разом...
Доброта страдает сглазом...
И не всем достичь мечту.

21 февраля 2003 г.

РУБЕЖ

Рубеж веков, тысячелетий,
Куда теперь перебравшись,
Суровой истиной отмечен:
Мир обретает глобализм...

Он проявил себя повсюду:
В науке, связях и в войне,

В болезнях, всплывших ниоткуда,
И в интернетовском окне.

В нем видно поле для прогресса —
Его невиданный размах...
Но и опасности — от беса,
Что породил вражду и страх.

Сумеем Разумом и Волей
Надежный миру дать прицел —
Иль ждет нас кровь и ужас боли,
И черный мира передел?

1 января 2001 г.

ФЕВРАЛЬ

Памяти Б. А. Кулакова

Изрядно занят, устаю,
Кручусь я в бочаге текущей жизни,
Как в изнурительном бою:
То за компьютером, а то на тризне...

Уходят сверстники, друзья,
Сраженные болезнями и стрессом.
И сделать ничего нельзя:
Ресурс раздавлен жизни прессом.

Что мирит с жизнью? Труд, полет
Фантазии и творческие планы...
Без них душа немеет, не живет,
А вспоминает свои раны.

Полета — нет. Ни планов, ни мечты...
Стихи не пишутся, а значит, нет отрады.
В какой-то пошлой яме ты,
Внутри невидимой ограды...

Не нужно жить без страсти и мечты —
Бессмысленно такое прозябанье,
Когда уже не радуют цветы
И не тревожат кровь желанья...

Вчера помянут был солдат —
Фактически мой сверстник и коллега.
Он жесток был при жизни и не свят,
Но умер, как в бою, упав на поле снега...

27 февраля 2002 г.

МУЖСКАЯ ЛЮБОВЬ

Если мужчина влюблен
Искренне, глубоко,
Бережен с женщиной он,
Мысли его высоко.

Нет в них любовных утех,
Грубых физических ласк:
Милый ему человек —
Дух поклоненья и власть.

Счастлив, в ком чары любви
Жизнь и в семье сохранит:
Богом отмечены Вы,
Чистый источник открыт.

Чтобы награду Вам дать,
Вашей открытой душе,
Льет он на Вас благодать,
Нет ее выше уже...

27-30 ноября 2002 г.

НА РУСИ ПОДНИМАЮТСЯ ХРАМЫ

На Руси поднимаются храмы
И развалины-церкви встают.
Пережив многолетнюю драму,
К Вере вновь обращается люд...

Что их к Вере влечет, что тревожит?
Неприкаянность в жизни иль страх,
Что с грехами в могилу положат
И покоя не будет в веках?

В чем религии древние корни?
Страх пред миром жестоким? Вопрос:
Кем он создан? Кто правит? Покорны,
Люди верой прониклись — Колосс!

Хорошо бы к нему прислониться...
А потом согрешить иль украсть,
После — страстно в грехе повиниться,
На колени с молитвой упасть.

Видно, в нашей натуре собачьей
Неизбывна к хозяину страсть:

Ласка, плетка — не можем иначе —
Нам мила абсолютная власть.

В нас таится желание Чуда,
Даже в тех, кто от Веры далек...
Как возникло оно и откуда?
Мне, признаться, пока невдомек.

Вряд ли Вера его породила...
А скорее всего — «чудеса»,
Что природа нам вечно дарила
С той поры, когда жили в лесах:

Это молнии, радуги, громы,
Краски зорь, ясным утром роса...
Это все, что еще незнакомо
И поэтому нам — «чудеса».

Совпадений случайных знаменье,
Бури рев и покоя краса,
Ужас тьмы при светила затменьи,
Сполох в небе — опять «чудеса».

И мы молим у Колосса чуда:
Чтоб избавил от горя, нужды,
Чтобы сгинул мерзавец Иуда,
Чтоб поля окропили дожди...

Говорят, что случались чуда,
Что бывали явленья святых,
Возникала еда ниоткуда,
Мертвецы обращались в живых...

Эти верят, а те — ни в какую!
Все отцы, вся церковная рать
О явленьи Христовом толкуют:
Мол, как чудо должны принимать.

Но по-разному скроены души:
Эти верят, другим — не понять.
Этих Вера глубокая сушит,
Тем — проверить бы все и узнать!

Но и в Вере разрозненны люди:
Уважают лишь Веру свою,
Иноверцев не чтут и не любят,
Дочек замуж с трудом выдают...

Вера — это не только догматы:
Но обычаи, жизни уклад,
Что со временем сделались святы,
И жрецы на их страже стоят.

Люди в пустыни ходят и скиты,
Молят здравия, лучшей судьбы,
В освященных купелях омыты,
Исцеления ждут от воды...

Набирают канистры, бутылки
Для больных, дорогих им людей.
Верят в сказки, а может, и были
Всей наивной натурой своей.

На Руси поднимаются храмы,
Из развалин церквушки встают...
Несмотря на тяжелую травму,
К Вере вновь обращается люд.

Эта Вера у многих не тверда.
Часть прельщает церковный обряд.
«Мы венчались», — не тайно, а гордо
Молодые уже говорят.

Я — безбожник по духу, наверно...
Но развалины храмов — позор:
Разрушений тотальная скверна —
Это с Верой не тот разговор.

Вряд ли многого Вера добьется:
На Руси недоверчив народ...
Но кто хочет, пусть ей предается:
Молит Колосса, схиму дает.

Несмотря на успехи науки,
Объяснения разных чудес,
Будут люди, воздевшие руки,
Ждать спасения только с Небес.

13-19 августа 2002 г.

НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ ТОЛЬКО ДЛЯ СЕБЯ

Нельзя жить только для себя:
На нас не может мир кончаться...
Не должно, лишь себя любя,
«Звездой» сгоревшею промчатся!

Но может в этом быть и смысл:
Когда бесценный дар Природы
Нам гений даст, возвысит мысль —
И ей одарим мы народы...

Но если смертный ты простой,
То труд и дети — лепта наша...
Бездетной жизнью и пустой,
Увы, скудеет жизни чаша.

Большой соблазн — вся наша жизнь.
И взять у ней спешим что можно...
Бери с умом — не ошибись:
Что благо истинно, что ложно.

Имеет каждый свой настрой:
На жизнь и годы — как их тратить.
А случай вовсе не простой:
Ведь он из общей суммы платит!

Стихом, я знаю, не пронять
Того, кто к слову равнодушен...
Но кто-то сможет и понять —
И жизнь свою построить лучше.

23 декабря 2002 г.

ПАМЯТИ АННЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ

И вот совсем осиротели.
Нет больше старшего у нас...
Как годы быстро пролетели!
И наш уже недолог час.

Сыны любимые — далеко:
Одни свою стезю торят...
А дни бездушно и жестоко
Приносят горечи утрат.

Родня разбросана по свету:
Не соберешь в тяжелый час,
Чтоб дух сочувствия, совета
Согрел своим участием нас.

Хотя заботы и вниманье
Нужны, скорее, старикам,
И их причуды и желанья
Порою досаждают нам...

Но мир без стариков не полон:
Они как будто бы собой
Смягчают бой бегущих волон,
Весь жизни бешеный прибой.

Без них мы сами стали к краю
Крутой границы бытия,
Где время, вечностью зияя,
Живет, грядущее тая...

Инстинкт здоровый жизни вечной
Стирает горечи потерь...
И он подарит миг беспечный
И в светлый день откроет дверь.

Но близость края ощущая,
Мы будем чувствовать всегда,
Как дни, в заботах убегая,
И нас с собой влекут Туда...

27 марта 2002 г.

ПОРТ ШЕСТИ МОРЕЙ

Лишь только став «научоградом»,
Уже не тихая Дубна
Собралась порт построить рядом:
Ей слава Гамбурга видна...

Как заблуждались люди долго,
Наивно веря, что покой,
Леса и глушь, Дубна и Волга —
Возникнет творческий настрой!

Ну что тут тихая наука!
Вот автострада, порт, шантан,
Бордели, шум, брожение духа...
И деньги сыпятся в карман.

Дубну разроем и расширим,
Чтоб был для барж свободный рейд.
И город станет первым в мире —
Как порт уже шести морей!

И к нам потянутся составы...
Гремит, шумит ночами порт,
Шоссе смердит своей отравой...
А город был — почти курорт!

Ученым будет уж нескучно —
К чему покой и тишина?
Гудки и лязг — весомо, звучно —
Дойдут до каждого окна.

Они пробудят мысль, идеи
И стойкий творческий порыв...
Без сна, усилий не жалея,
Наука двинется в прорыв!

Частицы, силы, трансураны
И уравнений череда!
Пускай не платят денег страны,
Шоссе и порт — дадут всегда!

Хотя — кому? Вот тут не ясно...
Ведь землю — точно продадут
(Совет решит единогласно!).
Тогда при чем тут Институт?

А вроде он стоял на старте:
Дал месту имя и престиж.
И знает мир, где он на карте!
(Хотя, конечно, не Париж...)

Но нам, ученым, безразлично:
Без денег жили и живем...
Профессора покажут лично,
Что значит творческий подъем!

Зато бурлит вода и город,
И «шум на улице слышней»...
Но «холодок бежит за ворот»:
Дубна моя! Но что же с ней?

Отцам-радетелям — спасибо:
Подсуетились — и в струю!
Какой проект, какая глыба!
Ну развернулись! Ну дают!

15 сентября 2002 г.

Мы часто слышим: «творчество мое»,
Как правило, от самых серых «мэтров».
Так величают ремесло свое —
От виршей до плохих проектов...

Нет «творческих» профессий на земле!
Есть творческие личности: в культуре,
В цеху, в науке, средь полей —
Успех приходит к творческой натуре.

14 декабря 2002 г.

Бессонница, мой спутник зрелых лет!
Ты давишь на меня привязанностью липкой...
С тобой встречаю я рассвет
Отнюдь не с радостной улыбкой.

19 декабря 2002 г.

К 60-ЛЕТИЮ ДИТМАРА ЭБЕРТА

От дубненских друзей

Поздравляем, но не верим:
Неужели в этот час
Ты открыл тугие двери
И в седьмой ворвался класс?

Ты для нас — уж четверть века —
Молод, строен и красив,
Не зазнался от успехов,
Власть и почести вкусив!

И с Гизелой неразлучен.
Ваша верная любовь
Принесла подарок лучший:
Сын Андрюша — ваша кровь.

Посетив друзей далеких,
Даришь нам тепло и свет
Словом мудрым и высоким
В пору дружеских бесед.

Друг наш верный, друг сердечный!
Пусть здоровье и успех
Будут с Вами, будут вечно
И порадуют нас всех!

Поздравляем, обнимаем!
Приезжайте поскорей.
Мы «обмоем», обещаем,
Вместе славный юбилей!

8 июня 2002 г.

ВЕЛИК НАШ В ТЕХНИКЕ ПРОГРЕСС, А В ЖИЗНИ — ЗЛО, ЕЙ ПРАВИТ БЕС...

Мы сказку стали делать былью:
Летаем... Космос бороздим...
На «Наутилусах» проплыли
Под океаном мировым...

Похоже, что мечты фантастов
Все чаще в жизнь находят путь:
Умы земные ищут страстно
Вселенной и Живого суть...

Но по-иному — в мире Духа,
Где утописты строят путь,
Чтоб социальную разруху
На пользу общества свернуть...

С тех пор, как стали мы нагие
И жить закончили в лесах,
Идеи общества благие
В земной юдоли терпят крах.

В чем смысл такого расхожденья?
Преуспеваем в чудесах —
Великих техники твореньях,
Но — дики так же, как в лесах!

Нас страсти всякие терзают,
В нас неизбывна зверя суть...
Но только страстные дерзают
И открывают миру путь!

21 февраля 2003 г.

ЧТИВО

Иногда, усталый и разбитый,
Я ныряю с ходу в детектив,
Чтобы день был полностью забытым,
А сюжет сознание захватил.

Так уходишь от обид и свары,
Гнусности и подлости людей —
Безнаказных новых «кашеваров»,
Их цинизма и лихих затей.

Но не часто детективы дарят
Больше, чем надуманный сюжет...
Мистикой от слабоумья шпарят,
И читать уже охоты нет.
И тогда опять берусь за книги —
Черпать знания, будоражить мысль,
Подмечать в бурлящем мире сдвиги,
Что ведут нас в пропасть или ввысь...
Но, увы, последних очень мало,
Кто узрит земного рая блажь...
Жизнь полна же черного начала:
Видно, в штопор мир сорвется наш.
8 июля 2003 г.

ЧУДЕСА

Всегда алхимик верил в чудо —
И в старину, и в наши дни...
Ловчил, хитрил, «крапил» посуду —
Так золото делали они.
Другой же просто заблуждался —
И честно, искренне искал.
И если опыт не удался,
То продолжал или бросал.
Сродни алхимикам спириты,
Чей в сфере духа интерес:
Их души чудесам открыты,
Им голос слышится с Небес.
Бессмертна к чуду тяга эта:
В ней и халява, и мечта —
К лицу фантасту и поэту,
Но подоплека в ней пуста.
Рождает чудо мысль и поиск,
Ища в реальности пути,
Когда Природа нам, откроясь,
Готова дар преподнести:
Бесценный дар добытых знаний,
И воплощения чудес —

Как плод упорства и дерзаний,
Как к сути Мира интерес.

И то не пена темной смуты,
Так падкой к лжи и чудесам,
С надеждой все познать в минуты,
Взывая с воплем к небесам...

К мирам таинственным, незримым,
Таящим знания в себе
О временах необозримых
И каждой сущей в них судьбе.

И кто-то мнит: воззвав, получит,
Не напрягаясь, не трудясь,
Как дар судьбы, счастливый случай —
Ему дарованную связь.

И ныне бродит повсеместно
Лихая жажда к чудесам:
Презрев, что зримо и известно,
Вот напрягусь — открою сам.

И бьются лбами одержимо:
С молвою, с верою слепой,
С надеждой чудо сделать зримо —
Себе на славу и покой.

13 апреля 2003 г.

ГРАБЕЖ

На каждом горизонте власти
Идет неслыханный грабеж.
Нас Горбачев привел к напасти,
От коей скоро не уйдешь.

25 марта 2003 г.

НЕИЗБЕЖНОЕ

Альтернатива нас смущает,
А неизвестность нас страшит:
Душа в смятенье пребывает,
С решением медлит иль спешит...

Вот выбор сделан, жребий брошен,
Пускай не лучший, но один.
Сомненья страх уже отброшен —
Теперь себе ты — господин.

И силой ты готов собраться,
Ты мыслишь только, как начать:
Готов дерзать, готов сражаться
И неизбежное встречать.

29 июня 2003 г.

«МОРЯК В СЕДЛЕ»

(Ирвинг Стоун «Джек Лондон»)

Какой огромный человек:
Талант — творить, любить и верить.
Но сорок лет отпущен век —
Чтоб все узнать, сказать, проверить...

Всю жизнь горел: в труде, в борьбе.
Науку грыз — не спал ночами.
И дерзкий вызов слал судьбе
Своим бесстрашием, речами...

Скопив поденщиной гроши,
Мальчишкой сам построил яхту...
Отрадой было для души
Нести в Заливе бурном вахту.

Прошел Аляску и моря,
В товарняках бомжом бродяжил.
И это было все не зря:
Бесценный опыт парень нажил.

Изведав жизни самый низ,
Осмыслив Энгельса и Маркса,
Поверил он в социализм
И вере предан оставался.

Он рано понял свой талант,
Свой дар писателя, провидца,
Что скрыт в нем истинный гигант,
Который должен проявиться...

Романтик пылкий, деловой,
Любил людей, им слишком верил...
Страстями жил — не головой,
А люди часто — те же звери.

Ему платили за эссе,
За сорок книг, статьи, рассказы...
Купил ранчо, провел шоссе —
И он хотел все это сразу...

Имел открытый дом и стол,
Был весел, щедр, сорил деньгами.
Любой к нему писал и шел...
Ссужал, кормил... И жил долгами.

Безумна жизни полнота —
Порой на грани авантюры...
Сгубила Джека широта
Его недюжинной натуры.

30 марта 2003 г.

НЕ СПЕШУ

Не спешу завершить я дела свои,
Все стихи найти и, быть может, издать,
Снимки прежних лет, там, где предки мои,
Наконец в альбом для детей собрать.

Не спешу, а зря: барахлит «мотор»,
Подзагнал его, и велик износ...
Правда, был уже один перебор,
Но на сколько хватит — открытый вопрос.

Стал ленив — все читаю всякую чушь,
Чтоб отвлечься и глупость свою забыть,
Исчерпал себя как «ученый муж»,
Ну а совесть моя продолжает ныть.

Без отдачи влачишь ты бесценные дни,
Им не будет повтора уже никогда.
Где ты жил — не останутся даже пни,
И уйдет твое Я — без следа навсегда.

23 февраля 2003 г.

ПРЕЕМНИК

Вполне приемлемые речи:
По смыслу, дикции, словам...
Не то что пьяный бред предтечи,
Всегда хмельная голова.

Но так же грабят олигархи
Народ несчастный и страну...
А он, видать, такой же марки.
Иль просто он у них в плену,

Людей без совести и чести,
Готовых выкачать до дна,
Чем мы всегда владели вместе:
Народ великий и страна.

Обманом подлым и коварным
Прельстив партийных вожаков,
Переродившихся, бездарных,
Державших нас за дураков,

Они страну перевернули
Под визг воров и подлецов:
С размахом дегтем мазанули
Дела живых и их отцов...

По горло сытые застоєм,
Да, мы хотели перемен —
Не грабежа и не разбоя,
Не подлый ваучер взамен.

Страну раздели, рвут и давят.
У нас не власть, а лиходеи —
Миллиардеры цены ставят,
Качая деньги из людей...

А он на вид разумный, честный —
Слегка журит их за разбой,
Бориса ставленник безвестный...
Боится их иль сам такой?

Ведь мы поверили вначале:
Похоже, Ельцин повернул
И дал того, кого мы ждали
И кто готов спасти страну.

Не так он прост, партбосс-иуда.
Он слово взял: даю — служи,
И жди — насытятся покуда,
И вольнодумством не блажи!

Похоже, служит. Не народу,
Что ждал, уверовав в него,
Но олигархам, вора́м, сброду —
Друзьям предтечи своего.

9 апреля 2003 г.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Мы говорим: «шестое чувство»,
Когда неведомым путем
В обход «научного искусства»
Вдруг «свыше» что-то узнаем.

Мы ощущаем вдруг опасность,
Мы видим ближнего в беде,
Открылась в темном деле ясность,
И знаем все в чужой судьбе.

Ревниво косится наука,
Подобный дар не признает:
Все нарушает эта штука,
Идет законов всех в обход.

Но факты давят — не укрыться...
Пытались век не замечать
И в хиромантии не рыться,
Поставив «домыслы» печать.

А факты прут: кого-то лечат,
По фото ищут мертвецов,
О «Курска» гибели лепечет
Болгарка Ванга — из слепцов.

И много прочей телепати,
Телекинеза и чудес —
Назло ученой нашей брати,
Собою гордой до небес!

Плюются, злятся, презирают...
Но кто подвергся — чешет лоб
И экстрасенсов подбирает,
Поставить строгий опыт чтоб.

И вот, представьте, результаты:
Да, есть такой шестой канал,
Через который телепаты
Передают посыл-сигнал...

И стрелки крутятся магнита,
И пресекают ход луча,
Темнеет пленка, что закрыта,
И тают тромбы без врача...

Непостижимо, невозможно,
Простите, — чушь и колдовство...

Все ненаучно, вредно, ложно
И нарушает естество!

Но чушь уже давно созрела,
А новых в мире нет идей.
Должны понять и бросить в дело —
Для пользы страждущих людей!

Но тут вопрос встает извечный:
Внедряем лихо мы всегда,
Не озаботившись беспечно —
В том пользы больше иль вреда?

22 апреля 2003 г.

КАК ДЕЛАЮТСЯ СТИХИ

Опять нагнал себе давление:
Проснулся от дурацких снов.
Опять душевное томленье
И поиск рифм и точных слов.

«Моряк в седле» — бродяга-гений,
Романтик моря и снегов —
Причина нынешних мучений
Над строем ритма и слогов...

Какая жизнь! Какие страсти!
Какой гигантский человек!
Безумный труд, успех, напасти...
И сорок лет всего лишь век.

Стихи звучат, они прекрасны,
Когда в них музыка и страсть,
Когда возвышенны и ясны
И в душу просятся запасть...

Кому дано такое счастье —
Писать свободно и легко?
Слагать и в ведро, и в ненастье,
Не зная муки от стихов?

Увы, но мука эта сладка...
В такой себе не отказать,
Такой, что ночью, днем — украдкой,
Начав, — не в силах не писать.

26 марта 2003 г.

ВЕСНА

Я жду грачей: начался март.
Я жду гонцов — горластых, шумных:
Они Весны отметят старт —
Поры любви и грез безумных...

Поры предчувствий и надежд,
Поры Природы обновленья,
Со свежей зеленью одежд
И вод веселого движенья.

О, сколько весен я встречал
За век, склонившийся к закату,
Приметы жадно отмечал
И ждал гонцов ее пернатых.

Сейчас, запутавшись в сетях
Проблем, работы и здоровья,
Я в помещениях зачах
И не брожу, любясь новью,

Что каждый день несет Весна,
Свои даруя нам приметы,
Будя Природу ото сна
И предвещая праздник Лета.

13–14 марта 2003 г.

ПУСТОТА

Я как-то опустел —
Очистилась душа
От мыслей, что хотел
Додумать не спеша,

От чувств и от страстей,
Смущающих покой,
От всяческих затей —
Все сняло как рукой...

Иль время говорит
Свой строгий приговор,
Иль смерть друзей творит
В душе такой разор...

А может, просто дождь
И серый небосвод

В душе смиряют дрожь
Волнующих забот?

И, может, будет день,
Весь светло-голубой,
И он прогонит тень,
Прикрывшую собой

Остатки пылких чувств
И мыслей новизну,
И я забуду грусть
И жизни крутизну.

И снова стану петь
Душой — людей и мир,
И многого хотеть
Успеть за жизни пир...

17 мая 2003 г.

МАЛЬЧИШКИ

Вспоминаю мальчишек-друзей...
Небеспечные школьные годы
И Арсеньевский старый музей —
Славный дом приамурской природы.

И мне кажется, нету милей
Одноклашек хабаровской школы,
Моей юности добрых друзей,
Жить мне грустно сейчас без которых.

Как мне их не хватает сейчас!
Где друзья мои — школьные братья?
Все ли живы, здоровы в сей час?
Если б смог их увидеть, обнять я...

Раскидала нас жизнь по стране,
По российским углам и просторам.
Я живу в подмосковной Дубне,
Уж полвека исполнится скоро...

Но не выбрался я в этот срок
Навестить дорогие мне дали,
Мое детство, мой Дальний Восток,
Те края, что меня воспитали.

Я мечтаю в оставшийся срок
На Амуре опять оказаться,
Средь лугов заливных и протоков,
Где по осень любили скитаться.
Говорят, что печален возврат
В дом, где прожил счастливо и вольно:
Сбросил цвет твоей юности сад,
И тебе одиноко и больно.
Но извечная тяга влечет
Все равно тем местам поклониться,
И друзей, если мне повезет,
Увидать незнакомые лица...
4 января 2003 г.

ЖИЗНЬ И МИР

Стремимся Мир познать мы страстно —
Через ошибки, поиск, труд...
Загадки... Время и Пространство —
И годы вечности уйдут,
Чтоб приобщиться к этой тайне,
К ее бездонной глубине...
Но в нетерпении гадаем
О Боге где-то в Вышине,
Что создал все и все предвидел...
Да вот не сходятся концы:
И нашу жизнь, увы, мы видим
Не как внушали нам отцы:
Весьма жестокой, лживой, алчной,
Где Вера тормозит Прогресс!
Где все находки и удачи
Всегда ей шли в противовес.
Но где разгадка этой тайны?
Уже ведь чудо, что Он есть!
И мы, живущие случайно,
Несем в себе об этом весть!
Нам, наделенным «здравым смыслом»,
Во всем мерещится Резон
И не дают покоя мысли:
Ну и зачем же создан Он?

Такой безбрежный, непонятный...
Кем он задуман, сотворен?
Получим ли ответ мы внятный,
Иль недоступен смертным он?

И все же мы живем в процессе
Познания сущности его...
Наш век — мгновенье в этой пьесе,
И не дано узнать всего.

А жаль уйти в своем незнании,
Оставив Мир в его пути,
С его высоким притязаньем
Ответы главные найти!

Он ищет их — в возне суетной,
В борьбе за славу и любовь,
В попытках, часто безответных,
Дающих редко знаний новь.

Но гениальная догадка,
Быть может, нам раскроет суть...
С мечтой о ней, живой и сладкой,
Спокойней будет мне уснуть...

9 мая 2003 г.

ДОРОГОЙ КОЛЯ!

Отмечаем светлой датой
Юбилей шестидесятый:
Силы есть и к жизни вкус,
Пьем вино — не дуем в ус...

Женский взгляд нам шлет «привет»,
И никто не скажет «дед».
Мы полны идей и планов,
Навещаем басурманов,

Роем землю, крутим руль,
Жен не держим за «бабуль»:
Тоже молоды и свежи,
Но, увы, целуем реже...

Дети выросли, ну что же,
Помогают и тревожат...
И семьей из года в год
Жизнь все катится вперед.

Можно жить, и сносно даже,
И еще никто не скажет:
Мол, пора и отдохнуть...
Так держи свой, Коля, путь:

В уважении, в заботе —
Дома, в поле, на работе...
Пьем за здоровье твое:
Все друзья и мы вдвоем!

9 января 2004 г.

ОСТАТОК

Разум не делит Природу без остатка.

В. Брюсов

Не делит без остатка ум Природу.
В нем каждый свой угадывает смысл:
Всем предоставлена свобода —
И гложет дроби наша мысль...

Что там, в таинственном остатке?
Он, уменьшаясь с каждым днем,
Таит ли вечные загадки?
Иль мы его к нулю сведем?

Но ноль недостижим. В нем вглубь и вширь
Зияет бездна мироздания...
Как и зачем был создан этот Мир —
Неразрешимая загадка для сознания!

5 декабря 2004 г.

ДОРОГОЙ НИНЕ ЮБИЛЕЙ — 65

Нам прибавляются года,
Но мы идем по жизни рядом,
Как будто было так всегда,
И видим Мир одним мы взглядом...

Ты мысль, бывает, изречешь —
Я удивляюсь совпаденью:
Похоже, ты во мне прочтешь
Ее точь-в-точь — на удивленье.

Мы стали медленней ходить,
У нас похожие болячки,
И нас не просто пробудить
Весной от вялой зимней спячки.

Однако мы еще в строю:
Пыхтим, воюем на работе...
И мы не мыслим жизнь свою
И не в труде, и не в заботе.

Нам перелеты нипочем:
Летаем в Штаты к Мише в гости
И по Европе мы трясем
Свои уже больные кости.

Но, невзирая на года,
Давай держись, моя подруга!
Давай и дальше, как всегда,
Побережем с тобой друг друга.

29 апреля 2004 г.

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

Сейчас минуло 200 лет,
Как свет увидел юный гений,
Мыслитель зрелый и поэт,
Прозаик — наших дней — творений.

Как рано он душой созрел,
Познав придворный дух и нравы!
Мятежным выбрал свой удел
Во имя Родины — не славы.

Он первым истину сказал
О Бородинском поле брани,
Он «Смерть поэта» написал...
И был в изгнание отправлен.

О нем писал Белинский, Чехов,
Поняв бессмертного творца...
Но не нашлось тогда поэта
Воспеть великий дух борца.

Любил он Родину красиво:
Без умилений и похвал.
И первый подвиги России
Ее народу он отдал!

Его вся лирика печальна:
Подруг измены и друзей...
Но слог и рифма изначально
Гласят: родился корифей.

Любовь и смелость гражданина
В основе творчества его...
И дать убить такого сына —
Позор Отечества всего!

«Белеет парус одинокий»
И «туч небесных» череда,
Безумства, поиск в них жестокий,
Изгнание — горькая беда.

В стихах нет царственных имен,
Вельмож и громких генералов.
В России был народ силен
И честь ему принадлежала!

И все при скудости земли
И крепостного ига «праве»,
Где пальмы хвойные росли
И без суда была расправа.

Любил Кавказа жемчуг яркий,
Потоки в каменных щелях.
Но ни трофеи, ни подарки
Он не держал в своих руках.

Был образован уникально,
Умом и чувствами созрел:
На языках Европы дальней
В 17 лет читал и пел.

Был русским и любил Москву —
Не градпетровскую столицу...
И «степь лазурная» ему
В стихах и снах, случалось, снится.

Но мало должного у нас
Ему в России воздается.
Пусть лучший памятник сейчас
Над полем Битвы вознесется!

18 июня 2014 г.

ЛЮДЕ И МИШЕ КУЛЮКИНЫМ В ДЕНЬ ЗОЛОТОГО ЮБИЛЕЯ

Юбилей, юбилей,
Даты круглые летят...
Через светлые аллеи
Вы вступили в пятьдесят —

Лет совместной жизни дружной
Среди внуков и детей...
И теперь отметить нужно
Золотой ваш юбилей!

Вспомнить молодость, начало,
Нашу тихую Дубну,
Где сама судьба венчала
Вас как мужа и жену.

Встречи, дружбу, свадьбу вашу,
Что сплела на много лет
Всю семью младую нашу
В замечательный букет...

Люда — скромная девица —
Заявила, что «жена
Буду Мише я в столице,
Где и свадьба быть должна».

Плюс каприз, святой и ясный,
Был заявлен в этот день:
«Чтобы был букет прекрасный —
Снежно-белая сирень!»

Тостам мы не знали счету...
Ночь гуляли напролет:
В понедельник на работу
Должен был попасть народ!

Ведь суровым было время:
И в субботу до шести
Всей науки нашей бремя
Были мы должны нести!

Все мы сжились и сдружились
За каких-то года два...
И у вас за стол садилась
Вся бездомная братва.

Мудро, собственным примером,
С одобрением молвы,
Добротой и дружбой верной
Сыновей растили вы.

Дом ваш добрым стал приютом
Для знакомых и друзей,
С хлебосольством и уютом —
Так в течение жизни всей.

Вам — здоровья, внукам — счастья,
Детям — мудрости и сил.
Пусть минуют всех несчастья,
Что гуляют по Руси...

Вы счастливо вместе жили
В этой жизни непростой —
И бриллианты заслужили,
А не только золотой!

Мы, друзья с хорошим стажем,
Видим: всем — гостям, сынам —
Неуютно, прямо скажем:
Горько, горько, горько нам!

Февраль 2005 г.

ДОРОГОЙ НИНЕ

Каждый год идет подарком
От таинственной судьбы.
А когда-то летом жарким
Познакомились мы...

Из твоих двоих шестерок
Сорок пять уже вдвоем,
Золотой рубеж уж скоро...
Даст Бог, может, доживем.

Наша жизнь — в труде и детях:
Труд насущен, дети — нет,
Но звонками нас приветят,
В гости тянут — спору нет.

Впрочем, ты всегда в заботе:
Чем болячки их лечить,
Все ли ладно на работе,
Как наследство облегчить...

Знали мы иные годы:
Жили дружною семьей,
Летом ездили в походы
(Аж до Ахтубы самой).

А теперь морочат хвори:
Сердце, ноги и глаза.
С медициной мы не в ссоре,
Лишь поправиться нельзя.

И роптать, поди, не вправе:
Многим менее дано.
Мы покой еще не славим:
Пашем землю, пьем вино...

Нам на жизнь негоже злиться,
Хоть изменчива она.
Пусть же век еще наш длится:
Будем пить его до дна.

Что отпущено — то наше,
Мы чужого не возьмем.
Ты ж с годами — только краше
В понимании моем!

Говорю не в угожденье —
Не с руки уже хитрить.
Поздравляю с днем рожденья,
И давай подольше жить!

29 апреля 2005 г.

НАУКА

Наука все поймет и сможет:
Власть над природой принесет,
Наш скудный разум приумножит...
Но от безумца не спасет!

Чем Мир сложнее, тем уязвимей:
В нем сразу множество путей,
Что не пройдут, смущаясь, мимо
Маньяки множества мастей.

Не в «безобидном» интернете
Нашкодят лазерным лучом:
Они рванут по всей планете
Огнем и атомным мечом.

Чем Мир сложнее, тем уязвимей:
Его огромный механизм,
Дав сбой в раскрученной машине,
Потянет все мгновенно вниз...

К свечам, буржуйкам, огородам —
Что кормит, может обогреть...
И малоразвитым народам
Там больше шансов уцелеть.

5 сентября 2005 г.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Последний шанс тебе, Россия!
Проснись, очнись от забытья —
В тебе должна остаться сила
Спастись опять... Надеюсь я.

Твой путь — рывки и лихолетья.
И каждый раз бросок-застой
Шли чередою по столетьям
Судьбой твоею непростой.

Ты в общий мир рвалась Европы,
Но между Азией и ней
Легли твоих походов тропы
И жертв бесчисленных сыновей...

Ты, бросив дерзкий вызов Миру,
За двадцать лет труда и жертв
Скопив недюжинную силу,
Разбила в прах немецкий рейх.

Но эта страшная Победа
Ценой несслыханных потерь
Тебя преследует по следу,
А, битый насмерть, ожил зверь.

Нет! Не спасут тебя герои:
Они — владыки только миг,
А демократии устои...
Ты далека еще от них.

Где выход кроется? Откуда
Тебе устойчивость обрести?
Боюсь, надежда лишь на чудо,
К чему в тебе задатки есть.

Май-сентябрь 2005 г.

НАУКА И ВЕРА

Извечен в мире спор о Боге.
Его теснит успех наук.
И в неземном его чертоге
Тесно Ему и сонму слуг.

Возможно, знание «упрется»
В Него — Владыку и Отца...
Мир христианский улыбнется:
Наука вышла на Творца!

А нам, так долго утверждавшим,
Что не обязан мир Ему,
Сомненьем Веру унижавшим,
Склонить останется главу...

И мы склоним: наш Бог — Наука,
В нее мы верили всегда —
И тут она права... Но скука
Сидеть у Божьего гнезда:

Молить о милостях и благе...
Не добывать, а ждать ответ...
И места дерзостной отваге,
Увы, в том мире больше нет!
Ужели ждет нас участь эта?
И, по иронии судьбы,
Дерзнув познать всю сущность света,
Найдем: мы — жалкие рабы!

2 мая 2005 г.

ГУБЕРМАНУ

Почитав губермановы «гарики»,
Всей душой я сегодня жалею,
Что достались мне русские «шарики»,
А не россыпь алмазов еврея.

И скандалит в стихах он — не в баре,
Встав на путь, неизменно им следует:
Нет святого ни в Боге, ни в твари —
Он блестящий цинизм исповедует!

11 февраля 2006 г.

НЕТ ПОКОЯ

Уходят дни, недели, годы —
И все быстрее и быстрее:
Текут в песок — как будто воды...
И мы со старостью своей.

Да, нет покоя нам с годами,
И лишь растёт работы фронт:
То я со спектрами страдаю,
То ты ввязалась в ремонт.

И видим мы свои пределы,
Хотя ещё бунтует дух,
Но осаждаёт часто тело:
И вот запал души потух.

Пора бы нам уgomониться.
Но без накала жизнь скучна.
И пусть покой нам только снится —
Ведь на носу уже весна!

А там — парник, кусты и грядки,
Картошка, лук и прочий вздор:
Полезно, вроде как зарядка,
Но и опасен перебор.

Потом — Париж и шустрый Вадик,
И две недели бытия:
Коттедж, поездки, дворик-садик,
Где отвлечемся ты и я.

А дальше — снова одиноки.
Мишуля разве навестит...
Звонки и «мейловые» строки —
Жизнь такова, ты не грусти.

Ведь нам дано не так уж мало —
И этим надо дорожить!
И пусть сегодня ты устала —
Держись, и будем дальше жить.

Забыв про возраст и усталость,
И словно смолоду — дерзать!
Неважно, сколько там осталось, —
Нельзя скулить и духом пасть.

Пока живем — должны тянуться
И детям радостно смотреть...
Не опускаться и не гнуться —
И можно многое успеть.

Один лишь раз дано нам время —
На жизнь, на страсти и дела!
Пусть будет радость, а не бремя...
И старость светлой чтоб была!

14 апреля 2006 г.

РИФМЫ

Земная жизнь течет свободно —
Ее ведут тепло и свет.
И философствовать бесплодно,
Наверно, просто смысла нет.

2 марта 2006 г.

В любой стране, в любом народе
Мечта извечна — о свободе.
Дождались — вот ее светильник...
Но не в накладе — лишь насильник!

3 марта 2006 г.

Где есть обширные стада,
Им обеспечена беда.

Наивный труженик не крут,
Когда над ним не виснет кнут.

Счастливый в счастье не бдит,
Коль рядом не стоит бандит.

Беспечных всех потравит мор,
Когда отсутствует надзор.

Поэт и лирик перемрут,
Коль физик не создаст уют.

И лишь в борении страстей
Возможна жизнь планеты всей.

Есть беспредельная любовь —
Альтернатива ей — живая новь.

Мечтам беспочвенным венец:
В живой реальности — конец.

Чем проще отношений суть,
Тем дольше их реальный путь.

4 марта 2006 г.

ПТИЧИЙ ГРИПП

*Птичий грипп идет по свету —
Без помех и без границ,
И ему преграды нету —
В вольном небе диких птиц...*

Из СМИ

Боюсь за «динозавров» милых,
За украшение жизни — птиц...
Неужто век наш их могилой
Закончит гриппа жуткий блиц?

Откуда все эти напасти
Природа черпает и шлет?
За жизни пир, борьбу и страсти
Расплата нас и «меньших» ждет...

Наш мир в безумии размаха,
Глобально все перемешав,
Себе же сам готовит плаху,
Восторгом пиршества дыша.

Людей безумство — однобоко —
Природу бедную теснит,
За что последняя жестоко
Нам, неумным, отомстит.

И на навозе и развале
Возникнет новая среда,
Где место будет нам едва ли...
А жизнь свое возьмет всегда.

Ведь жизнь Земли — многообразна:
Теряя — где-то обретет,
И новых форм и видов разных
Приумножающийся счет!

2 марта 2006 г.

ГАРИКИ

Если тянется мысль как смола
Или ноет постылая «рана»,
Я бросаю любые дела
И читаю стихи Губермана.

Вся «квадрига» — лихой афоризм,
Неожиданный юмор сверкает,
И незлой, нарочитый цинизм
Эти строки обычно венчает.

13 февраля 2006 г.

ПЕЧАЛЬНАЯ ПОРА

Увы, печальная пора,
Когда желанья исчезают
И то, что жаждал ты вчера,
Тебя сегодня не прельщает.

Уходит к жизни интерес,
И все вокруг как будто вянет.
И Мир — загадок и чудес —
Тебя к себе все меньше манит.

Сил меньше к тяжкому труду...
Осталось, может, любопытство:
Читать, смотреть — не ерунду,
Но то, в чем знание таится...

Хотя, увы, чем шире круг
Того, что мы уже узнали,
Тем больше возникает вдруг
Вопросов к бесконечной дали:

Она идет и вглубь и вширь —
И непрерывное познание
Дробит и усложняет мир...
И есть ему ли оправданье?

В противоречии живем
Между покоем и движеньем...
Ну а в душе таим свое
Мы к одержимым уваженье:

За страсть, за жизни полноту,
За бескорыстие, отвагу:
Иметь и воплощать мечту
И своему быть верным флагу!

5 сентября 2006 г.

ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД

Полотняный Завод...
Много вод утечет
С той поры, когда сватался Пушкин...
Он не знал наперед,
Что тот дом и завод
Станут вехой в сознании русском.

Тут росла Натали,
Рядом ткани плели,
Отливали картон и бумагу.
И из Русской земли
В Лондон парус везли,
Там служил он английскому флагу.

А на речке — заплот,
Он питает завод
И пруды, что гирляндой за домом.
Да, хозяин богат,
В деле он тароват,
Его имя Европе знакомо.

Был однажды «кортёж»:
В окруженьи вельмож
Посетила именье царица.
Отдала этим дань —
За успехи и ткань,
Мол, заводом и делом гордится.

Дом богат, просвещен,
Но не модный салон:
Там серьезные, умные люди,
Книги, музыки звук,
Театральный досуг...
Жаль, при детях достаток убудет.

Был разрушенный дом
Над проточным прудом...
Но теперь возрожден, обустроен.
Тут жила Натали.
Мы по залам прошли:
Был ведь Пушкин влюблен, беспокоен...

С этой славой двойной:
Заведеньем, женой
Гениального сына России,

Смотрит ныне вперед
Полотняный Завод...
И не зря мы его посетили.
22 ноября 2002 г.
Дубна

ПАМЯТИ КОЛИ

Ты упал — словно лебедь из стаи.
Грянул выстрел судьбы роковой,
И мгновенно сиротами стали
Мы, оставшись в юдоли земной.

Не придешь больше с доброй улыбкой,
Не предложишь охотно помочь...
Оказалась жизнь очень зыбкой:
Ты ушел в непроглядную ночь...

Нету слез, но печаль бесконечна
В наших раненных роком сердцах...
Память светлая в них — безупречна,
С ней останемся мы до конца.
29 апреля 2006 г.

БЕЗ ЗАДЕЛА...

Не создав смолоду задела,
Мучительно ищу сейчас
Всепоглощающего дела,
Наполнить чтобы жизни час...

И не влачить убого старость,
Ждать неизбежного конца,
Не пасовать — на хворь, усталость —
С печалью «лишнего лица».

Пока живешь — борись и действуй:
Полно посильных нам задач.
Оставь позицию судейства,
По дням прошедшим стон и плач.

В них был размах, но и злодейство,
В них честность с подлостью жила...
И в каждом маленьком семействе
Тюрьма с Войною брешь дала...

Мы жить должны, чтоб не потухли
Глаза детей. Чтоб не жил страх...
Жрецы наживы не набухли,
И мир людей не познал крах.
20 декабря 2006 г.

ВЫБОР

Меня не тянет по грибы,
Мне не мерещится рыбалка...
Но нет упрека для судьбы:
Лишь жизнь прошедшую мне жалко.

Мне жаль бездумной простоты,
С которой выбрана специальность,
Недоосмысленной мечты,
Не воплотившейся в реальность...

И в этом некого винить:
Все «строим» шло, «благополучно»...
Но выбор жизни оценить,
Увы, возможно только «штучно»!

Пройти «естественный отбор»
Сквозь череду профессий разных...
И откровенный разговор
С людьми страстей разнообразных.

Как строгим нужно быть к себе:
Найти (он есть!) свой дар реальный,
Увы, совсем не «гениальный»,
Но значимый в твоей судьбе.

Забывать о моде, лжи иллюзий,
Пусть выбор прост, но осветить
Он должен жизнь — тебе и людям,
Тебя увлечь и поглотить:

Чтоб до конца твоей дороги,
Ты мог всегда ему служить,
И пустоты не знать тревоги,
И каждым часом дорожить!

19–26 июня 2006 г.

ЗАГЛЯНИ В СЕБЯ

Попробуй — загляни в себя.
Что там внутри, в душе таится?
Что можно выставить «любя»,
Что света Божьего боится?

По уголкам и закуткам
Там столько всякого набито...
Но недосуг и страшно нам.
И проще, если все — забыто.

Такой музей проблем твоих,
Поступков, мыслей и желаний,
Что, заглянув лишь только в них,
Ты горечь пьешь воспоминаний.

Там нет обид, но есть досада:
На глупость, промахи и лень...
И стыд извечного разлада:
Замах души, а дело — тень.

Позор шагов неблагоприятных,
Что от себя не ожидал,
И срывов горьких и обидных,
Едва не выросших в скандал.

Такого, может, и не много,
Но вспомнишь вдруг — и обдает
Тебя холодная тревога,
И сожаленье душу жжет.

Есть, впрочем, светлые места.
И можно, вроде бы, гордиться...
Ну а по сути — пустота:
Там просто нечего стыдиться.

11 сентября 2003 г.

ПОСЛЕДНИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Последний наш эксперимент
Мы ставим над собой:
То — наша смерть, ее момент,
Земным путям отбой.

Он нам ответит на вопрос
О сути бытия:

Под Богом дух наш жил и рос
И Бог — всему судья?

Иль мы природою самой
Случайно созданы,
И этих сил игра и бой
Лишь Миру суждены?

По смерти — Тьма и Пустота —
Один для нас ответ.
Другая жизнь — «не маета»,
Творца деянье — Свет.

Но дни загадки нам несут:
Не одинок земной наш Свет —
Порою мнится, что пасут
Нас из других планет,

Наш мир — неведом и живет,
Закрит от нас стеной...
Тогда в ответ на наш уход
Возможен вариант иной...

10–11 февраля 2007 г.

ДОРОГОЙ НИНЕ 29 АПРЕЛЯ 2007 Г.

Я опять впросак попал...
Но не с сердцем — с головою,
И опять младенцем стал:
Силою держусь твоей живою...

Сколько выпало тревог
От меня, да и мальчишек,
Их поток жестокий лег
Роем ран со слоем шишек.

Ты одна у нас за все
И в заботе, и в ответе:
Лишь терпение твое —
Держит нас еще на свете!

Не печалься, не журись —
Может, я и оклемаюсь ...
И еще потянем жизнь
Как-нибудь — не очень маясь...

Береги сама себя —
Вся семья живет тобою...
Дай Бог, я пойму, любя,
Эту истину усвою.

Юбилей всегда твой был
Вдохновения источник:
Он давал идей и сил
Для стихов веселых строчек...

Я тебе желаю сил,
Вдохновения, свободы —
Чтобы их запас хватил
Нам с тобой еще на годы!

28 апреля 2007 г.

КАК МАЛО ЗНАЕМ МЫ

Как мало знаем мы о Мире!
В глубинах ядер и небес
И в бесконечной его шири
Таится множество чудес.

Мы зрим его процент ничтожный
(О чем не знали до сих пор!),
А он — таинственный и сложный —
Загадки ставит нам в укор.

Мы уникальность свою мнили,
А он, похоже, нас «пасет»:
Пока в загадочном нам стиле,
Что НЛО с собой несет.

Сигналы свыше, откровенья...
Пророков, ясновидцев дар
Вселяют в души нам сомненья,
Науку ставят под удар!

Она — пока еще бессильна,
Но, вроде, многое смогла...
А «парамистика» — обильна,
Хотя ее скрывает мгла:

Мгла ограниченности нашей
И невозможности понять
Всей глубины вселенской чаши...
Жаль, просветленья не застать.

Но и оно не будет полным,
А только малый шаг вперед:
Ведь чудеса идут как волны...
И бесконечен их черед.

11 ноября 2006 г.

О СБОРНИКЕ СТИХОВ «ФИЗИКИ-ЛИРИКИ»* И СТИХАХ ВООБЩЕ

Каждый поет по-своему,
Каждый поет о своем...
Равных в этой обойме
Мы никогда не найдем.

Ибо в стихах для себя —
Каждый остался собой:
Что-то любя, не любя —
Он со своею судьбой...

Истинный стих — из души,
Слепок ее труда.
Пусто в душе — не пиши:
Нету стиха — не беда.

Хуже, когда мы ждем
Строк пустых череду,
Нудно скрипим — не поем
Радость, восторг, беду.

Чтоб для стихов созреть,
Нужно создать запас
Чувств, впечатлений... И петъ —
Пока настрой не погас!

28 сентября 2002 г.

ТЯЖКИЕ МЫСЛИ

Как часто мысли тяжкие приходят.
Прошел печальный юбилей.
Тоска стареющую душу сводит
Убийственной холодностью своей...

* Дубна: ОИЯИ, 2002.

Тут все переплелось: и личные невзгоды,
И времени пугающий развал,
И призрак необузданной свободы,
Куда вещатель меченый позвал.

Мы все рабы на этом странном свете —
Привычек, обстоятельств и страстей:
До старости играем мы как дети
В придуманных «прекрасных королей».

Как тяжело сознавать, что в жизни прошлой
Мы шли спокойно и уверенно в тупик,
Что все это — не сон, дурной и пошлый,
Способный одурманить нас на миг.

Не сон, а явь: в безжалостных деталях
Она напоминает о себе...
Мы снова к краю бездны встали,
В какой уж раз развергшейся в судьбе.

В судьбе страны, в судьбе ее народа...
Сумеем не разбившись воспарить?
Иль обернемся в страшного урода,
Что не способен помнить и любить?

Историю, обряды наши, песни.
Трагедии и смут лихие дни...
Мечтаю, чтоб традиции воскресли
И жизнь грядущую наполнили они

Тем чувством Родины святым, невыразимым,
Что наполняет наше существо:
Тут нам милы распутицы и зимы,
Печаль потерь и духа торжество.

Пока же вижу я разорванное время,
Где дети не поймут своих отцов.
Без чувства Родины взрастили поколение
Мы ни во что не верящих птенцов.

Бежать они готовы, бросив бремя
Ошибок наших и вины,
И тем свое продолжить племя
Уже без Родины, отцов и старины.

Привоем жить на дереве, им чуждом.
Чужими соками свои плоды растить.

Немедленно им блага жизни нужны —
Ни ждать они не могут, ни простить.

Но права нет у нас на горькие упреки.
Мы сами оттолкнули молодежь.
Писать осталось покаянные нам строки
И брать вину за искреннюю ложь.

Мечтаю, чтоб традиции воскресли
И жизнь грядущую наполнили они.
Но слов не выкинешь из песни —
Пусть в них живут и наши дни.

При всем их злом противоречье
В них были светлые черты
Коллективизма и мечты...
По ним мы будем ставить свечи.

19 октября 1990 г.

НАШЕМУ ДОРОГОМУ ЮБИЛЯРУ — МАМЕ НИНЕ!

Очень трудно с этим смириться,
Что девчонке с мисхорских камней,
Где когда-то пришлось нам резвиться,
Семь-на-десять пришел юбилей.

И с камней уж минуло полвека,
Как сомкнулися наши пути...
Да, Мисхор подарил человека,
С кем мечтал я по жизни идти.

Ты с тех пор лишь слегка потемнела,
Но остались и норы, и статья...
Появились два человека:
Мишей с Вадиком стали их звать.

Ты все так же в делах и заботах:
Держишь дом, опекаешь детей...
И успешно воюешь с работой,
Радиацией, кучей статей.

Знали молодость: лодки, палатки,
Были Волга, Прибалтика, Дон...
Как валдайские зори нам сладки!
И прекрасен с корзинами стон...

Жаль, что рано детей отпустили
На учебу, а после и в даль...
Лет бы пару еще с нами жили —
И развеяли нашу печаль.

Потянуло людей на природу:
Окружили садами Дубну —
Даже в лес стало мало нам ходу!
Без лесов и болот — мы в плену.

Завели огородик: начали с болота.
Жгли коряги, болотные пни...
Сколько было труда и заботы...
Но подняли (с надрывом) — одни.

Увлеклися: цветы, облепиха,
Много ягод и всякой травы...
Юбилярка — такая трудяга...
Но сдавать стали силы, увы.

Да и что удивляться: маршруты и тропы,
Перелеты — мы брали сполна:
Море Черное, Штаты, Европа —
Где ногами, а где из окна.

Но сужаются жизни просторы...
Нет дедов, умирают друзья...
А взамен — перестройки, раздоры,
С чем мириться спокойно нельзя.

Только встречи, звонки, эсэмэски,
На поездки уж сил не добыть,
Но зато постоянно — аптечки,
И к врачам научились ходить.

Ну а в целом — живем, меру знаем,
Не сказал бы «железно» всегда...
Детство ваше с тоской вспоминаем:
Наши лучшие в жизни года!

Все естественно — предки стареют...
Время лучшее — в ваших руках...
Но прошедшие годы нас греют,
Мы не числим себя в стариках.

Юбилярка — тому подтверждение:
Ей не дашь набежавших годов!

Вся в заботах, трудах и в движении:
В сотках ягод полно и цветов!

Мы живем вашей жизнью в «загранке»:
Даже Штатам желаем добра!
И тем более Вадику, франку...
Будьте целы и здоровы всегда!

Нашей маме — здоровья и блага,
Неизменную нашу любовь!
Пусть энергия, вера, отвага
Принесут ей прекрасную новь!

29 апреля 2009 г.

БЕЗДОННЫЙ МИР

Мы в этот Мир вошли бездонный —
Его узнать, его понять:
Изводим мы бумаги тонны,
Чтоб описать и рассчитать...

Но мы его родные дети...
Возможно ль быть умней отца?
Понять, откуда все на свете,
Узнать, додумать до конца:

Что есть Пространства Ширь и Время?
Как Мир велик... куда идет?
Неугомонно наше племя
В кругу исканий и забот...

Открылись нам Вселенной дали —
Им нет конца... из Точки путь...
Они миллиарды лет бежали,
Не суждено им отдохнуть.

Сумеем мы — поняв — вмешаться,
Свой нрав кровавый обуздав,
И к Миру новому подняться,
Где нет враждующих держав?

Не эффективен Мир блаженный —
Зачахнет он без бунтарей!
Не будет дерзких достижений,
Не будет в будущем — дверей!

Сейчас — борение страстей:
Безумной жажды денег, власти,
И миротворческих затей
На фоне знать и ведать страсти...

Что победит в безумной брани
На шаре нашем голубом?
Скорей всего, мы жертвой станем
Всего добытого умом...

28 мая 2015 г.

КОНСТАНТИНОВО

На берегу Оки высоком,
Где Константиново стоит,
Родился мальчик синеокий,
Что Русь стихами осветит.

И не могло тут быть иного:
Сама земля — России глубь —
Себя воспеть вложила слово
В поэта трепетную грудь...

Он взял талант, любовь и беды
Рязанской нашенской земли,
Где жили и сражались деды
И русский светлый дух зажгли.

О Русь! Твой путь широк, но труден:
Стоишь ты на семи ветрах.
Тебя ведут по жизни люди,
Кому не ведом стон и страх.

27 сентября 2017 г.

ВРЕМЯ

(А. Ф. Сазонов «Физика без парадоксов»*)

Еще одно нависло бремя:
Мы бьемся, чтобы разобрать
Задачу: что такое Время.
Мы в нем живем — пора бы знать.

* Дубна: Феникс+, 2004.

Эйнштейн включил его в Пространство
Как область сущего всего...
Возможно, это хулиганство —
Но нет управы на него...

Смирились многие в науке:
Еще одна родилась ось,
Трещат умы и пищут руки —
Но суть понять не удалось.

Над этим Аристотель думал,
И позже — мудрые умы.
И было много слов и шума,
Но не нашли ответа мы.

Лежит таинственное Время
В основе сущего всего...
Основа сущего — движенье —
И Время — следствие его.

Движенье циклов метит Время,
Считая циклы всех мастей,
Определяет наше племя
Течение Время — без затей.

Коль Мир живет — он есть движенье,
И им он Время создает...
И если есть у вас сомненье —
Отбросьте. Двигайтесь вперед!

17 июня 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Валдай	3
Оттепель	17
29 апреля 1990 г.	19
Моим дорогим женщинам	20
Март-1990	21
30 лет вместе.	21
К 75-летию Анны Александровны Шмаковой.	22
Где силы взять...	23
Незнакомке	24
Родник	25
Александр Петровне Носовой в день 80-летия.	25
Четыре дня	27
Храм	28
Исповедь	31
Майский вечер.	33
К 80-летию мамы — Анны Эмильевны Цупко	34
Годы	36
Памяти Иосифа Гончарова	37
Не легко	38
Октябрь ты сдал	39
Встреча с Беллой Ахмадулиной	41
И. С. Тургенев	42
Черные вороны	43
Ангел	44
Грядущий век	45
Который год	49
Март 1991 года	50
К молодежи.	51
Одинокие прогулки	52
Вальс.	53
От идеала к благодати	54
Опора	55
Вадику	57
Огород перестройки	59
Не жалею.	61
Нельзя бросать сейчас Россию	62
Москва. Февраль 1991 г.	64
Танцы в Истре	65
Зачем же ты...	67
Русский романс	68
Дикие гуси.	69

Жестокая охота	71
Оле Корнюшко	73
Зима в октябре	73
Женские стихи	74
Прогулка	77
Дорогие Гизела и Дитмар	77
Январь 1991 года	79
Наташе	81
Не понял я тебя тогда	82
Апрельский вечер	83
Не узнал	84
Сон	85
Наш президент	86
Отцовские слезы	87
«Терзаюсь, что в последние я годы»	89
Журавли	89
Гале Соловьевой	90
Осень желто-голубая	90
Памяти Кости Некрасова	91
Уходящим друзьям	92
Ирине Григорьевне	93
На Амуре осенний разлив	93
Молодежи	95
Мне с Амура привет принесли	96
Россия	98
Нине 23 июля 1995 года	98
Вечность	99
Улыбка января	101
Свобода	101
29 апреля 1996 года	102
Уходящему году	103
Романс	104
Клочок	105
Наташе 75	106
Герпес	107
Дорогой Нинуле в день рождения	108
Метет	108
«Французу»	109
Мише 35!	110
Не боюсь	111
Кредо	112
Клан	115
Муравьи	117

Итог	117
Италия. Август 1999 г.	118
Нить	129
Юбилей	130
Оле, Испания! Оле!	131
Люди	136
Вояж в Америку.	137
Нине	144
Заря Востока.	145
Строки	146
Дорогой Нине	146
Дорогая Алла!	149
В. Б. Флягину.	150
Инерция.	150
Мечтатели	151
Мне 70 лет.	153
Стрела времени	153
Скованные страсти.	154
Рубеж	155
Февраль	156
Мужская любовь	157
На Руси поднимаются храмы.	157
Нельзя жить только для себя	159
Памяти Анны Александровны	160
Порт шести морей.	161
«Мы часто слышим: ”творчество мое“»	162
«Бессонница, мой спутник зрелых лет»	163
К 60-летию Дитмара Эберта	163
Велик наш в технике прогресс, а в жизни — зло, ей правит бес.	164
Чтиво	164
Чудеса	165
Грабеж	166
Неизбежное	166
«Моряк в седле»	167
Не спешу	168
Преемник	168
Шестое чувство	170
Как делаются стихи	171
Весна	172
Пустота	172
Мальчишки	173
Жизнь и Мир	174
Дорогой Коля!	175

Остаток	176
Дорогой Нине юбилей — 65	176
Михаил Лермонтов	177
Люде и Мише Кулюкиным в день золотого юбилея	179
Дорогой Нине	180
Наука	181
Последний шанс	182
Наука и вера	183
Губерману	183
Нет покоя	184
Рифмы	185
Птичий грипп	186
Гарики	186
Печальная пора	187
Полотняный Завод	188
Памяти Коли	189
Без задела	189
Выбор	190
Загляни в себя	191
Последний эксперимент	191
Дорогой Нине 29 апреля 2007 г.	192
Как мало знаем мы	193
О сборнике стихов «Физики-лирики» и стихах вообще	194
Тяжкие мысли	194
Нашему дорогому юбиляру — маме Нине!	196
Бездонный мир	198
Константиново	199
Время	199

Литературно-художественное издание
Цупко-Ситников Всеволод Михайлович
СТИХИ ПОЗДНИХ ЛЕТ

Редактор *Е. В. Калининкова*
Компьютерная верстка *Е. В. Дергуновой*

Подписано в печать 14.11.2019.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,75. Уч.-изд. л. 11,02. Тираж 135 экз. Заказ 59807.

Издательский отдел
Объединенного института ядерных исследований
141980, г. Дубна, Московская обл., ул. Жолио-Кюри, 6.
E-mail: publish@jinr.ru
www.jinr.ru/publish/